

სტალინის სახელობის
თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის

შ რ მ ა ე ბ ი

Т Р У Д Ы

ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ СТАЛИНА

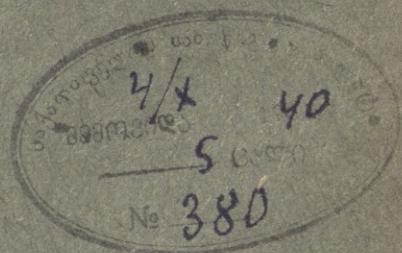

TRAVAUX

DE L'UNIVERSITÉ
STALINE
à TBILISSI (Tiflis)

XV

Handwritten text, possibly library or collection information, partially illegible.

სტალინის სახელობის
თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის

შ რ ო მ ე ბ ი

Т Р У Д Ы

ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ СТАЛИНА

TRAVAUX

DE L'UNIVERSITÉ
STALINE
à TBILISSI (Tiflis)

XV

სტალინის სახელობის
თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა

თბილისი-1940

დაიბეჭდა სტალინის სახ. თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის რექტორის
დოც. დ. ყიფშიძის განკარგულებით

სარედაქციო კოლეგია

აქად. ივ. ბერიტაშვილი, პროფ. კ. კეკელიძე, დოც. დ. შიფოძე (პასუხისმგ.
რედაქტორი), პროფ. ა. ხარაძე, აქად. წ.-კორ. ბ. ხაზაშვილი

ზ ი ნ ა ა რ ს ი

1. ს. ჯანაშია, ამხ. ლავრენტი ბერიას წიგნი „ამიერკავკასიის ბოლშევიკური ორგანიზაციების ისტორიის საკითხისათვის“ და ისტორიული მეცნიერება საქართველოში 1

ენათმეცნიერება

2. А. Шанидзе, Новый труд по армянской диалектологии 7
3. Л. М. Меликсет-Бек, По поводу нового труда по армянской диалектологии 29
4. ვ. თოფურია, ქართველურ ენათა სიტყვაწარმოებიდან 41

ისტორია

5. А. Введенский, Подлог и фальсификация исторических документов в Грузии в первой половине XIX в. 53
6. М. Полиевктов, Ревизия Закавказского Края сенаторами Кутайсовым и Мечниковым и фонд дел этой ревизии в историческом архиве в Ленинграде 81

ეკონომიკა

7. С. Берадзе, О марксистской теории денег 103
8. ირ. შიქელაძე, საქართველოს საბოზის ბალანსის ანალიზისათვის 129
9. სამეცნიერო ქრონიკა 145

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. С. Джанашия, Книга тов. Лаврентия Берия „К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье“ и историческая наука в Грузии 1

Я З Ы К О В Е Д Е Н И Е

2. А. Шанидзе, Новый труд по армянской диалектологии 7
3. Л. М. Меликсет-Бек, По поводу нового труда по армянской диалектологии 29
4. В. Топурия, Заметки по словообразованию в картвельских языках 41

И С Т О Р И Я

5. А. Введенский, Подлог и фальсификация исторических документов в Грузии в первой половине XIX в. 53
6. М. Полиевктов, Ревизия Закавказского Края сенаторами Кутайсовым и Мечниковым и фонд дел этой ревизии в историческом архиве в Ленинграде 81

Э К О Н О М И К А

7. С. Берадзе, О марксистской теории денег 103
8. Ир. Микеладзе, К анализу топливного баланса Грузинской ССР 129
9. Научная хроника 145

SOMMAIRE

	Pages
1. S. Djanachia, Livre du camarade Lavrenti Béria „Pour l'histoire des organisations bolchévistes en Transcaucasie“ et la science historique en Géorgie.	1

LINGUISTIQUE

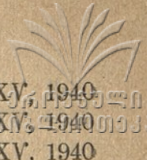
2. A. Chanidzé, Nouvel ouvrage sur la dialectologie arménienne	7
3. L. Melikset-Bek, A propos d'un nouvel ouvrage sur la dialectologie arménienne	29
4. V. Topouria, Notes sur la formation des mots dans les langues khartvéliennes	41

HISTOIRE

5. A. Vedenski, Faux et falsifications de documents historiques en Géorgie, dans la 1-ère moitié du XIX siècle	53
6. M. Polyevctov, Inspection de la Transcaucasie par les sénateurs Koutaïssov et Metchnikov et les documents de cette inspection aux archives historiques de Léningrad.	81

SCIENCES ECONOMIQUES

7. S. Béradzé, Sur la théorie marxiste de monnaie	103
8. Ir. Mikeladzé, De l'analyse du bilan de combustibles de la R. S. S. Géorgienne	129
9. Chronique scientifique	145

ს. ჯანაშია

ამხ. ლავრენტი ბერიას წიგნი „ამიერკავკასიის ბოლშევიკური ორგანიზაციების ისტორიის საკითხისათვის“ და ისტორიული მეცნიერება საქართველოში

დაუფიწყარია ის პირველი შთაბეჭდილება, რომელიც ამხ. ლ. ბერიას შესანიშნავი ნაშრომისაგან მივიღე. ეს იყო თბილისის გარეთ, ქართველ ინტელიგენტთა მცირე ჯგუფში, რომელსაც ფოსტამ მოულოდნელი ძვირფასი საჩუქარი მოუტანა. უკვე გაზეთის პირველივე სვეტების კითხვამ ცხოვლად გვაგრძნობინა, რომ ჩვენ საქმე გვქონდა ისეთ ლიტერატურულ-პოლიტიკურ მოვლენასთან, რომელსაც ღრმა კვალი უნდა დაეჩნია ჩვენი ცხოვრების მრავალი მხარისათვის, განსაკუთრებით კი ისტორიული მეცნიერებისათვის.

წიგნის საფუძვლიანმა შესწავლამ განამტკიცა პირველი შთაბეჭდილება. ყველაფერი შესანიშნავია ამხ. ლ. ბერიას ნაშრომში.

1. **ს ა გ ა ნ ი .** ნაშრომი მიზნად ისახავს ამიერკავკასიისა და საქართველოს ბოლშევიკური ორგანიზაციების ისტორიის შესწავლას. პარტიის ისტორიის საკითხები აქ ორგანულად არის დაკავშირებული ქვეყნის, საზოგადოების კონკრეტული ვითარების ისტორიასთან, ბოლშევიკური იდეების განვითარება ნაჩვენებია წინამორბედი და თანამედროვე საზოგადოებრივი აზროვნების სხვა მიმართულებებთან ცოცხალი, ქმედითი ურთიერთობის რკალში.

2. **მ ე თ ო დ ი .** წიგნი აგებულია ღრმა სტალინურ დებულებებზე იმის შესახებ, რომ პარტიის ისტორიის შესწავლა დაყენებულ უნდა იქნას მეცნიერულ, ბოლშევიკურ ლიანდაგზე, რომ მოვლენებისა და ფაქტების მეცნიერული აღწერა უნდა დაგვირგვინდეს თვით ისტორიული პროცესის მარქსისტული, ე. ი. ნამდვილად მეცნიერული ახსნით.

3. **ა მ ო ც ა ნ ა და წ ი გ ნ ი ს „ს უ ლ ი“ .** წიგნი ამოცანად ისახავს პარტიისა და კომკავშირის წევრთა, ყველა თავისი მკითხველის მარქსისტულ-ლენინურ აღზრდას მათი ისტორიული ცოდნის გაფართოების საშუალებით. მთელი წიგნი გამსჭვალულია უსაზღვრო სიყვარულით პარტიისადმი, მისი ორგანიზატორებისადმი, დიდი სტალინისადმი, დაუძინებელი სიძულვილით პარტიისა და ხალხის მტრებისადმი და ამ გრძნობებს უნერგავს იგი თავის მკითხველებსაც.

4. ს ტ ი ლ ი. ეს ბოლშევიკური წიგნი ბოლშევიკური სტილითაა დაწერილი: მომჭირნე და მდიდარი, ფოლადსავეთ მტკიცე და მოქნილი ენით არის იგი დაწერილი.

ეს მოკლე აღწერა ოდნავადაც ვერ გადმოსცემს იმ მთლიანობას, რომელსაც ამხ. ლ. ბერიას წიგნი წარმოადგენს. ეს ერთი ცოცხალი ორგანიზმია, რომლის თითოეულ ასოს აზის ავტორის ინდივიდუალობის წარუხტელი ბეჭედი: ღრმა რწმენა, უდრეკი პრინციპულობა, უტეხი ნება, დიდი სახელმწიფო კაცის შემართება და გაბედულება. ამიტომაც, რომ წიგნი სავსებით იმორჩილებს მკითხველს და თავის გზაზე მიჰყავს იგი.

ამხ. ლ. ბერიას ნაშრომი იმ იშვიათი წიგნების კატეგორიას ეკუთვნის, რომელთა გამოქვეყნება მთელს საზოგადოებრივ მოძრაობას იწვევს. განსაკუთრებულია მასშტაბი და შინაარსი იმ დიდი მოძრაობისა იდეოლოგიის სფეროში, რომელიც ამხ. ლ. ბერიას წიგნმა შექმნა; შესანიშნავია ის შედეგები, რომლებიც ამ მოძრაობამ უკვე მოიტანა; უაღრესად მნიშვნელოვანია ის ამოცანები, რომლებიც მან წამოაყენა.

ამხ. ლ. ბერიას ნაშრომმა გახსნა ჩვენთვის მანამდე უცნობი ახალი ისტორიული სამყარო. მან გვიჩვენა დიდი ბელადის გენიალური სახე და განუმეორებელი ღვაწლისა და ბრძოლის გზა: კაბუჯი ჯ უ ლ ა შ ვ ი ლ ი, როგორც ერთერთი უმნიშვნელოვანესი ბოლშევიკური რაზმის ორგანიზატორი და ხელმძღვანელი, ახალგაზრდა ს ტ ა ლ ი ნ ი რუსეთის პირველი რევოლუციის ეპოქაში, როგორც დიდი ლენინის უახლოესი თანამოსაგრე და შემოქმედებითი მარქსიზმის ფუძემდებელი. მან გვიჩვენა ამხანაგ ს ტ ა ლ ი ნ ი ს ხელმძღვანელი როლი რევოლუციური პრაქტიკისა და თეორიის მთელს შემდგომ განვითარებაში. ამხ. ლ. ბერიას ნაშრომმა არა მარტო ნამდვილად მეცნიერული ობიექტურობით დაადგინა ეს ისტორიული მოვლენები და ფაქტები, არამედ მისცა მათ ღრმა მარქსისტული ახსნა და, რაც განსაკუთრებით აღსანიშნავია, დაასაბუთა აღწერილი და განმარტებული მოვლენების ისტორიული კანონზომიერება.

ამხ. ლ. ბერიას წიგნმა არაჩვეულებრივად გაამდიდრა ჩვენი ისტორიული ცოდნა და გააფართოვა ჩვენი ისტორიული ჰორიზონტი. მან თვალუწვდენ სივრცეზე გაიტანა საგნისადმი ინტერესი და გააღვიძა მისი შემდგომი შესწავლის წყურვილი.

მარქსიზმი ისტორიის დარგშიაც არის საკაცობრიო აზრის მრავალსაუკუნოვანი განვითარების ახალი, უმაღლესი საფეხური; მარქსიზმის კლასიკოსებმა ისტორიულ მწერლობასა და კვლევაძიებას მისცეს ნამდვილი მეცნიერული სახე, ე. ი. გადააქციეს იგი ისეთი შემეცნების ფორმად, რომელიც სრულის ობიექტურობით ასახავს რეალურ კონკრეტულ სინამდვილეს და მისი განვითარების კანონზომიერებას.

ისტორიული მეცნიერების ეს გარდაქმნა, მისი აყვანა უმაღლეს საფეხურზე საქართველოში განუყრელად დაკავშირებულია დიდი ს ტ ა ლ ი ნ ი ს ა და მისი უახლოესი თანამებრძოლების სახელებთან. სწორედ ამხანაგმა ს ტ ა ლ ი ნ მ ა დაუპირისპირა მთელი სიმკვეთრით დიალექტიკურ - მატერიალისტური თვალსაზრისი ისტორიის გამყალბებელ ფსევდომარქსისტულ „კონცეფციებს“, რომლებიც

საქართველოს მხოლოდ ბურჟუაზიული ევროპის გზის ბრმა განმეორებას უკარნახებდა. ამხანაგ სტალინის კალამს ეკუთვნის ის შესანიშნავი განზოგადებანი საქართველოს ისტორიიდან, რომელთა სიღრმე დღესაც აკვირებს უშუალოდ მასალაზე ხანგრძლივად მომუშავე სპეციალისტებს. საკმაოა მოვიგონოთ ამხანაგ სტალინის გენიალური განმარტება ქართველი ხალხის ნაციად ჩამოყალიბების პროცესისა; მისი, თავისი სიღრმითა და ლაკონიურობით საოცარი, ფორმულა, რომ ქვეყნის ეფემერული გაერთიანება ფეოდალურ ხანაში სწრაფად ირღვევა „თავადების კაპრიზებისა და გლეხების ინდიფერენტობის“ წყალობით, სადაც ოთხი სიტყვით გამოხატულია საზოგადოების ორივე ძირითადი კლასის საერთო დამოკიდებულება აღნიშნულ მომენტთან; ან მისივე შესანიშნავი დახასიათება კაპიტალიზმის განვითარების დონისა ამიერკავკასიაში XX საუკუნის დამდეგისათვის; ან უღრმესი სტალინური დებულება „უმცირესი ბოროტების“ შესახებ და მრავალი სხვა. ამხანაგმა სტალინმა და მისმა თანამებრძოლებმა (ალ. წულუკიძემ, ლ. კეცხოველმა) განუმარტეს საქართველოსა და კავკასიის მებრძოლ მუშათა კლასს ქვეყნის წარსულის კრიტიკულად შესწავლის მნიშვნელობა და ჩაუნერგეს მას რევოლუციური მარქსიზმის შეხედულება იმის შესახებ, რომ ახალი, ნამდვილად ადამიანური და ნამდვილად თავისუფალი სამყაროს მშენებელი კლასი იღებს წინა თაობათა მემკვიდრეობიდან ყველაფერს, რაც პროგრესულია, კულტურულად ღირებული და ზნეობრივად ამაძლეველი.

რეაქციის პერიოდში, რომელიც მოჰყვა რუსეთის პირველ რევოლუციას, ოპორტუნისტებმა და ლიკვიდატორებმა იდეოლოგიის სფეროშიაც წამოჰყვეს თავი. არსებითად მათივე განმგძობნი იყვნენ ის ცეროდენა ისტორიკოსები სხვადასხვა ჯურის თვალთმაქცებისა და ფალსიფიკატორების წრიდან, რომელთაც, პარტიულ დროშასა და გორილა „მარქსისტულ“ ფრაზებს ამოფარებით, სიყალბისა და ობსკურანტიზმის ბურუსში გახვიეს ჩვენი ისტორიის უმნიშვნელოვანესი საკითხები, დამარღვეველი პოლიტიკური მუშაობა ჩაატარეს ამ გზით და თვით ისტორიული მეცნიერების ლიკვიდაციაც სცადეს.

ამხ. ლ. ბერიას ნაშრომის უდიდესი დამსახურებაა, რომ მან აღადგინა, საბოლოოდ დაამკვიდრა და განავითარა სტალინური პრინციპები და ტრადიციები კავკასიისა და საქართველოს ისტორიის მეცნიერებაში, რომ მან გააცამტვერა ისტორიული მეცნიერების ყველა გამყალბებელი.

იმ დიდმა საზოგადოებრივმა მოძრაობამ, რომელსაც სათავე დაუდო ამხ. ლ. ბერიას შესანიშნავმა ნაშრომმა, როგორც ზემოთ უკვე ვამბობდით, მრავალფეროვანი გამოხატულება მიიღო. ამხ. ლ. ბერიას ინიციატივით გაიშალა მანამდე ჩვენში უნახავი მუშაობა ისტორიული მასალებისა და ძეგლების შეგროვების, სათანადო დაცვისა და ექსპოზიციის, მეცნიერული პუბლიკაციისა და შესწავლის დარგში. გაფართოვდა და განმტკიცდა არსებული საისტორიო დაწესებულებანი—პირველ რიგში, მარქს-ენგელს-ლენინის ინსტიტუტის თბილისის ფილიალი; დაარსდა ასეთივე ხასიათის ახალი მძლავრი ორგანიზაციები (კერძოდ, საკავშირო მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალის ისტორიის ინსტიტუტი); მოეწყო ისტორიულ-რევოლუციური მუზეუმების მთელი

ქსელი, რომელსაც სათავეში უდგას ლენინის მუზეუმის თბილისის ფილიალი ალრიცხული და დაცულია ძვირფასი ისტორიული ძეგლები და მათ შორის უძვირფასესი — სახლი გორში, რომელშიაც დაიბადა მოწინავე კაცობრიობის ბელადი დიდი სტალინი. გაიშალა საკუთრივ ისტორიული კვლევები და გამოქვეყნდა რიგი შრომები, დოკუმენტალური მასალების კრებულთა და მონოგრაფიათა სახით, რომელთაც წინ მიჰყავთ ჩვენი მეცნიერება.

ხაზგასმით აღსანიშნავია ის გამოძახილი, რომელიც ამხ. ლ. ბერიას წიგნმა ჰპოვა თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტში, დიდი სტალინის სახელს რომ ატარებს. უნივერსიტეტის მოსწავლე ახალგაზრდობა ხარბად დაეწაფა ისტორიული ცოდნის ამ მდიდარ საგანძურს. შეიძლება ითქვას, რომ XIX ს. დამლევისა და XX ს. საქართველოსა და ამიერკავკასიის ისტორიის ცოდნას ჩვენი სტუდენტობა უმთავრესად სწორედ ამ წიგნის საშუალებით იძენს, მისივე შემწეობით ითვისებს მეცნიერულ კონცეფციას ჩვენი ქვეყნის საზოგადოებრივი ცხოვრების შესახებ საერთოდ XIX საუკუნეში და ისტორიული კვლევის უზადო მეთოდოლოგიით იჭურვება. შეძლებისდაგვარად სცადეს თავისი სასწავლო და სამეცნიერო მუშაობის რეორგანიზაცია, ახალ ამოცანებთან შეფარდებით, ისტორიულმა კათედრებმა. ორგანიზაციულ დარგში აღსანიშნავია „საქართველოს ისტორიის კაბინეტის“ მოწყობა, რომელმაც თავისი არსებობის მოკლე ხნის განმავლობაში საკმაოდ მნიშვნელოვანი მუშაობა ჩაატარა, ცალკე მონოგრაფიებისა თუ საქართველოს ისტორიის ქართულ-რუსულ-სომხურ-სპარსული წყაროების გამოცემის დარგში (კაბინეტმა, კერძოდ, დააარსა ახალი სერია „უცხო მწერალთა ცნობები საქართველოს შესახებ“).

ეს მოძრაობა შეიჭრა ხელოვნების სფეროშიაც. მან მძლავრად აამოძრავა ისტორიული შემეცნებისა და იდეოლოგიური ზემოქმედების ეს სპეციფიკური იარაღი.

განსაკუთრებულ პასუხისმგებლობას გვაკისრებს ჩვენ ამ მოძრაობის კიდევ ერთი შესანიშნავი ნაყოფი: ამხ. ლ. ბერიას წიგნმა საბჭოთა კავშირის მშრომელებს ღრმა ინტერესი გაუღვიძა თავისი საყვარელი ბელადის სამშობლოსადმი. მშრომელებს ჰსურთ გაიგონ იმ ქვეყნისა და ხალხის აწმყო და წარსული, რომელთაც კაცობრიობას მისცეს დიდი სტალინი. ეს გარემოება ზრდის, კერძოდ, იმ ამხანაგების მოვალეობას, რომელნიც საქართველოს ისტორიაზე მუშაობენ.

ისტორიული მეცნიერების წინაშე საქართველოში, თავისთავად ცხადია, იგივე ამოცანები დგას, რომელნიც საბჭოთა მოწინავე ისტორიულ მეცნიერებას აქვს დ სახული საერთოდ. ზემოაღნიშნული მომენტი ამ საერთო ამოცანებს მხოლოდ კონკრეტულ ფორმას აძლევს. თუ რამდენად ღირსეულად გადასწყვეტენ ამ ამოცანებს ჩვენი მუშაკები, ეს ყველაზე მეტად დამოკიდებულია იმაზე, თუ რამდენად ღრმად შეითვისებენ ისინი ისტორიული მეცნიერების იმ მეთოდოლოგიას, რომელიც შეჰქმნეს მარქსიზმის კლასიკოსებმა და რომელმაც კლასიკური გამოყენება ჰპოვა ამხ. ლ. ბერიას ნაშრომში და, აგრეთვე, რამდენად დაეუფლებიან ისინი ფაქტიურ ისტორიულ მასალას, რომლის მოცულობა ამჟამად უკვე კოლოსალურია.

შეგნებული უნდა გვქონდეს, რომ მეცნიერული შემოკმედებისათვის არ არის საკმარისი მეცნიერული მეთოდოლოგიის მხოლოდ ინტელექტუალური შეთვისება, არამედ საჭიროა ამ მეთოდოლოგიის ორგანული შესისხლხორცება შიძიებელი და შემოქმედი ბუნების აქტიურ ძალებთან.

დიდი ამოცანები დგას სტალინის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის წინაშე, იმ ძირითადი სამკედლოს წინაშე, რომელმაც უნდა გამოაწრთოს ახალგაზრდა ისტორიკოსთა უმთავრესი კადრები ჩვენში. გასაკეთებელი მეტი, ვიდრე გაკეთებული. საჭიროა, უწინარეს ყოვლისა, ისტორიის ფაკულტეტის სტრუქტურისა და სასწავლო გეგმების შემდგომი გაუმჯობესებისათვის დაულალავი, მეთოდური მუშაობა. სასწავლო გეგმების გაუმჯობესება აუცილებელია იმ მიმართულებით, რომ ისინი საშუალებას იძლეოდნენ არა მარტო მზამზარეული ისტორიული ცოდნის გადაცემისათვის, არამედ სტუდენტების სრული გაწვრთნისათვისაც ისტორიული კვლევაძიების სპეციალურ მეთოდოლოგიასა და ტექნიკაში. ლაბორატორია, სემინარი და პრაქტიკუმი, სპეციფიკურ პირობებთან შეფარდებით, ისტორიის ფაკულტეტზე ისეთსავე როლს უნდა თამაშობდეს, როგორც საბუნებისმეტყველო ფაკულტეტებზე. მეტი ყურადღება უნდა მივაქციოთ ფაკულტეტის კონტინგენტის შერჩევისაც.

მხოლოდ ყველა ამ პირობის განხორციელებისას შევსძლებთ ჩვენ მოვამზადოთ ისტორიკოსთა მაღალკვალიფიციური კადრები იმ დიადი სამეცნიერო ამოცანების გადასაწყვეტად, რომელთაც ჩვენს წინაშე აყენებს ამხ. ლ. ბერიას შესანიშნავი ნაშრომი და ჩვენი ქვეყნის უმდიდრესი წარსული.

А. Шанидзе

Новый труд по армянской диалектологии

(Критический отзыв о сочинении А. Гарибяна „Новая ветвь армянских диалектов“)¹

Представленный А. Гарибяном в Тбил. Госуд. Университет им. Сталина на соискание ученой степени доктора филологических наук труд озаглавлен *Հայերն բարբառների մի նոր ճյուղ* („Новая ветвь армянских диалектов“); он напечатан в XI томе „Научных трудов Ереванского Государственного университета“ (1939) и представляет собой исследование на армян. языке (стр. 23—146) с русским и французским резюме (стр. 147—151), с приложением сравнительного словаря пяти диалектов (стр. 152—187), трех таблиц и схематической карты Кавказа, на которой указаны места описываемых диалектов².

I

Приступая к оценке названного труда, заметим, прежде всего, что для изучения армянских диалектов до сих пор сделано вообще не мало. В самом деле, достаточно назвать, например, исследования Г. Ахвердова³, Айдыняна⁴, Патканова⁵, Саргисяна⁶,

¹ Настоящий отзыв зачитан на заседании Совета профессоров Тбил. Госуд. Университета им. Сталина во время публичной защиты диссертации 16 февраля 1940 г.

² Означенный труд сперва был представлен в рукописном виде (220 стр., переписанных на машинке, с исправлениями от руки). В рукописи нет резюме на французском языке, сравнительного словаря, таблиц и карты. В остальном между печатным и рукописным текстами разницы нет. Здесь ссылки даются на печатный текст.

³ Издал песни ашуга Саят-Нова, снабдив их предисловием, где исследуется тбилисское наречие армянского языка (Москва, 1852).

⁴ Критич. грам. современного армянского языка. Вена, 1866 (на арм.).

⁵ Исследов. о диалектах армянского языка (СПб, 1869); Материалы для изучения армянских наречий (СПб, 1870).

⁶ Агулисское наречие (Моск. 1883, на арм. языке).

Хануша¹, Томсона², Мсерианца³ и др., а также текстовые материалы по армянским диалектам и говорам, печатавшиеся в разных органах этнографического направления („Азгагракан Хандес“, Тбил. с 1896 г.; „Бюраки“, Константинополь, 1898—1900; Эминский этнографический сборник“, Москва, с 1901 г.), чтобы составить себе понятие о громадной работе, проделанной над изучением живой речи армянского народа на родине, или в диаспоре. Особо надо отметить работы Хр. Ачаряна, ученика парижской лингвистической школы, который, начав работу над изучением армянских диалектов еще в конце прошлого столетия, успешно продолжал ее в XX веке и дал две работы обобщающего характера, появившиеся в серии „Эминских этнографических сборников“ и составившие эпоху в истории армянской диалектологии: а) „Армянская диалектология. Очерк и классификация армянских диалектов“ (ЭЭС, вып. 8, Москва—Ново-Нахичевань)⁴ и б) „Провинциальный словарь армянского языка“ (ЭЭС, вып. 9, Тбилиси, 1913)⁵. В названных трудах Хр. Ачарян подвел итоги работам, которые велись разными лицами (в том числе и им самим) для научного освещения вопросов армянской диалектологии в течение более 60 лет. В первом из них он, давая описание фонетической системы и морфологических особенностей диалектов, всегда представленных образцами текстов, классифицирует все известные науке диалекты по морфологическому признаку — по способу образования настоящего времени, а во втором он раскрывает богатое разнообразие словаря живого армянского языка.

В отношении словарного запаса живой речи армян заслуживает внимания также работа С. Ама т у н и, озаглавленная *Հայկոց բառապահեստը*, вышедшая годом раньше (Вагаршапат, 1912).

Империалистическая война 1914—18 гг., произведшая большие разрушения во многих вилайетах, населенных армянами, и повлекшая за собой даже полное исчезновение некоторых армянских диалектов на насиженных местах, вызвала новое рассеяние южных представителей многострадального народа и вновь перемешала армянские диалекты.

¹ О języку Ormian polskich (Краков, 1886).

² Очерк ахалцхского говора (Лингвист. исследов. I, СПБ, 1887); Историч. грам. соврем. армянского языка города Тифлиса. СПБ. 1890.

³ Сравнительная фонетика мушского диалекта в связи с фонетикой Грабара. Москва, 1897.

⁴ Сокращенный французский перевод этого труда (без образцов) появился еще раньше: Classification des dialectes arméniens. Paris, 1909.

⁵ Правильнее было бы назвать: „Диалектологический словарь армянского языка“.

После великой Октябрьской Революции удается сдвинуть с места изучение армянских диалектов. Т. Погосян дает описание хаварикского диалекта (в „Известиях Арм. Научного института“, 1922 г.), а Хр. Ачарян, больше всех сделавший для армянской диалектологии, после 11-летних мытарств, вызванных войной и послевоенными событиями, с новой энергией приступает к исследованию армянских диалектов: в 1925 г. появляется его „Исследование о ново-нахичеванском (крымском) диалекте“ (Ереван, 464 стр.), в 1926 г. — „Исследование о марагском диалекте“ (Ереван, 456 стр.), а в 1935 г. — „Исследование об агулисском диалекте“ (Ереван, 400 стр.); все эти труды, к сожалению, отпечатаны стеклографским способом и в очень ограниченном количестве экземпляров (первые два из них по 50 экз., а третий — в кол. 300 экз.)¹.

Таким образом, нельзя особенно жаловаться на малочисленность работ по армянской диалектологии. Нельзя сказать и того, чтобы было сделано мало. Нет, сделано много, но только в отношении накопления и преумножения фактических материалов. Даже работы Томсона и Мсерианца, претендовавшие дать историю армянского языка по некоторым отделам, оказались не в силах осветить проблемы исторического развития живых диалектов, ибо диалекты изучались в отрыве от исторических факторов, создавших их. Исходя из индоевропейского понимания природы армянского языка, исследователи не замечали (да и не могли заметить) неиндоевропейского слоя армянского языка. Только акад. Н. Я. Марр приоткрыл завесу, скрывавшую от взоров ученых ту сторону армянского языка, которая кишмя кишит элементами картвельских языков. Смелые шаги Н. Марра, сделанные в этом направлении², к сожалению, пока не нашли должного отклика среди специалистов армянского языка. Исключения из этого общего правила не представляет и исследование А. Гарибяна („Новая ветвь армянских диалектов“), которое, давая богатый фактический материал, в основном стоит на позициях старой школы арменистов.

Морфологический принцип, положенный в основу классификации армянских диалектов, привел Хр. Ачаряна к заключению,

¹ Тут перечислены не все работы по армянской диалектологии, а только главнейшие из них.

² Яфетич. происхождение армянского слова *magareu* „пророк“ (И А Н 1909); К вопросу о близком средстве армянского языка с иверским: ЗВО, XIX (1909); Яфетич. *q* в арм. яз. (ib); Два яфетич. суффикса в грам. древне-армянского языка (ИАН, 1910); Яфет. происх. найского *beap* „рот“; Серия исследований под общим заглавием: „Яфетические элементы в языках Армении“ (I—XI), печатавшихся в ИАН в 1911—1919 гг. и др.

изучение истории армянского языка¹. Тогда он склонен был ввести последний диалект в третью группу, группу ξl el (куда входили: марагский, урмийский, хойский и артвинский), с перенесением же урмийского и артвинского в четвертую группу третья группа остается по старым данным в составе только двух диалектов: марагского и хойского, а по новым—в составе трех диалектов: марагского, салмастского и хаварикского². Впрочем, Гарибян поправляет Ачаряна, называя вторую группу по исходному согласному (группа l l, вм. группы ξl el), ввиду того, что здесь имеются и такие глаголы, которые в конце принимают не только ξl el, но и $\text{ш} l$ al: $\text{ք} l$ el em (пишу), $\text{ք} l$ al em (читаю).

Описание каждого диалекта³ занимает от 17 до 24 стр., за исключением шагахского, которому в книге отводится всего 9 страниц, а именно: артвинскому отведены стр. 33—49; шагахскому—стр. 50—58, карчеванскому стр. 59—81, мегринскому—стр. 83—106, хадрутскому—стр. 107—127, урмийскому—стр. 128—146.

Дав сперва описание фонетической системы диалекта, автор переходит к перечислению важнейших морфологических явлений (склонения и спряжения), а затем дает образцы связных текстов.

II

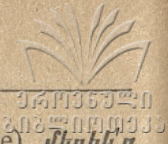
Описание фонетических и морфологических особенностей в книге А. Гарибяна дано довольно подробно. Конечно, нельзя требовать, чтобы на данном этапе изучения названных диалектов было исчерпывающим образом показано все, что касается фонетики и строя их. Поэтому, если, например, в спряжениях глаголов даны только формы действительного залога, то это не беда. Нельзя не отметить, что приложенные в конце таблицы (одна для склонения имен, а две для спряжения глаголов) значительно облегчают сравнительное изучение данных диалектов и проверку утверждений автора.

Сравнивая склонение местоимений урмийского говора, данное автором раньше в его книге „Введение в изучение истории армянского языка“ с соответствующим местом в новом его труде, находим, что здесь опущены параллельные формы дательного падежа:

¹ Ереван, 1937 г., стр. 230—231 (на арм. яз.).

² Ачарян, Этимол. словарь, VII, 1935, стр. 26.

³ Во избежание недоразумений, должен отметить, что, употребляя термин „диалект“, я в данном случае следую автору, хотя при детальном изучении армянских наречий и говоров, некоторые из диалектов изученной им группы могут оказаться и говорами по отношению к другим.

личных местоимений *ընծիկ' ɛnziḳ'* (мне), *ք'եզիկ' k'ezik'* (тебе), *մեզիկ' ɛ meziḳ'ə* (нам), *ծեզիկ' ɛ zezik'* (вам), *սանցիկ' ɛ ɬansik'ə* (этим=груз. მაცთ).
 2025-09-10 10:33

Мы недоумеваем: исчезли они после 1937 года, или еще существуют? А если существуют, почему их нет в новом труде?

Впрочем, если будем судить не о том, чего нет в разбираемой книге, а о том, что в ней дано, то прежде всего мы должны отметить недостаточную теоретическую осведомленность автора по вопросу о падежах вообще и о падежах в армянских диалектах, в частности. В большинстве описываемых диалектов он находит семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, отложительный, творительный и местный. Оставляя в стороне вопрос о существовании винит. падежа в новоармянском языке, вопрос, который остро дебатировался в специальной литературе и который, как правильно указывал М. Абегиан¹, надо решать отрицательно (Гарибян склонен решать его положительно как в своей школьной грамматике, так и в новом исследовании о диалектах, хотя нигде не может указать собственных форм этого падежа, т. е. форм, которые отличались бы от форм именит. и дат. падежей как в ед., так и во мн. ч.), начнем с последнего падежа—местного.

А. Гарибян полагает, что местного падежа нет в урмийском диалекте. А почему? Неужели на урмийском диалекте нельзя выразить таких понятий, как „в воде“, „в лесу“, „в земле“, „в лавке“ и т. п.? Стоит же в урмийской версии „Гикора“ *մէ կ'եղը մէջ*, что соответствует выражению оригинала *մի գյուղում* (в одной деревне), стоящему в местном падеже! В чем дело? В том, что важно не только то, чтобы выразить понятие, но и то, чтобы иметь для этого понятия собственную форму. А этого действительно нет в урмийском, и автор прав, когда говорит, что урмийский диалект не имеет местного падежа. Употребление послелого *մէջ* (*մանջին, մաչին*

¹ Մ. Աբեգյան, Աշխարհաբարի Հոլովները (Արասապված Արարատ ամսագրից), 1908, стр. 6; Հայցական Հոլովը մեր աշխարհաբարում. Վաղարշապատ 1909; Հայոց լեզվի տեսութուն. Յերեկան 1931, §§ 267, 269. Винительного падежа не находим в школьной грамматике Абегиана, появившейся еще в 1906 г. (Աշխարհաբարի քերականութուն. Վաղարշապատ 1906, стр. 141, 158), но в его синтаксисе (Աշխարհաբարի շարահյուսութուն. Վաղ. 1912) сделан шаг назад, поскольку с одной стороны указывается, что формально вин. п. не отличается от именительного и дательного (стр. 50), а с другой все же посвящается этому падежу неск. параграфов под заглавием „Вин. падеж“ с ошибочным началом: „именительный как винительный“ и дальнейшими ошибочными подзаглавиями: а) винит. места, б) винит. времени, с) вин. меры и количества, д) вин. цели, е) вин. прямого объекта (հրոյ խնդրի հայցական), ф) местный винительный (стр. 64—73). Ошибочна также начальная фраза § 101: „Дательный как винительный“ (стр. 94).

„в“) с именем еще не делает падежной формы. А если это так, то спрашивается: на каком основании приводит автор в своих парадигмах параллельные формы местного падежа для четырех диалектов: шагахского (*տըխտակըմը* или *տըխտակէն մաչին*), карчеванского (*քարումը* и ли *քարու ման ջին*), мегринского (*քարումը* и ли *քարուն մանջին*) и хадрутского (*պատըմ(ը)* и ли *պատէն մաչին*)? Нет, это не особые падежные формы, а формы родительного падежа с послелогом *մանջին* (или *մաչին*). Что это именно родительный падеж, а не дательный, видно из того, что эти два падежа, совпадая по форме в шагахском, мегринском и хадрутском¹ у имен существительных, различаются у местоимений; а у местоимений послелог *մանջին* (*մաչին*) требует родительного падежа, а не дательного: *իմ մանջին* (на карчеванском: „во мне“), *իմ մաչին* (на хадр., id.). Замечательно, что этот послелог (*մանջին*) сохраняет еще признаки своего именного происхождения в мегринском, ибо здесь его форма меняется в зависимости от личного местоимения: *իմ մանջս* (во мне), *քու մանջդ* (в тебе), *անդուր մանջին* (в нем).

Итак, параллельные формы местного падежа, образуемые якобы с помощью послелогов *մանջին* (или *մաչին*), должны быть совершенно изъяты из склонения четырех диалектов (шагахского, карчеванского, мегринского и хадрутского), ибо при ближайшем ознакомлении они оказались не формами местного падежа, а формами родительного падежа с послелогом². Значит, местный падеж остается в этих диалектах, но без параллельных форм.

Вопрос об отложительном падеже сложнее. Гарибян его находит во всех описываемых диалектах. Но, судя по материалам, собранным им самим и приведенным в разбираемой книге, не может быть и речи об этом падеже в трех диалектах: шагахском, карчеванском и мегринском, ибо в них нет особых форм для данного падежа. Что же касается форм, приводимых автором в качестве отложительного падежа в этих диалектах, то они ничто иное, как дательный падеж плюс послелог. В самом деле,

а) в шагахском от сл. *տախտակ* (доска) дательный падеж будет *տըխտակէն*, а отложительный — *տըխտակէն անա*: Проверая это положение на местоимениях, где родительный и дательный падежи дают различные формы, находим: *ինձ անա*, *ք'ի անա* (а не: *իմ անա*, *քու անա*), значит, дело имеем с дательным падежом, а не с родительным, как думает Гарибян.

¹ О карчеванском см. ниже (стр. 8).

² Поэтому является совершенно лишним заявление автора, будто местный падеж в хадрутском „может заменяться формой род. падежа и словом *մաչին*“, стр. 109. (То же самое говорит он и относительно мегринского, стр. 84).

б) В мегринском имеем точно такую же картину: *քարուն հէնից, Կարապէտա հէնից, ինձ հէնից, քիզ հէնից* и т. д., т. е. дательный падеж + послелог *հէնից*.

с) В карчеванском родительный и дательный падежи как будто различаются: слова *քար* (камень), и *տախտակ* (доска), дают в родительном *քարու, տախտակու*, а в дательном: *քարուն, տախտակուն* (стр. 60); что же касается отложительного, то он показан так: *քարու հէնի, տախտակու հէնի*. Выходит, что отложительный падеж, в сущности, представляет собой, родительный падеж плюс послелог *հէնի*. Так ли это? В склонении местоимений имеем совсем иное положение: от личных местоимений 1-го и 2-го лиц имеем в родительном падеже: *իմ, քու, մըր, ձեր*, а в дательном: *ինձ, ք'ի, միզ, ձիզ*. Что же касается послелога *հէնի*, то он требует от них дательного падежа, а не родительного: *ինձ հէնի, ք'ի հէնի, միզ հէնի, ձիզ հէնի*. Ясно, что „отложительный падеж“ Г а р и б я н а и здесь представляет собой форму не родит., а дательного падежа с последующим послелогом *հէնի*. Не обращая внимания на синтаксическую связь послелогов *անա* (шагах.), *հէնից* (мегр.) и *հենի* (карч.) с местоимениями, Г а р и б я н выставляет сугубо неправильное положение, будто отложительный падеж в этих диалектах представляет собой родит. падеж с послелогом. Он говорит:

а) в шагахском отлож. падеж образуется „или подобно карабахскому диалекту, или формой родит. падежа и словом-частицей *անա*“ (стр. 50);

б) в мегринском отлож. падеж образуется родит. падежом и постановкой послелога *հենից* (стр. 84);

в) в карчеванском отложит. падеж¹ образуется род. падежом и частицей *հինի* (стр. 60).

В связи с вышеизложенным ставится вопрос: не следует ли пересмотреть вопрос о формах родительного и дательного падежей в именах существительных в карчеванском? Судя по литературным языкам как древней, так и новой Армении, а также по другим диалектам, эти падежи у имен существительных должны совпадать и в карчеванском. Поэтому нам кажется, что исходный согласный дательного падежа *ն* в карчеванском также надо ставить в скобки, как это делает автор для артвинского (род. *պատի*, дат. *պատի(ն)*) и мегринского (род. *քարու(ն)*, дат. *քարու(ն)*).

Установив, таким образом, что отложительного падежа, собственно, нет в шагахском, карчеванском и мегринском, легко устранить недоразумение, будто в хадрутском этот падеж имеет парал-

¹ Գործիականն опечатка вм. բացառականն.

лельные формы: *աբխաական* или *աբխաակէն նըստա*; *պատան* или *պատէն նըստա* и т. п. Нет, эти параллельные формы представляют собой в действительности форму дательного падежа с послелогом.

Итак, отложительным падежом в описанных Гарибяном диалектах можно назвать только простые формы, вроде артевинского *պատխմէն*, хадрутского *պատան* и урмийского *սարէն*.

Переходя к системе спряжения, мы должны отметить два пункта принципиальных расхождений с автором:

1. В описанных им диалектах (как, впрочем, и в школьной грамматике)¹ Гарибян находит 5 наклонений (*յեղանակ*): изъявительное (*սահմանական*), повелительное (*հրամայական*), желательное (*ըզական*), условное (*պայմանական*) и долженствовательное (*հարկադրական*). Если и согласимся с автором называть конъюнктив (сослаг. наклон.) желательным, то все же трудно согласиться с ним относительно существования долженствовательного наклонения ввиду того, что у этого „наклонения“ собственных форм нет в изученных им диалектах. В самом деле, „долженств. наклонение“ образуется посредством прибавления к желат. (сослаг.) наклонению спрягаемого глагола неизменяемой частицы *պիտի* или ее диалектных разновидностей, вроде артевинского *տի գրիմ*, мегринского *մետիլ գիրիմ*, урмийского *սը կը կիրիմ* (= *պիտի գриմ*, უნდა ვწერო) и карчеванского *մալլա կ'արգриմ* (= *պիտի կարգам*, უნდა ვოკოხბო). Если неизменяемые частицы ввести в систему спряжения, то получится такое количество форм, что трудно будет в них разобраться. Хадрутский диалект дает некоторое право говорить о существовании долженств. наклонения и то лишь потому, что здесь, наряду с обычным *բիլի խմիմ* (= *պիտի խմիմ*), имеется параллельная *խմէս բիլիմ*, *խմէս բիլիս*, *խմէս բիլի* и т. д., т. е. формы, где изменение по лицам перенесено на вспомогательный глагол (здесь *բիլիմ*, *բիլիս* и т. д. уже не частица, а глагол, глагол вспомогательный).

То же самое можно было бы сказать, пожалуй, и относительно артевинских форм, приведенных в переводном отрывке „Гикора“ на стр. 46, вроде *սէր վերքաղի*, *սէր սրփի*, *սէր տանի* и т. п., если бы оказалось, что у них есть соотносительные формы первых двух лиц. Но мы здесь скованы и ничего не можем сказать, ввиду того, что Гарибян в грам. очерке артевинского для „долженств.“ наклонения приводит совсем иные формы.

2. Автор вводит в круг условного наклонения формы, образуемые путем прибавления форманта *կը* (*կու*) к началу форм желатель-

¹ Հայոց լեզվի բերակ. 1935.

ного склонения, напр., артв. *կու գրիմ, կու կարթամ* и т. п. Такое отношение автора к диалектным формам не случайное. Таково же его отношение и к литературным формам, как видно из его грамматики. Интересно ознакомиться с определением формы „условного склонения“, данным им здесь: „Условное склонение будущего времени, — сообщает Г а р и б я н, — показывает (букв. дает) такое действие или состояние подлежащего, исполнение которого предполагается после момента речи с определенным условием или без него (*վորոչ պայմանով կամ առանց դրան*, стр. 79). Но раз можно употреблять форму как в случае условия, так и без него, то ясно, что это не есть специально условная форма, что видно и по приведенному им примеру: *յեթե խոտանաւ ինձ գիրք տալ, այսոր կգամ քեզ մտո* (если обещаешь дать мне книгу, то сегодня приду к тебе). Г а р и б я н поясняет: „Глагольная форма *կգամ* (приду) показывает, что действие субъекта совершается после речи и с определенным условием“. Ошибка происходит от того, что в придаточном предложении действительно содержится условие, но глагол главного предложения *կգամ* (приду) ничего условного не содержит в себе: его можно употреблять и без всякого условия. Значит, это есть форма не условного, а изъявительного склонения. Что это так, легко доказать цитатами из произведений разных авторов; напр., на двух страницах историч. романа М у р а ц а н а „Георг Марзпетуни“ (*Մ ու Ր ա ջ ա ն. Հնարք յերկեր*, т. IV, 1939, стр. 29—30) читаем: *իմիր այս բաժակը, ազաչում եմ, նա կհանգստացնե սիրտդ* (пей этот стакан, прошу, он успокоит твое сердце); *այն, անպատճառ կոզնե* (да, непременно поможет), *գրանով դու ավելի թեթևություն կբերես իմ սրտին* (этим ты большее облегчение доставишь моему сердцу). Из диалектологических текстов самого Г а р и б я н а ясно видно, что подобные формы являются формами изъявительного (а не условного) склонения: *կու սովրի, խօ էտնց չի մնա* (47,29=*կը սովորի, նո եղպես չի մնալ* (выучится, не останется же таким, օսթաջլօս, եւ յցրց ան ճահեթա)). Впрочем, нечего и гоняться за примерами, поскольку подобные формы правильно поняты, как формы изъявительного склонения будущего времени, в элементарных грамматиках новоармянского языка П а л а с а н я н а¹, Т е р - Г е в о н д я н а², Ф и н к а - К а н а я н ц а³ и Д а г б а ш я н а⁴.

¹ Ս. Պ ա լ ա ս ա ն յ ա ն, *Բերական. մայրենի լեզվի*, 5-ое изд., Тбил. 1901, ст. 154.

² Ն. Տ ե Ր - Ղ ե ո ն դ յ ա ն, *Մայրենի լեզվի քերականության տարբերք*. 4-ое изд. Тбил. 1902, стр. 98.

³ Lehrbuch der neuostarmenischen Litteratursprache, unter Mitwirkung St. K a n a - j a n z bearbeitet von F. N. F i n c k. Vagarschapat—Marburg, §§ 9, 10, 19

⁴ Յ. Դ ա զ ը ա շ յ ա ն, *Արեւիկայ աշխարհարանի քերականություն*. Тбил. 1913, стр. 84.

Впрочем, в извинение А. Г а р и б я н а можно сказать, что в отношении принципиальных установок для грамматических категорий его исследование страдает тем общим недугом, которому подвержены вообще грамматические очерки по новоармянскому языку разных авторов. Исключения из этого общего правила не составляет и очерк А. Т е р - М а т е в о с я н а, написанный с большим полемическим задором: „Краткий сравнительный обзор структурных особенностей русского и армянского языков“ (Баку, 1939), где, между прочим, форма գրում էի (я писал, стр. 40), принята за условное наклонение!¹

III

Как большой минус представленного труда надо отметить, что нигде нет указаний на то, где, когда и с чьих слов сделаны грамматические записи. Кроме того, не обращено должного внимания на привлечение большего количества текстов, по которым всегда можно проверить правильность тех или иных суждений и заключений. Текстов дано больше всего для артвинского диалекта (ок. 4 стр.), тогда как размеры текстовых записей на других диалектах колеблются от 1¹/₄ стр. до 2¹/₄ стр. Это еще ничего, — беда в том, что главным источником для ознакомления со связной речью означенных диалектов служит переводный памятник: на всех шести диалектах дано начало рассказа О. Т у м а н я н а „Гикор“, причем словариком снабжена только артвинская версия. Для трех диалектов (шагахского, мегринского и урмийского) имеется только этот переводный текст, а три других диалекта представлены и другими текстами — маленькими рассказами (для карчеванского дан 1 рассказ, для артвинского — 3, а для хадрутского — 6). Но все эти тексты так мизерны, что трудно представить по ним настоящий облик

¹ На общем сером фоне выделяются, конечно, работы М. А б е г я н а, но они, во-первых, не всегда находят последователей, а, во-вторых, иногда сами не свободны от ошибок. Например, формы, образуемые с գու (գը, գ) М. А б е г я н в своей школьной грамматике (*Աշխարհարարի քերականությունն*, Վաղ. 1906, стр. 118) вводит в систему спряжения под названием предположительного наклонения (*յին թաղրական յեղ.*), а в специальном исследовании „О наклонениях в новоармянском литературном языке“ разъясняет, что их надо считать не изъявительными (*սահմանական*) и не условными (*պայմանական*), а возможными (*կարելիական*) или предположительными (*յին թաղրական յեղ.*), или, еще лучше, желательным наклонением со значением возможности (*ըղձական յեղանակ կարելիական նշանակությամբ*, «Բայի յեղանակներ արևելյան աշխարհարարում», Արարատ 1912, стр. 176). Срв. его же *Աշխարհարարի շարանյությունն*, Վաղ. 1912, стр. 242 — 243).

диалектов. Нельзя, конечно, возражать против того, чтобы дать переводный материал, притом один и тот же на всех диалектах. Нет, такой прием хорош для сравнительного изучения диалектов, но для этой цели можно было бы избрать что-нибудь более подходящее, нежели „Гикор“ О. Туманяна (напр., какую-нибудь легкую сказку), а главное — нельзя ограничиться только переводом, нужны тексты, записанные во время непринужденной речи. Если к этому добавить, что тексты записаны не самим исследователем, а разными лицами (артвинские — А ко п я н о м, М а н а в а з я н о м и Х а н ч а л я н о м, шагахские — С а р к и с я н о м, карчеванские — К а р а п е т я н о м, мегринские — Д. и А. В а ч я н а м и, хадрутские — А р у т ю н я н о м и П о г о с я н о м), автору же принадлежит только проверка и „обработка“ их, то станет очевидным, что текстовой материал, данный в книге А. Г а р и б я н а, не только недостаточен, но и мало надежен. Надо иметь в виду, что нигде не оговорено, каков характер редакторской работы Гарибяна над текстами. А между тем, если ближе присмотреться к ним, то нельзя не заметить непоследовательностей и неточных записей. Чтобы не быть голословным, приведем несколько примеров:

1. Автор, не свободный от орфографических навыков литературного языка, сплошь и рядом дает неполное написание слов, опуская слогаобразующий гласный *ე* между согласными. Так, например, слово *ყვარბიანი* (45, 15) никак нельзя читать без редуцированного гласного после начального согласного *ყ*. Литературная традиция обычно не пишет в таких случаях этого гласного, хотя и произносит его (*ყვარბიანი*). В диалектологических записях письмо обязательно должно совпадать с произношением. Эта простая истина должна быть хорошо известна и Г а р и б я н у, но что же между тем мы видим в его книге?

Обратимся к текстам.

а) По артвинскому диалекту имеем:¹ *მრებელი* 47, 19; *ყაბილი* (48, 22), *სიყვარბი* 48, 23), *ყინბი* რა (48, 28), *ყბილი* (48, 27), *ყვარბიანი* (49,8; 49,10; 49,11); *სათბი* (49,12), *ყვარბიანი* (49,23 bis), *სათბიანი* (49,32); *სათბიანი* (49,32), *ყაბილი* (49,32) и др.

б) по шагахскому диалекту: *არბიანი* (57,9), *სიყვარბი* (57,10), *სათბიანი* (57,17) и др.

с) по карчеванскому диалекту: *სინბი* (81,4; 81,5); *სათბი* (81,20); *სათბიანი* (81,26; 81,33; 81,34); *სათბიანი* (81,28); *სინბი* (82,17), *სიყვარბი* 82, 16 (срв. *სიყვარბი* 82,1) и др.

¹ Первое число указывает страницу, второе — строку сверху.

d) по мегринскому диалекту: *թշէրը* (105, 10); *մտկումը* (105, 27), *տնատարի* (105, 30), *հրցրալ* (105, 38), *պոնէլ* (106, 17) и др.

e) по хадрутскому диалекту: *տղա* (123, 15); *թփէս* (123, 27), *տնատարը* (124, 25), *ամալարը* (124, 25), *թշշաս ար* (124, 26), *մթքըմը* (124, 28), *քղաքըմը* (124, 28), *վստակած* (124, 34), *հրցնիս* (125, 8), *մհար* (125, 13), *հսկանա* (125, 26), *հղալով* (125, 31), *ծծղէս ա* (126, 11), *լցնէս* (126, 19; 126, 20; 126, 33) и др.

ի) По урмийскому диалекту: *արկեց* (130, 23), *տնէցինէրն* (145, 9), *փստիկ* (145, 12), *փստիյ-մատիյ* (146, 3) и др.

Нечего и говорить, что такое „литературное оформление“ совершенно неприемлемо в диалектологии.

2. Что в записях вообще не все ладно, это видно по двояким, а иногда и трояким написаниям одних и тех же слов в одном и том же диалекте; так, напр., *մթըմըթ* и *մըթըմըթ* (45, 9: на одной и той же строке!), *խղմէթկըրը* (47, 27) и *խըղմէթկըր* (47, 28), *նէքանէ* (48, 37), и *նէսքնէ* (48, 41), *ղըրրատունը* (46, 24), *ղըրատուն* (48, 1 в словарице) и *ղպրատուն* (49, 10; 49, 11), *հէրէվան* (49, 12) и *հէռէվան* (49, 28), *վախա* (47, 9) и *վախра* (49, 11; 49, 18), *խմէյիս* (52, 2; 52, 5) и *խըմէյիս* (52, 5), *մընայիս* (52, 2) и *մնայիս* (52, 3), *ուռութանա* (57, 14 bis) и *ըռութանան* (58, 5), *ղրաղը* (57, 15), *ղրաղըն* (57, 20) и *ղըրաղըն* (57, 33), *Հմփովէն* (57, 8) и *Հըմփովըն* (57, 32), *ծծղէս ա* (126, 11) и *ծիծղէս ա* (123, 2 сн.) *խոսէլիս էյիս* (45, 33) и *խоսէլ* (45, 35) и т. п.

Такие непоследовательности говорят о том, что автор писал свою диссертацию наспех, печатал ее без должного присмотра и без учета интересов читателя¹. Конечно, в живой речи могут быть отклонения и разнообразия в произношении слов (даже у одного и того же лица), но в специальном исследовании они должны быть учтены и точно оговорены. Во всяком случае, когда в маленьком рассказе „Вдова и сын вор“ (стр. 48) читаем то *վախթի* *vaxti* (48, 25), то *վախաի* *vaxti* (48, 29), мы вправе спросить Гарибьяна: от кого идет такое колебание в произношении одного и того же слова: от Г. Манавазяна, записавшего этот рассказ, от лица (впрочем, неизвестного), с чьих слов записан рассказ, или от самого Гарибьяна?

3. А. Гарибьян учит нас, что в середине слов, в особенности после *р* и *ч*, звонкие согласные становятся глухими аспиратами и в качестве примера приводит, между прочим, *մարթ* (вм. *մարդ* че-

¹ На приложенном листочке указаны только две опечатки, тогда как их много (напр., *հարակատար* 43, 9 вм. *հարկադրական*; *գործիական* 60, 4 вм. *բացատրական*; *ըսյն* 158, 3 вм. *ըոյն*; *փէթակ* 184, 32 вм. *փեթակ* и др.

ловек) и *գարցած* (вернувшийся). Между тем в тексте читаем литературные формы, явно расходящиеся с произношением: *գար-ձած* (35,21; ср. *գարցա* 49, 14). Такие же сомнения возбуждают: *վերջին* (48,26) и *փորձելու համա* (47,5), ибо ожидали бы: *վերջին* и *փորցելու համա*.

4. Формы, приводимые в грамматических очерках, не всегда совпадают с формами, данными в текстах или в таблицах; так, напр.:

а) в парадигмах от грузинского слова *դեղա* (мать), обычного в арвинском диалекте армянского языка, формы имен. и родит. падежей даны так: им. *դեղա(ն)*, род.-дат. *դեղայի(ն)*, а в текстах находим: в имен. с одной стороны *դեղէ(ն)*, *դեղէ(ս)*, а с другой *դեղի(ն)*, в род.-дат. же *դեղին*:

имен.: *դեղէն փեշտիւմով սրփելիս էր աչքերը*, 45,15; *դեղէն օրթուն չի խրատելի* 48,23; *դեղէն գալիս է* 48,26; *մեղավորը դեղէն է* 48,28; *իմ դեղէս ինձի դռանը էրթուլ չէր թողնելի* 49,7; *աղաչելիս էր բազազի պառավ դեղին* 47,30; *օրթու ազդի բա դեղին կախին* 48,30;

род.-дат.: *դեղի կուշխիմէն* 45,11 (= *մոր դրկից*); *դեղի քնթի բա* 48,28; *յէ էլ դեղիս աղաչեցի* (49,19);

б) в парадигмах склонения имен форма местного падежа от слова *դուքան* (лавка) показана *դըքնում(ը)* (стр. 38), а в тексте читается: *դըքնումը* (46, 7; 46, 9). Это же слово, как видно из парадигм, во множественном числе дает *դըքննէր(ը)* (стр. 38), а в тексте читаем: *դուքաննէրը* (47, 19);

с) в шагахском диалекте род. пад. от *տուք* (вы), судя по парадигмам, стр. 51), дает *ծէր* (вас), а между тем в тексте того же диалекта читаем *ծըէրը* (58, 19);

д) в качестве долженствовательного наклонения (*հարկադրական յեղ.*)¹ „прошедшего будущего“ (*անցյալ ապառնի*) автор приводит для арвинского диалекта формы *տի գրէյի*, *տի գրէյիր*, *տի գրէր* и т. д., т. е. формы, которые образуются посредством неизменяемой частицы и спрягаемого глагола. Между тем в арвинском тексте встречаются: ... *օրէ Գիքորը տունը տէր վերքաղի*, *ամաններ տէր վանա*, *այախկարբիքը տէր սրփի*, *դըքնում ուտելի տէր տանի* и т. д., где изменение по лицам перенесено на вспомогательный глагол².

¹ *Հարկատար* (стр. 43) — корр. ошибка.

² прочем, есть и форма с *տի*: *իմ ընկերդանքս բանջար քաղելու տի էրթային* 49, 19.

е) спряжение одного и того же глагола, приведенного в качестве сравнительного материала из хаварикского диалекта, дается разنو:

стр. 33	табл.
գ'իբէլիս հմ	գ'իբէլիս ըմ
գ'իբէլըմ ըս	գ'իբէլըմ ըս
գ'իբէլիմ ի	գ'իբէլիմ ի
գ'իբէլըմ էնք	գ'իբէլըմ ա՛նք
գ'իբէլըմ էք	« աք
գ'իբէլըմ էն	« ա՛ն

Что это? Случайные ошибки, недостаточно внимательная „обработка“ текста или поверхностное использование текстов в грамматических очерках?

Вообще, в отношении точности записи текстов и должного их использования остается желать очень и очень многого.

Читая тексты на приведенных диалектах, нельзя не заметить, что артвинский диалект в общем ближе к современному литературному языку, нежели остальные. Эта близость замечается как в отношении фонетики этого диалекта, так и морфологии и лексики. Тексты на других диалектах менее понятны. Поэтому настоятельно требовалось снабдить тексты объяснениями слов, словарь же имеется только для артвинских текстов, да и то не всегда, в хадрутских текстах объяснено всего 7 слов, а остальные тексты оставлены без объяснений. Конечно, отрывок из „Гикора“ О. Туманяна можно понять, следя за оригиналом, но для этого надо иметь при себе оригинал „Гикора“ и следить строка в строку за переводом, но это не всегда возможно, и, главное, не всегда удобно. Кому восстанавливать в таком случае начальные формы имен и глаголов? Читателю? А ведь есть на что обращать внимание в этих текстах. В шагахской версии „Гикора“, напр., встречаются арабо-персидско-азербайджанские слова: մըսլըհաթ (беседа, разговор), շիհար (город), կոջա (купец), ջողար (ответ), значения которых не всем могут быть известны.

Автор хорошо сделал, приложив в конце сравнительный словарь пяти диалектов (артвинского, мегринского, карчеванского, хадрутского и урмийского)¹. Но, во-первых, этим словарем нельзя (вернее, очень трудно) пользоваться при чтении текстов, ибо слова здесь расположены в порядке соответствующих слов в древне-

¹ Нет шагахского.

армянском литературном языке², напр., ջաղաց (мельница), (граб.), ջաղացք (артв.), ջեղաց (мегр., карч.), ճեղաց (хадр.), ճաղաչ (урм.), а во-вторых, этот словарь преследует самостоятельную цель — показать взаимоотношение диалектов с точки зрения лексики. К сожалению, это хорошее начинание не доведено до своего логического конца. Дело, конечно, не столько в том, что не показаны источники происхождения иноземных слов (груз., азерб., араб., перс.), сколько в том, что словарный материал дан без надлежащей обработки, без оценки автора. Здесь перед нами сырой материал, детальное изучение которого может внести ясность в отношения этих диалектов между собой и к другим диалектам и тем самым уяснить многое по истории армянского языка.

Не обошлось здесь и без досадных ошибок: нельзя возражать, чтобы слова, означающие „мыло“, были внесены в двух местах: под сл. սապոն и под сл. օճառ, но решительно возражаем, чтобы „свекла“ по-карчевански в одном месте (173, 19) называлась սաղբ, а в другом месте (135, 3) — ճակընդէղ.

С другой стороны мы недоумеваем: груз. слово ხიდ-ი (xid-i), означающее „мост“ и проникшее в артвинский диалект арм. языка, произносится ли здесь [хйф], как это приводит Гарибян (166, 14), или [хйау], как отмечал в свое время Ачарян (ЭЭС, VIII, 292)?

Странно, что Гарибян, следуя в транскрипционных вопросах за Ачаряном, употребляет буквы *ξ* и *π*, давно отвергнутые новой орфографией. Вследствие этого его грамматические очерки и диалектологические тексты, ничего не выигрывая в научном отношении, теряют многое, ибо они весьма неудобочитаемы для современного читателя².

IV

Не довольствуясь голым перечнем фактов, А. Гарибян пытается представить объяснение некоторых важных вопросов исторического характера.

Сведя в одну группу такие разобщенные географически диалекты, как артвинский и другие диалекты группы *u s*, напр., ур-

¹ Вместо древнеармян. литературных слов и форм то там, то здесь фигурируют новоармянские: հիմա теперь, ձեռք рука, ձմեռ зима, մատ палец, փեսա жених, տղա мальчик и др. (вм. արդ, ձեռն, ձմեռն, մատն, փեսայ, տղայ и др.). Кроме того, в грабарных словах, имеющих дифтонг *ш*, проведена среднеармянская орфография: ական борозда, սոթոք стыд, սոթոք посуда, արոր плуг, քուրիս говорю, օձ змея и т. д. и даже новоармянская: կըշիկ (вм. կաշիկ!)

² Автор отмечает, что в урмийском диалекте имеются как *ξ* и *π*, так и *ξ* и *Ϸ* (стр. 128), но не указывает, какова разница между ними.

мийский, автор захотел подкрепить общность некоторых грамматических признаков общностью территориального расселения их в прошлом. Он обращает внимание на то обстоятельство, что „интересный состав ряда глаголов артвинского диалекта показывает, что родина диалекта находится вблизи Персии: те глаголы, которые показывают направление вниз, во внутрь, имеют вначале частицу *դէր* der; напр., *դէրգալ* (= *հերս գալ* войти), *դէրընգնէլ* (= *հերս ընգնել*, впасть)“. Автор полагает, что эта частица есть персидский предлог *dār*, который в артвинском диалекте армянского языка принял значение глагольной приставки. „Этого явления в других диалектах нет. Значит, — заключает автор, — артвинский диалект эту частицу получил от своего предка, который одновременно был одним из потомков персидского языка; этот потомок, по всей вероятности, есть мидийский язык, к числу слов которого принадлежит, видимо, слово *դէր* der“. Здесь, что ни предложение, то предположение: „вероятно“, „видимо“. А между тем решаются большие проблемы этно- и глоттогонического характера. Но, во-первых, нельзя сбросить со счета того факта, что этой приставки нет как-раз в тех диалектах, которые и сейчас ближе в географическом отношении к персидскому языку (напр., в урмийском, хадрутском), а, во-вторых, прежде чем привлечь персидский предлог для объяснения артвинской приставки, нельзя ли присмотреться ближе к армянским же материалам и там поискать объяснения?

В очерке об урмийском диалекте Гарибяна находим склонение указательного местоимения *էն* en (тот), которое в косв. падежах меняет основу: род. *գար* dār, дат. *գարս* dārä и т. д. Автор полагает (стр. 132), что форма *dār* возникла из *endār*¹, но мы думаем, что положение вещей здесь немного иное: в форме *հարս* pāra (древнеарм. *հորս* hora) должен был отпасть безударный гласный в конце (в урмийском ударение на предпоследнем слоге), а начальный согласный, раздвоившись, дал *nd*: *ndār*, из чего в дальнейшем получили *dār*, ставший впоследствии основой для других падежей.

Точно такую же картину имеем в приставке *դէր* der, которую графически можно представить так: *per* → *nder* → *der*.

Наречие *pers*, которое дало артвинскую приставку *der*, хорошо известно в новом литературном армянском: *հերս գալ* (войти), *հերս*

¹ Вероятно, здесь сказалось влияние М. Абегиана, давшего объяснение происхождения слова *գալ* (там, *սյնտեղ*) в салмастском и хойском: „простая форма *գալ* возникла из слова *ընգալ*, часть которого *ըն* отпала, но сохранился звук *г*, чем и сохраняется значение „там“ (*սյնտեղ*) этого *գալ* (*Հայոց լեզվի տեսութուն*, 1931, стр. 328).

տանել (внести) и т. п. Чистая его основа (пер) встречается в сложных словах: ներածութիւն (введение), ներգրկել (вкладывать, включать) и т. п. Хотя переходная форма pder не засвидетельствована в словарях Ачаряна и С. Ама т у н и, но тем не менее нет сомнения, что она бытует в армянских диалектах. Поэтому нам кажется, что персидское происхождение артвинской приставки der (да еще посредничество мидийского!) является плодом фантазии А. Г а р и б я н а, обязанным случайному сходству, и никак не может служить доказательством движения артвинских армян с востока на запад.

Насколько мало обоснованы иногда далеко идущие утверждения А. Г а р и б я н а, показывает следующий случай. Подчеркивая влияние эрзерумского диалекта на артвинский, он указывает, что это влияние прослеживается и в словаре, и для доказательства своего мнения приводит шесть примеров: խորաթա¹, դաթրած, սրվի, աշէլ, աշէ, զով, причем в конце добавляет: „и др.“. Нам неизвестно, каковы, именно, эти „другие“ примеры, но если обратиться к приведенным, то едва ли оправдают они положение автора. В самом деле:

в) Թէրէփ terep (сторона) является арабским словом (طرفه край, сторона), употребляемым на всем мусульманском Востоке, между прочим, в персидском и турецком языках. Артвинский диалект мог его получить прямо из турецкого, не дожидаясь посредничества эрзерумского диалекта армянского языка.

б) Справки относительно распространения խորաթա (рассказ, разговор) и խորաթէլ (рассказывать, разговаривать) показывают, что они встречаются во многих диалектах: в акнском, арабкирском, константинопольском, асланбекском, севастийском, трапезундском и других². Поэтому влияние именно эрзерумского в данном случае стоит под вопросом.

с) В слове դաթրած (усталый) Թ получился из ր вследствие соседства с ր. Если восстановить первоначальный вид, то получим դադրած, что происходит от դադրիլ (классич. դադարիլ), означавший первоначально „перестать“, а затем принявший значение „устать“. Этот глагол (դադարիլ) со значением „устать от работы“ встречается, судя по „Провинц. словарю“, в изрядном количестве диалектов: бабердском, зейтунском, мокском, константинопольском, ванском, трапезундском, тбилисском. Причастная форма данного глагола, сложенная с его синонимом հոգնած (հոգնած-դադրած) в константинопольском диалекте означает „очень усталый“. Стало быть, и здесь

¹ Впрочем, на стр. 48 он приводит это слово с другой орфографией: խորաթա.

² Ачарян, Провинц. словарь.

ним; но так как этого нельзя доказать, то лучше прочесть, что сказано об истории этого форманта в моей статье: „Два чано-мингрельских суффикса в груз. и арм. языках“ (ЗВО, XXIII, 1916), которой, А. Г а р и б я н, видимо, не знает.

Вообще местный падеж (или заменяющая его другая падежная форма) („в писании“, „в чтении“) является для Г а р и б я н а всемогущим средством: им объясняется образование настоящего времени не только у первой группы диалектов, но также и у третьей (группа *l* 1) и четвертой (группа *u* s). При этом получается такая картина: первая группа прибегает к местному падежу, якобы вышедшему из дательного¹, третья группа — к винительному падежу ед. числа, а четвертая — к винительному падежу множ. числа.

Если не обращать внимания на такое расхождение, то все же остается спросить: а разве масдарная форма имеет множ. число? Допустим, что имеет. Спрашивается дальше: какова была бы форма винит. падежа множ. числа? Конечно, не *գրելիս* *grelis*, *մտալիս* *mtalis*, а *գրելս*, *մտալս* (*grels*, *mtals*). Откуда же взялся гласный *i*? Вот вопросы, на которые нет ответа у сторонников теории местного падежа. Отсюда следует, что для объяснения образовательных частиц не настоящего времени надо искать другие пути.

Г а р и б я н любит говорить о мышлении древних на основании еще недостаточно установленных фактов и гипотетически объясняемых форм. Так, например, он полагает (стр. 88), что формант *ական*, служащий для производства прилагательных от им. существительных, представляет собой родит. падеж от слова *ակն* (глаз); например, *մարդական գործ* первоначально слово в слово должно было означать: *մարդու աչքի գործ* („дело глаза человека“ = человеческий“). Такое объяснение далеко, очень далеко от действительной истории этого форманта, который является вкладом картвельских языков в армянский и ничего общего с глазом не имеет².

Из картвельского же языкового мира внесен в арм. язык и другой формант *զը*, который, нарастая на форму сослагательного наклонения (служившей в древнеармянском литературном языке формой изъявительного наклонения), в сев. (вост.) диалектах образует изъявительное наклонение будущего времени (а в южных — изъяв. наклонение настоящего времени): *զրեբեմ* (принесу), *զկարգամ* (прочту) и т. п. Хотя о происхождении этого форманта уже имеется правильное указание проф. Г. Капанцяна в его новом

¹ Об истории форманта местн. падежа см. в моей статье, цитированной выше.

² Пехлевийский суффикс *akan* (Hübschmann, Armen. Gram., 94-95) лишь отчасти объясняет широкое распространение суффикса *-ական* в армянском.

труде¹, но Гарибян продолжает упорно отстаивать (стр. 28) восходящую к Айдыняну (1866 г.) старую теорию, согласно которой этот формант будто-бы произошел из соединения *huj ul*, теорию, в правильности которой сомневался еще J. Karst² и давно отвергнутую М. Абегианом. Нелишне заметить, что последний, не будучи знаком с материалами картвельских языков, в поисках удовлетворительного объяснения генезиса означенного форманта, обращался то к индоевропейским языкам, усматривая в нем арм. соответствие греч. *κῆ* (индоевроп. *qom, *qem, *qa)³, то к арм. диалектам, идентифицируя его с частицей *hⁿ* (*qn*) с значением „вот“ (*ահա*)⁴.

v

Как видно из вышеизложенного, в исследовании А. Гарибяна не мало крупных недостатков. Но надо сказать, что, возможно, некоторые из них вызваны торопливостью. При невероятных темпах нашего строительства иногда нет возможности долго останавливаться на обработке деталей. Новые идеи быстро должны перекладываться на обработку деталей. Новые идеи быстро должны переходить в массы и, становясь достоянием многих, способствовать дальнейшему росту науки. Нет сомнения, что А. Гарибян, при всех недостатках своей книги, сумел сказать новое слово. Он дал описание шести диалектов, пять из которых совершенно не были известны в науке, а шестой хотя и был известен, но очень поверхностно. Правда, эти диалекты еще не изучены детально, но предварительных сведений, которые дает о них Гарибян, вполне достаточно для общего представления о них и привлечения их к разрешению некоторых важных проблем. Гарибян показал, что формы от односложных глагольных основ (*լալիս եմ, գալիս եմ, առլիս եմ*), до сих пор изолированно стоявшие в новолитературном языке, находят прекрасное объяснение в системе спряжения описанной им группы диалектов. Тем самым внесена ясность в понимание одного спорного вопроса истории армянского языка. Гарибян показал также, что в Нагорном Карабахе не один, а два диалекта, собственно карабахский (джабрабердский) и хадрутский, а если принять во внимание речь выходцев из Карадага, то на той же территории получим и третий диалект, шагахский. Гарибян показал, что ра-

¹ Г. Капанцян, *Общее языковедение*. I. Ереван 1939, стр. 201, прим. (Указанием на это место я обязан доц. И. В. Абуладзе).

² Hist. Gram. des Kilikisch-Armenischen. Strassb. 1901, стр: 307 — 309.

³ *Բաշի յեղանակներ արևելյան աշխարհաբարում* (Արարատ 1912, стр. 271).

⁴ Հայոց լեզվի տեսություն, Յեր. 1931, §§ 258, 259 (стр. 325 — 337).

бота по изучению армянских диалектов еще впереди: если уж до сих пор скрыта была от наших взоров целая группа диалектов, то ближайшее ознакомление с армянскими наречиями и говорами выявит много нового.

Поэтому я нахожу, что А. Г а р и б я н, давший исследование, представляющее, бесспорно, значительный научный интерес, достоин, согласно новому положению об ученых степенях, получения искомой им ученой степени доктора филологических наук.

Л. М. Меликсет-Бек

По поводу нового труда по армянской диалектологии

(Рецензия на работу Арарата Гарибяна „Новая ветвь армянских диалектов“, на армянском языке).

Представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук работа тов. Арарата Сааковича Гарибяна, на армянском языке, на тему „Новая ветвь армянских диалектов“, заключает в себе 165 страниц формата 7×11 (оттиск из XI т. Ученых Трудов Ереванского Госуд. Университета, 1939 г., стр. 23—187, с 2 таблицами и 1 картой).

Работа посвящена характеристике шести армянских диалектов: артвинского, шагахского, карчеванского, мегринского, адрутского и урмийского, каковой характеристике предпослано общее введение в двух частях, из коих в первой рассматривается или, вернее, пересматривается вопрос о классификации армянских диалектов вообще (стр. 23—27), а во второй дается схема так называемой ветви „с“ армянских диалектов (стр. 27—33). В конце работы даны русское и французское резюме (стр. 147—151) и сравнительный глоссарий диалектов ветви „с“ (стр. 152—187).

Отмечая, как с 1711 года, т. е. со времени появления в Амстердаме известного труда Schröder'a „Theusarus linguae armeniacae antiquae et hodiernae“, впервые давшего конкретный материал по армянским наречиям, именно т. н. зокскому (акулисскому) диалекту, „трудами многих ученых выявлено и изучено 32 армянских диалекта, которые по признаку образования настоящего времени глагола сгруппированы по трем ветвям: „ум“, „кэ“, и „эл“, А. Гарибян заявляет, что его исследованием выявляются пять новых, до настоящего времени неизвестных в науке и ускользнувших от внимания прежних исследователей, армянских диалектов (стр. 25), каковы: шагахский, мегринский, карчеванский, адрутский и урмийский,

причем эти последние, вместе с ранее уже известным арвинским диалектом, составляют новую ветвь армянских диалектов, поскольку все они настоящее время глагола образуют аналитическим путем при помощи несовершенного причастия с обязательным окончанием на „с“ и форм вспомогательного глагола „быть“, почему эту ветвь автор называет ветвью „с“. Диалекты этой ветви, по словам автора (стр. 29—30), „представляя собою особую систему языкового мышления“, „настоящее и прошедшее несовершенное образуют аналитическим путем“. Эти же диалекты, находясь в сфере распространения диалектов ветвей „ум“, „л“ и „кэ“, испытали влияние последних, одновременно влияя и на них“ (стр. 30).

По мнению тов. А. Гарибяна, диалекты ветви „с“ характеризуются следующими морфологическими особенностями:

1) Замена флективного спряжения аналитическим, в частности: образование настоящего времени глагола с окончанием „с“ и с придаточей вспомогательного или существительного глагола (напр., *յե-րևալիս եմ* — „я есмь в появлении“, „я появляюсь“); образование прошедшего времени с тем же окончанием „с“ и с придаточей вспомогательного глагола и слова-частицы „լա՛լ“, „լա՛“, „լա՛“, „эр“; образование прошедшего совершенного присоединением форм вспомогательного глагола к прошедшему причастию.

2) Отсутствие обычного аориста.

3) Употребление инфинитива в образовании сослагательных форм.

4) Образование отложительного падежа не путем агглютинации, а аналитическим путем, с помощью особого слова-частицы.

И т. д.

В частности, касаясь образования в мегринском диалекте причастия будущего времени, автор отмечает (стр. 87), что оно „образовано из инфинитива и суффикса *սցական* (*խմելացական* > *խրմըլացական* > *խրմըլական*) ... В языке Мегри понятие о принадлежности действия равносильно идее действия, которое должно совершиться, т. е. идее будущего действия. Суффикс *ական*, который является суффиксом притяжательным, будучи приложен к глаголам, показывает, что действующее лицо принадлежит действию выражаемого глагола (сын действия), т. е. должно совершить это действие. Прежнее первобытное мышление так выразило понятие будущего действия. Способ образования причастия будущего времени показывает, что племя, которое говорило на прототипе мегринского диалекта, „мегринское“ племя, имело первобытное конкретное мышление, что мегринский племенной язык был выразителем мышления первобытного племенного общества“.

Указывая далее, что суффикс *ախն* у мегрийцев выражает собой идею принадлежности, автор делает предположение: „Быть может *ախն* есть родительный падеж слова *ախ*, которое, означая глаз > солнце, обозначает понятие принадлежности солнцу, ареворди“. К тому же: „Мегринский район в древние времена назывался Аревик, т. е. солнца || дети солнца, глаза. От этого племени суффикс *ախն*, который является родительным падежом слова *ախ*, получил в грабаре общее значение, как частица для обозначения множественного числа и затем как суффикс. Суффикс *ախն* в грабаре применяли для обозначения одушевленных существ и с именами божественных „существ“; от него же пошло прилагательное, которое издревле могло означать „дело, предмет, вещь такого-то“, т. е. „принадлежащий такому-то“ (стр. 88).

В своей работе тов. А. Гарибян выясняет также, что ранее известный артвинский диалект неправильно отнесен к ветви „л“, между тем как он должен быть отнесен к ветви „с“, а тбилисский диалект является остатком некогда большого диалекта исторической области Тайк (Тао). Карчеванский и мегринский диалекты, будучи некоторыми чертами близки к акулисскому диалекту, являются пережитком языка иммигрировавших саков, адрутский и шагахский же суть диалекты Карадаха — местопребывания северной группы мардов. В общем, все шесть диалектов, по мнению автора, „являются пережитками языкового образования, получившегося как результат скрещения языков племен аборигенов, сунимардов и пришлых племен саков-скифов“ (стр. 148).

Останавливаясь, в частности, на характеристике каждого из шести упомянутых диалектов, автор располагает материал в следующем порядке: сначала дает краткий очерк истории данного диалекта, затем представляет характеристику особенности грамматического строя того же диалекта по линии фонетики и морфологии (особенно подробно глагола), наконец воспроизводит записи текста или текстов.

Возникает вопрос: насколько работа тов. А. Гарибяна удовлетворяет требованиям, предъявляемым докторской диссертации, т. е. второго абзаца параграфа 12 ныне действующей Инструкции Всесоюзного Комитета по делам высшей школы от 3 сентября 1938 г., который гласит: „Диссертационная работа, представленная на соискание ученой степени доктора наук, должна обнаружить самостоятельную исследовательскую работу, в результате которой дано решение или теоретическое обобщение научных проблем или научно-обоснованная постановка новых проблем, представляющих значительный научный интерес“.

На этот вопрос я отвечаю утвердительно: да, работа тов. А. Гарибяна, поскольку она в целом является опытом постановки и решения, в свете марксистско-ленинской методологии и нового учения о языке (стр. 26 — 27), основных проблем армянской диалектологии, представляющих притом, несомненно, значительный научный интерес, может быть принята формально и расценена по существу не иначе, как диссертация, которая отвечает требованиям, предъявляемым докторской диссертации.

Более того. Работа тов. А. Гарибяна, можно без преувеличения сказать, знаменует собой новую эру в истории армянской диалектологии, поскольку она, переоценивая все ценности из фонда диалектологического порядка на арменистическом фронте, намечает новые пути, по которому отныне должна следовать данная отрасль арменистики, в частности в заботах по созданию „окончательной и научной классификации армянских диалектов“ (стр. 25).

Автор, конечно, очень бы выиграл, если бы вводной части своего труда предпослал очерк истории развития армянского языка. Но, полагаю, он этого не сделал по той причине, что истории развития армянского языка им посвящены первые 10 параграфов первой главы и начало третьей главы ранее изданной и посвященной памяти академика Н. Я. Марра монографии на армянском языке „Введение в изучение истории армянского языка“ (стр. 7 — 87 и 181 — 188, всего около 90 страниц). Значит, автор просто старался избежать повторения, хотя он сам в своей диссертационной работе об этом, к сожалению, ничего не говорит.

Всю работу тов. А. Гарибяна в ее теоретической части можно квалифицировать как исходящую из известной предпосылки Ф. Энгельса, данной во „Франкском диалекте“ (М. 1935, стр. 8), что диалект является языком племени и что возникновение и развитие диалектов нужно искать в конкретной истории племен, а возникновение и развитие языков — в конкретной истории народов и племенных объединений.

Другой предпосылкой работы тов. А. Гарибяна являются установки яфетической теории академика Н. Я. Марра, которые, однако, используются им, Гарибяном, отнюдь не для огульного отрицания всего того положительного и рационального, что дала науке вообще индоевропеистика, и, конечно, вполне правильно по сути дела, а не как реверанс в одну и другую сторону по принципу: „кесарево кесарю“ и т. д.

И на это автор имел, пожалуй, полное моральное право.

Вспомним изречение покойного академика Н. Я. Марра от 1925 г., что „яфетическое языкознание отнюдь не вылетело подоб-

но Афине-Палладе из головы Зевса: 1) оно родилось в той же буржуазно сложенной и скроенной научной среде, более того — зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которой его и не было бы, и 2) с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы“ (Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии, Л. 1926, стр. 3 = Избранные работы, т. I, 1933, стр. 222). Или: „... За индоевропейской лингвистикой громадная заслуга теоретического характера. Это создание научной техники формального теоретического языкознания, проистекшее в путях... империалистического развития Европы“ (Об яфетической теории, — „Новый Восток“ № 4, 1924, стр. 304 = По этапам развития яфетической теории, М.-Л. 1926, стр. 191 = Избранные работы, т. III, М.-Л. 1934, стр. 1).

Известно, что основные принципы и навыки по исследованию армянских диалектов установлены и выработаны исключительно представителями индоевропейского языкознания и языковедения, как-то: Петерманом, Паткановым, Томсоном, Карстом, Мсерианцем и другими. Исследования одного из столпов т. н. „социологической“ школы — армениста Мейе и его учеников из армян, в первую очередь Р. Ачаряна, собственно, и способствовали созданию не только армянской диалектологии, как специальной дисциплины, которая служит ныне объектом преподавания в вузах, но и начатков т. н. диалектографии и лингвистической географии.

Отсюда понятно, почему основы классификации армянских диалектов, разработанной на базе именно морфологического принципа, пока что остаются в силе, вернее говоря — пока что не поколеблены. Дело, конечно, не в том, что, согласно общепринятому взгляду, армянские наречия и говоры сведены к трем группам по способу образования настоящего времени изъявительного наклонения, поскольку „в области морфологии это едва ли не самый важный и характерный пункт, в котором больше всего расходятся армянские диалекты“ (А. Шанидзе, Два чано-мингрельских суффикса в грузинском и армянском языках, — „Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. О-ва“, т. XXIV, 1916, стр. 369 — 370). С другой стороны, факт, что опять-таки особенности морфологического, именно, порядка вынудили в свое время акад. Н. Я. Марра провести различие между языками Армении, легшими в основу обоих литературных языков — как древнего (грабара), так и нового (ашхарабара), по способу образования именительного падежа множественного числа через *ρ* и *ր*, в зависимости от чего, он, Марр, дал этим языкам условные наименования: одному „кейского“, другому „рейского“ (Астрономические

и этнические значения двух племенных названий армян, — „Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. О-ва“, т. XXV, 1921, стр. 232 — 233). Равным образом, факт, что морфологический, именно, принцип остался в силе у того же Н. Я. Марра на том этапе развития яфетической теории, когда понятие о языковых семействах было заменено понятием о системах и стадиях, другими словами говоря, когда, навсегда отвергнув всякие попытки генеалогической классификации языков, вроде Шлейхера (1863), Фика (1871), Ф. Мюллера (1873) и др., Марр разработал новую схему классификации как-бы в унисон и на базе морфологической классификации Шлейхера, различавшей 1) *isolierende Sprachen*, 2) *zusammen fùgende Sprachen* и 3) *flectierende Sprachen* (A. Schleicher, *Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Weimar 1866, стр. 3).

Исходя из принципов морфологического порядка, Н. Я. Марр в конечном счете и дал следующую теоретическую установку по вопросу об армянском языке: „...В Армении было много языков, сейчас пережиточно наличных в длинном ряде говоров и наречий, в числе которых по сей день некоторые, как зокское, представляют, собственно, самостоятельные языки, и теперь мы располагаем в Армении не одним языком, а двумя по образованию мн. числа: кейский (q), он же древнелитературный, феодальный, и рейский (r), новолитературный... Эти два языка Армении определились принадлежащими каждый особой системе по морфологически-формальным признакам, один, кейский, — флективной, другой, рейский, — агглютинативной, в общем в то же время они оказались переходными от яфетической системы к протоеидской, однако, нисколько не исключались возможность и факт скрещенности каждого из них“ (Яфетическая теория, Баку 1928, стр. 154 = Избранные работы, т. II, 1936, стр. 125).

Все эти справки и цитаты из работ Н. Я. Марра (отчасти и Ф. Энгельса) мне понадобились для того, чтобы выступить как бы защитником диссертанта по линии тех методологических установок, на которых покоится его исследование о новой ветви армянских диалектов.

Однако, оценка работы тов. А. Гарибяна отнюдь не может быть ограничена вынесением автору оправдательного вердикта. Во всякой работе, даже самой блестящей и успешной, могут быть вольные и невольные ошибки, промахи, дефекты, лягусы и пр.

В нижеследующих замечаниях я и постараюсь высказаться по поводу основных минусов работы тов. А. Гарибяна.

Вот мои замечания.

1. Я вполне согласен с заявлением автора (стр. 26) о необходимости пересмотреть принципы классификации диалектов, „научно

необоснованные и не разработанные принципы распознавания особенностей диалекта“, ввиду чего, по его же словам, нужно отбросить все исходные точки, руководствуясь тем принципом, который разработал Энгельс в своем замечательном труде „Франкский диалект“, и т. д. Однако, увлеченный положениями Ф. Энгельса и яфетической теории Н. Я. Марра, автор, сам того не подозревая, впадает в крайность. Отстаивая общий принцип развития языка из диалектов, т. е. языка племенных объединений, народа, нации, из племенных языков, каковое развитие представляется, если можно так выразиться, как результат интеграции, автор в то же время забывает, что историческая действительность дает нам немало примеров, когда имеет место обратное явление, т. е. процесс дифференциации, когда определенный народ или этнический коллектив в силу обстоятельств, скажем, политического и военного характера и в результате частичных переселений и вообще миграций, раздробляется на новые, географически (территориально) друг от друга разобщенные, единицы. Развитие всех языков мира в будущем, после победы социализма в мировом масштабе, конечно, должно следовать под знаком слияния в единый общечеловеческий язык будущего коммунистического общества. Это — аксиома, не требующая доказательств. Однако, аксиомой является и то, что в прошлом, да и в настоящий момент, это развитие шло отнюдь не прямолинейно: оно шло как по линии интеграции (консолидации), так и по линии дифференциации (дробления, распада), однако с перевесом на стороне интеграции, нежели дифференциации, что в конечном итоге является предпосылкой правильности теории о следовании человечества от множества языков к единому, а не от единого к множеству. Повторяю, концепция автора, признающая происхождение армянского языка от диалектов, в основном, конечно, правильна, однако, она освещена односторонне, притом с игнорированием в данном случае известного принципа: *audiat et altera pars*

2. Упорно проводя мысль о наличии четвертой ветви армянских диалектов, которая существенно отличается от остальных, до настоящего времени известных ветвей, по способу образования настоящего и прошедшего несовершенного времен изъявительного наклонения аналитическим путем при помощи несовершенного причастия с обязательным окончанием на „с“, автор забывает или просто обходит молчанием тот факт, что аналогичное явление налично и в новолитературном армянском языке в спряжении, по крайней мере, трех односложных глаголов или, вернее, глаголов, образованных из однозвучных (одногласных) корней и окончания инфини-

тива „ал“, как-то: գալ, լալ, տալ (отсюда գալիս եմ, ելի; լալիս եմ, ելի; տալիս եմ, ելի), которые в обычных школьных грамматиках квалифицируются как отклонения от законных норм, как неправильности, исключения и т. п., словом как *abnormis, irregularis*; причем в известном учебнике новоармянского языка на немецком языке, составленном С. Канаянцем в сотрудничестве с проф. Ф.-Н. Финком (*Lehrbuch der Neuostarmenischen Litteratursprache, Marburg 1902, стр. 33—36*), два из этих глаголов լալ и տալ помещены в главе: „С. Konjugation der unregelmässigen Verben“. Возникает вопрос: чем объяснить наличие этих трех глаголов в новоармянском литературном языке (ашхарабаре)? О влиянии ашхарабара на диалекты в данном случае, казалось бы, и речи быть не может. Поэтому остается предположить, что эти формы проникли в литературный язык из диалектов. Однако, из каких диалектов? Этот вопрос, в числе прочих вопросов о взаимоотношении ашхарабара и диалектов, автор как-раз и должен был поставить в основу своей монографии. Или еще вопрос: какова природа окончания несовершенного причастия вообще: գրելիս, կարգալիս, ծեծելիս, քնելիս etc.? В отношении артвинского диалекта автор заявляет (стр. 29), что эта форма „возникла по аналогии с образованием винительного падежа множественного числа в грабаре“. Заявление быть может и правильное, но необоснованное и не подкрепленное фактами!

3. Утверждение автора, что грабарное окончание винительного падежа мн. числа „с“ в народных диалектах часто воспринимается как форма именительного падежа ед. числа, вроде բաղանիք — բաղանիս, կողպէք — կողպէս, հարսնիք — հարսնիս (стр. 37), по существу правильное. Однако, это утверждение было бы еще более убедительным, если бы автор привлек дополнительный материал по грузинским географическим названиям с окончанием на *об-о*, которое в грабаре воспринимается как винительный падеж мн. числа с окончанием на „с“, как то мы имеем в следующих случаях:

	вин. п. мн. ч.	им. п. мн. ч.	род. п. мн. ч.
Շքողის	— Տիգիս	— Տիգիք	— Տիգեաց
ճմռնիս	— Դմանիս	— Դմանիք	— Դմանեաց
ձեռքիս	— Մանգիլիս	— Մանգիլք	— Մանգիլեաց
ձողնիս	— Բողնիս	— Բողնիք	— Բողնեաց
ողտիս	— Ուղտիս	— Ուղտիք	— Ուղտեաց
и даже	— Կարս	— Կարք	— Կարուց

4. Критикуя наличную классификацию армянских диалектов, пользуясь всеобщим признанием в среде арменистов из армян и не армян, автор ни единым словом не обмолвился насчет попытки академика Н. Я. Марра провести деление комплекса диалектов Армении на „южно-армянское и северо-армянское наречия“, в каковом делении по его, Марра, словам, „отражается соответственное этнографическое различие армянского населения, им определяются в дальнейшем два культурных течения в истории армянского народа“ (Кавказский культурный мир и Армения, — „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1915, май, стр. оттиска 37).

5. Касаясь, в вводной части своей работы, робких попыток классификации армянских диалектов у древнеармянских книжников-грамматиков, автор находит, что „честь первой классификации армянских диалектов принадлежит Стефану Сюнийскому (VIII век)“ (стр. 23). Автор забывает, что деление армянских диалектов по тому принципу, который указан у Стефана Сюнийского, т. е. применительно к фонетическим особенностям тех или иных диалектов по трехступенчатой звонкости губных *p, q, f* (звонкого, глухого и глухого придыхательного), по примеру *բազուկ, պազուկ, փազուկ*, в цикле авторов, комментаторов *Տղլի ցրամատիկ* Дионисия Фракийского, раньше всех налицо у Анонима—автора, примерно, VII века (Н. Адонц, Дионисий Фракийский и армянские толкователи, Пгр. 1915, стр. 149). Факт этот хорошо знаком диссертанту, поскольку названного Анонима он упоминает в своем „Введении в изучение истории армянского языка“ (стр. 185), но почему то умалчивает в данной работе.

6. Отдавая должное армянскому историку X века Фоме Арцруни, который дает характеристику языка армян области Хутасасуна, автор в то же время упускает из виду ценнейшее указание Вардана, написавшего толкование на труд Дионисия Фракийского по поручению киликийского армянского царя hЭтума I (1220 — 1269) с упоминанием поименно корчейцев, баркушатцев и горозийцев, а также весьма интересных языковых фактов, в частности примеров окания (*գեամ — գամ, յարկեմ || յրեմ — յրոմ, լոյս — լուս, գայլ — գոյլ, գանն — գոռն*) (Н. Адонц, стр. LX); равным образом — указание историка hЭтума о своеобразии звуков языка населения Амшем (Ист. hЭтума, на арм. яз., Венеция 1842, стр. 14).

7. Утверждение автора, что „тайский диалект является „прототипом“ (в подлиннике „праотцем“) известного нам тбилисского диалекта“ (стр. 24), не отличается достаточной вескостью. Он говорит: „Артвинский диалект до настоящего времени является разговорным языком части батумских армян. На этом языке говорило население города Артвина и его района. Артвинский диалект по

системе фонетики и морфологии имеет много сходств с тбилисским диалектом. В настоящее время, как и тогда, когда артвинский диалект был разговорным языком Артвинского района, он не имел непосредственного общения с Тбилиси, ибо географически это было невозможно: Артвин сотнями километров отдален от Тбилиси. С другой стороны, между [территорией распространения] артвинского и тбилисского диалектов помещается обширный район [с населением], говорящим на каринском диалекте, куда входят Ахалкалаки и Ахалцихе (в подлиннике: Ахалцха. sic!) Следовательно, сходство артвинского диалекта с тбилисским невозможно объяснить непосредственным общением, соседством. Однако, ряд черт артвинского диалекта настолько сходен с тбилисским диалектом, что всякое случайное совпадение исключается. Единственным предположением остается то, что тбилисский диалект не аборигенный, а явился из Артвинского района, то есть тбилисский диалект — это диалект населения Тао (в подлиннике: Тайка), который упоминается в толковании Грамматики Стефана Сюнийского“ (стр. 33—34). И далее: „Основной слой армянского населения Тбилиси явился из Тао (Тайка) в очень древнее время и, составив собою подавляющее большинство, выработало тбилисский диалект. Однако, этот диалект в свою очередь подвергся влиянию тех иммигрантов, которые говорят на ереванском диалекте и которые засели на Авлабаре. И это влияние оказалось причиной исчезновения тбилисского диалекта“ (стр. 34). Все эти рассуждения автора, по нашему мнению, лишены исторической перспективы: известно, что армяне-выселенцы из Еревана, да и из Азербайджана (Шамхора, Гянджи и пр.) обосновались на Авлабаре лишь с начала XIX века (со времен Цицианова, Паскевича и пр.); до того же армянское население гор. Тбилиси, представляя компактную массу с центром в Клдис-убани (К'арап'и-т'аг'), состояло, как устанавливается историческими и эпиграфическими памятниками, из выселенцев с разных мест центральной Армении, в частности и по преимуществу из Ани и лишь отчасти, быть может, и из Тао (Тайка).

8. При суждении о глагольном суффиксе *mlf* (стр. 27—28) автор не обнаруживает знакомства с постановкой вопроса в том разрезе, как это было выдвинуто еще в 1916 г. А. Г. Шанидзе (Два чано-мингрельских суффикса в грузинском и армянском языках, — „Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. О-ва“, т. XXIII, стр. 369—372). А между тем, знакомство с работой А. Г. Шанидзе могло бы внушить автору сознание о необходимости, при суждении о т. н. тайском и артвинском диалектах, привлечения материалов из чанского (лазского) обихода. Не лучше обстоит дело у автора, при трактовке о ново-

открытых диалектах, и по части привлечения материалов по установлению сходства и расхождения с соседними диалектами. Так, напр., при анализе особенностей артвинского диалекта не привлечены хемшинские материалы. Вопрос о т. н. „окании“ в новооткрытых диалектах недостаточно заострен и при этом несколько не учтены аналогии из тбилисского диалекта (*կոսիբ, կոսիբ*) и языков Поволжья, равно как моменты общего глоттогонического процесса.

9. Останавливаясь на этимологии названия „Сиуник“ и „Сисакан“, автор вполне резонно усматривает в них племенное название „си“ и „сак“ (стр. 32, 65). Однако, им упущено из виду, что основа „си“ || „се“ налицо также в названиях „Сисиан“ (части Сисакана-Сиуник), „Севан“, „Севорди“ || „Сиорди“ и пр.; а „сак“ налицо также в названии „Баласақан“ (иного порядка: Пайтакаран || Пайтаракан, Вазпуракан, Атрпатакан=груз. Адрабадагани и пр.).

10. Автором недостаточно заострено внимание на встречах глагольных и пр. форм новооткрытых диалектов (артвинского, стр. 42; урмийского, стр. 130) с грабарными, в частности на примере *causativ'a* (стр. 144); равно как на встречах местоименных форм артвинского диалекта (стр. 39, 40) с аналогичными формами тбилисского диалекта. Наконец, обойден молчанием вопрос о заимствовании артвинским диалектом (так же, как и тбилисским) ряда слов из грузинского, как-то: *դէդէն, շիշինալիս, ժըժընալիս* (стр. 47—48), как и вообще о встречах лексики артвинского диалекта с грузинским (стр. 152—187).

Из дефектов технического характера я бы отметил следующие:

1. По каждому диалекту автор приводит записи текстов по нормам армянской диалектологии. Однако, при упоминании лиц — сказителей или записывавших тексты, имеет место разнобой. Думается, автор не станет спорить против того, что тексты по диалектам должны не только записываться со всей тщательностью по всем нормам диалектографии, но и сопровождаться паспортизацией, т. е. снабжаться точным указанием места и времени записи, имени сказителя и записавшего, с отметкой пола, возраста, образовательного уровня, отношения к городу и т. д., и т. п. При чем автором недооценен вопрос о транскрипции злополучного в армянском звука *ը* (Ә).

2. Ссылки на свидетельства древнеармянских историков Егише и Моисея Хоренского (стр. 36), а также грамматика Стефана Сюнийского (стр. 24) приводятся без обозначения издания и страницы.

3. Работа не снабжена оглавлением.

4. Лингвистическая терминология, применяемая автором, местами неудачна; таковы напр. „свертывание“, „свернутые формы“ (стр. 147) вм. „редукция“.

5. Имеются неполадки стилистического характера в русском резюме работы (стр. 147—148).

6. На карте географического распределения диалектов ветви „с“ из 6 диалектов указаны 5, урмийский же почему-то обойден молчанием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная тов. Араратом Гарибяном, на соискание ученой степени доктора филологических наук, работа на армянском языке, на тему „Новая ветвь армянских диалектов“, несмотря на ряд дефектов, представляет собою ценный вклад в область арменистики, вообще, и армянской диалектологии, в частности. Поскольку работа методологически вполне выдержана и удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторской диссертации, я считаю автора достойным ученой степени доктора филологических наук.

3. თოფურია

ქართულენოვანი სიტყვაწარმოებიდან

III

-ენ, მ- — არ, სმ⁻¹, -აჟა აზიშსებისათვის

1. -ენ ბოლოსართი ქართულ ზმნაში

ა) -ენ ფორმანტის დადგენისათვის.

-ენ ელემენტი ზოგჯერ მხოლოდ მასდარის (მოქმედების სახელის) კუთვნილებას წარმოადგენს, მაგრამ ხშირია შემთხვევები, როცა ის მასდარს გარდა ზმნას ყველა დროში გასდევს, ან აქა-იქ ამოყოფს თავს. მის ფუნქციაზე აკად. ნ. მარის შემდეგს გვაუწყებს: „...народный и книжный и показатели множественности служат функциональными согласными для развития корня, получения его возвращенного вида с переходным значением...“ (Грамм. др.-гр. яз., § 161 და სხ.), თუმცა ეს -ენ მას ზოგჯერ ძირეულად მიაჩნია.

-ენ შემცველი მაგალითებია:

დევენა: „დევენა უყო“ (ხანძთ.² იბ₁₆); „განდევენს“ (სას. პ. შპ₁₈)...

მაგრამ „რომელსა ვსდევ“ (ხანძთ. იბ₁₈)...

პოვენა: „ღირს იქმენ ... პოვენად (სას. პ. ნბ₁₄₀); „პოვნილ იყო“ (ხანძთ. ე₂₃)...

მაგრამ „ჰპოვე საფასეა“ (სას. პ. შპ₁₇₁)...

¹ ქართული საენათმეცნიერო საზოგადოების საჯარო სხდომაზე 1926 წელს წაკითხული მოხსენებიდან. ამ სათაურით მეორე წერილი² დაიბეჭდა „აკად. ნ. მარის სახ. ენის, ისტ. და მატ. კულტ. ინსტ. მოამბეში, V-VI“. „მოამბე“ მიეძღვნა აკად. ივ. ჯავახიშვილს მისი სამეცნიერო მოღვაწეობის 40 წლისთავზე.

² გამოყენებულია ძეგლები: ხანძთ. — გრ. ხანძთელის ცნობრება: TP, VII, ნ. მარის გამოცემა; სას. პ. — ძველ-ქართული სასულიერო პოეზია, პ. ინგოროყვას გამოცემა; საბა — „ცხოვრება საბა ასურისაჲ“, ს. ჯანაშიას მიერ გამოქვეყნებული პროფ. ივ. ჯავახიშვილისადმი მიძღვნილ კრებ. „არქივი“.

(აღგზნება): „ცეცხლი აღგზნა“ (სას. პ. უმ₁₄₂); „არაა აღგზნა“ (ib. კა₂)...
 მაგრამ „მარადის ეგზებოდა“ (ib. მღ₁₀)...

* დატევნა: „დატევნულ იქმნა“ (სას. პ. ნზ₃); „დაუტევნელი ბუნება“ (ib.₂)...
 მაგრამ „დაუტევა“ (ib. უმ₁₆₄)...

შეწევნა: „მოხუდელ შეწევნად ჩუენდა“. „ქეშმარიტად შეწევნა არს...“ (ხანძთ.
 ზ₃₄); „ჰყოფენ შეწევნასა“ (სას. პ. მზ₃₄); „შეწევნითა და ძალითა“
 (საბა, 11₂₂)...

გზავნა: „განზრახვისა და გზავნისა მისსა“ (ხანძთ. ე₁); „წარმოგზავნა მამა“
 (ib. ი₁)...

ძველთან შედარებით ახალ ქართულში -ნ'ს ჩამრთველი შემთხვევები გაცი-
 ლებით მეტი გვაქვს; მაგ.:

თხოვნა: „მოთხოვნილება“... მაგრამ „თხოვა“ (საბა, 5₃₀); „სთხოვს“...
 და ასე ნ'არიანია ქართულში:

ყოფნა, შოვნა, ხვევნა, თოხნა, კვეხნა, ხვეწნა, ვარდნა, ტყორცნა, კოცნა,
 ხსოვნა, ძებნა, ხედნა¹, ჯღაბნა, წვრთნა და სხვა. ამათ რიგში შემოდის:
 ცოდნა, ლოდნა, ცხონება (← ცხოვნებისაგან)...

ყველა ამ შემთხვევაში -ნ რომ ძირისეული არ არის, ეს ნათლად ირკვევა
 ნაწარმოებ სიტყვათა შეპირისპირებით:

ხსოვ-ნ-ა : ა-ხსოვ-ს, სა-ხსოვ-არი, დამა-ხსოვ-რება...

ხვეწ-ნ-ა : შეე-ხვეწ-ა, სა-ხვეწ-არი, შე-ხვეწ-ება...

ძებ-ნ-ა : მე-ძებ-არი, სა-ძებ-არი...

ტყორც-ნ-ა : „აღილო ქვა და ს-ტყორც-ა“ (საბა, მ₂₆)...

* ცხოვ-ნ-ება → ცხონება, მაგრამ „ა-ცხოვ-ნ-ა“, „ა-ცხოვ-ნ-ოს“ (სას. პ. ლ₂)...
 საერთო ძირი აქვს ცხოვ-არ, ცხოვ-ელ, მა-ცხოვ-არ, ცხოვ-რება სიტყვებთან
 და ა. შ.

ამავე შეპირისპირებით მტკიცდება, რომ -ნ'ს წინ უძლოდა ხმოვანი და ეს
 ხმოვანი იყო -ე. მართლაც, „ვი-ზამ, ი-ზამ, ი-ზამ-ს“, ძე. ქართ. „რასა ჰ-ზამ-თ“
 (მრკზ XI,5) მავალითში ფუძეა ზამ, მისი მასდარია ზმ-ნ-ა; უკანასკნელის ფუ-
 ძეში კი არ ჩანს -ა-: *ზამ-ნა'ს ნაცვლად არის ზმ-ნა; ასევე ძელუ ფუძისაგან
 ნაწარმოებია, ერთი მხრით, ძლ-ოდა და, მეორე მხრით, ძლუ-ნ-ა მასდარი. ორ-
 სავე შემთხვევაში ამოღებულია ფუძისეული -ე-: *ძელუ-ნ-ა → ძლუ-ნა. ზმნა და
 ძლუნა'ს ფუძეთა შეკუმშვა (პირველში -ა-სა და მეორეში -ე-ს ამოღება) კი იმის
 მომასწავებელია, რომ -ნ იყო წინახმოვნიანი. რიგი დასახელებული ზმნები ნამ-
 ყო წყვეტილის I და II პირში ამ -ნ'ს წინახმოვანს -ე-ს აღიდგენს. მაგ.:

აღგზნა: „არაა აღგზნა“ (სას. პ. კა₂), მაგრამ: „აღგზენ საკუმილი“
 (ib. ლმ₂₂); „ცეცხლი ... აღგზენ“ (ib. რა₁)... უძღვნა, მაგრამ „უ-ძღვ-ენ“, „შე-
 წირეს ძღუენი“ (სას. პ. ღმ₆) და სხვა (ნ. ქვევით).

¹ ხედ-ნა ნ. აკად. ნ. მარის წერილში: „Средства передвижения...“, გვ. 29, წევ-ნ-ა,
 ძებ-ნა კი ЯМ, X, გვ. 330, 332.

ჩანს, ზმნის საწარმოებელი ფორმანტია ენ¹ და არა ნ. უთუოდ ეს -ენ არის, რომ ძირისეულადაა ქვეული რიგს ზმნებში, სადაც მისი გამოყოფა დღესაც ხერხდება. მაგ.:

1. ჰსენ-ება: ა-ხსენ-ებს, მო-ხსენ-ება, გა-ხსენ-ება, სა-ხსენ-ებელი, ა-ხსენ-ა... შეიცავს ძირს ხსენ, მაგრამ ეს მეორადი, ნაწარმოები ძირია, პირველადი იყო ჰს (ამჟამად იხმარება ხს) და ეს უკანასკნელი გვაქვს, ერთი მხრით, სიტყვებში — ხსოვ-ნა, სა-ხსოვ-არი, ა-ხსოვ-ს, დამა-ხსოვ-რება და სხ., სადაც -ოვ სუფიქსია, და, მეორე მხრით, მე-ხს-იერება² ში. მაშასადამე, ხსენ იშლება: ხს-ენ² (ძვ. ქართ. კს-ენ).

2. ჰსენ (ხსენ): „მი-ჰსენ ჩუენ ბოროტისაგან“; ძირის შეკუმშვით ვსნ (ხსნ): ი-ჰსნ-ა, მ-ჰსნ-ელი (სას. პ. ლ₁₁), გა-ხსნ-ა, მო-ხსნ-ა და სხვა. ძველ ქართულშიც ვსენ ძირად იყო გაგებული და ამიტომ იწარმოებოდა „დ“ სუფიქსით ვნებითი: „დაჰ-ჰსნ-დ-ეს ძარლუნი“ (ხანძთ. ლ₁₀)... მაგრამ აქაც რომ ჰს არის ძირი, ამას გვაფიქრებინებს მისგან ნაწარმოები სა-ჰს-არი-ი (სახსარი: 1. сустав; 2. выкуп; 3. средство, ე. ი. ის, რის გახსნა, დაშლა შეიძლება, და ის, რითაც გამოსხნა შეიძლება). ამგვარად, ვსნ-ა ← *ჰსენ-ა³ სგან და იშლება: ჰს-ენ-ა³.

3. ჰჰენ: „მსგავს ჩუენდა ი-ჰჰენ“ (სას. პ. ს₁₅); ფუძის შეკუმშვით ჰჰნ: „ჰჰნ-ა ცაჰ...“ (იბ. ბ₁₁₃); „რომელი ე-ჰჰნ-ა“ (ხანძთ. ბ₂₅)... ენ ძირის ნაწილად ძველ ქართულშივე არ ჩანდა; ჰჰ ძირს შეიცავს და არა ჰჰნ³ს მაგალითები: მო-ჰჰ-ელი: „მო-ჰჰ-ელსა მას შეერაცხების“ (ხანძთ. ვ₄₆; შდრ. მო-რბ-ელი: სას. პ. რ₁₂₆₀).

სა-ჰჰ-არი: „ითხოვნ ქველის საქმარსა“⁴ (საბა, 18₃₂)...

უ-ჰჰ-ი: „ენაჲ მათი... უტყვ არნ და ... უჰჰ“ (ხანძთ. ბ₁₀₋₁₁)...

სა-ჰჰ-ე⁵: „რ-ი სა-ჰჰ-ც ვჰჰენ“ (მრკზ X, 17; შდრ. სა-გს-ე)...

ი-ჰჰ-ს, ი-ჰჰ-ოდა: „ი-ჰჰ-ოდა კელითა“ (საბა, 19₃₃)...

ჰჰ-არი (ნ. ქვევით) და სხვა.

ამგვარად, ჰჰენ იშლება: ჰჰ-ენ. ძირია ჰჰ⁶ და -ენ ბოლოსართი. მეგრულსგანურთან შედარებით ისიც მტკიცდება, რომ თავდაპირველი ძირი ჰჰ იყო

¹ მაშასადამე, ზმნის „დაბოლოება -ნა“ კი არ ყოფილა, როგორც ეს მ. ჯანაშვილს ზგონა „თოხნ-ნა, ყოფნ-ნა“ და სხვ., არამედ -ენ-ა (ქართ. გრამატიკა, 1906, გვ. 63-64).

² მცთარია ნ. მარის ფორმულა: „ხსნ → *ხსლ ~ ხსე: ... ხსენ-ება-ა ... ხსოვ-ნა-ა-ჲ ნამდვილად კი არის: „ხს-ენ-ება-ა ... ხს-ოვ-ნ-ა-ა (Грамм. др.-груз. яз., § 245).

³ ეს ძირის შესახებ მაგალითები და მისი შედარება მეგრულთან ნ. ავტორის წერილში „პ და ს სიბილანტ-აფრიკატებთან მგზობლობაში“.

⁴ ეს სიტყვა მეგრულში შევიდა და სახე იცვალა: საქვარი (პ. ჭარაია, ონ ოთ. ანხ. მ. § 10, 88; ნ. მარის რეცენზია P. Peeters'ის შრომაზე, გვ. 7; შდრ. ხმარება → მეგრ. ხვარება).

⁵ არ არის მართალი, თითქოს საქმე მიღებული იყო საქმენისაგან და ძირად მიიჩნეოდეს ჰჰნ, როგორც ეს აკად. ნ. მარს აქვს აღნიშნული ძირის სამთანზმონიანობის დებულებაზე დამყარებით (პ. ჭარაიას გამოკვლევაში ონ ოთ. ანხ. მ. § 10, 88 და Грамм. др.-груз. яз., § 221). აკად. მ. ჯანაშვილით „ნ ძირეული არ არის“ (ქართ. და კავკ. ენების თავდაპირველი ბუნება და ნათესაობა, გვ. 227).

⁶ და არა ჰ (მ. ჯანაშვილი, ქართ. გრამ., გვ. 64).

ღესი საწარმოებელი ბოლოსართია მოქმედებითი გვარის ზმნებისა.

დასკვნა. 1. მოქმედებითი გვარის ზმნათა საწარმოებელ ელემენტებს შორის, როგორცაა -ებ, -ემ, -ავ, -ამ და სხვა, უნდა დასახელებულ იქნეს -ენ სუფიქსიც.

2. -ენს ძალუძს ფუძის შეკუმშვა და თვითონაც ექვემდებარება რედუქციას (ჯსნა ← *ჯს-ენ-ა; ქმენ ← *ქამ-ენ). ჩანს, ერთდროულად ორი ხმოვნის ამოღება შეიძლება.

3. -ნ ← -ენ გვხვდება: ა) ზოგჯერ მხოლოდ ნაზმნარ სახელებში, ბ) დროთა პირველ სერიაში, გ) შეხორცების შედეგად ძირში და ამის გამო დროთა მეორე სერიაში. -ენის ამგვარი გამოყენება ამჟღავნებს, რომ ის უძველესი სუფიქსთაგანია.

4. -ენ ისეთსავე მიმართებაშია ამ შემთხვევაში -ებ ბოლოსართთან, როგორც გვაქვს სახელთა მრ. რიცხვში (კაც-ნ-ი და კაც-ებ-ი), ვნებითი გვარის ზმნებში (სვან. ლენტეხურად ჯედ ენ-ი 'მოდის' და ქართ. ჯედ-ებ-ი-ს), თურმეობით I-ში (უსესხ-ებ-ია და უსესხ-ნ-ია ← *უსესხ-ენ-ია) და სხ. ეს გარემოებაც -ენის სიძველეზე მიგვითითებს.

5. -ენის სუფიქსობა შესაძლებლობას იძლევა პირველადი ძირის გამოყოფისას და სიტყვის პირვანდელი მნიშვნელობის დადგენისას.

2. მ — არ აფიქსიზი ქართულ სახელეზში

მ — არ (დისიმილაციის შემთხვევაში მ — ალ) ცნობილი აფიქსებია ვნებითის მიმღეობისა (მ-კვდ-არ-ი, და-მ-დგ-არ-ი, მ-კრთ-ალ-ი...). ესენი ზოგჯერ მოქმედებითი გვარის მიმღეობასაც აწარმოებენ: მ-ხატვ-არ-ი (გვარიც არის), მ-კვლე-არ-ი, მ-ლებ-არ-ი (აქედან გვარი: მლებრიშვილი), მ-ზაკვ-არ-ი, მ-კბენ-არ-ი და სხვა. ფონეტიკურ ნიადაგზე, თუ სხვა მიზეზით, შესაძლებელია პრეფიქსი მ- დაიკარგოს; მაგ.: ბრწყინვ-ალე (← *მ-ბრწყინვ-ალე, შდრ. მ-ხურვ-ალე), ცხოვ-არ-ი (← *მ-ცხოვ-არ-ი). თუ პირველ შემთხვევაში მ- გაქრა მომდევნო ბაგის მიერ ბგერის ბ'ს ზეგავლენით (*მ-ბრწყინვალე, შდრ. მ-ფრინველი → ფრინველი), ცხოვარ'ში კი მ'ს გაუჩინარება სხვა გარემოებით აიხსნება.

ცხოვ-არ'ის მსგავსად არის ნაწარმოები ქმ-არ-ი, რომლის ფონეტიკურ-სემანტიკური ეკვივალენტია მეგრ. ქომ-ონჯ-ი || ქომ-ოჯ-ი. ძირია ქამ (მეგრ. ქომ), რედუქციით ქმ (ნ. ქმენ), და ბოლოსართია -არ (მეგრ. -ონჯ || -ოჯ¹), მ- თავსართი არ ჩანს: *მ-ქმ-არ-ი → ქმ-არ-ი². პრეფიქს მ-ს დაკარგვა ან ფონეტიკურ ნიადაგზე მოხდა (მ-ქმ...), ან მისი გაქრობის მიზეზი არაენობრივს სამყაროში

¹ ავტორის -ენჯ სუფიქსი მეგრულში: ენიმკის მოამბე, I, გვ. 142—144.

² ქმარ'ის ამგვარი წარმოშობა აღნიშნული ჰქონდა თ. ყო რ დ ა ნ ი ა ს თავის „ქართ. გრამმატიკაში“, გვ. 98. მისი ეტიმოლოგია და შესატყვისები თელი სისავსით მოცემული აქვს აკად. ივ. ჯაკაძის შვილს თავის მასალებით უხვსა და გონებამახვილური მოსაზრებებით მდიდარს გამოკვლევაში (ქართ. და კავკ. ენების თავდაპ. ბუნება და ნათესაობა, გვ. 226—228).

უნდა ვეძიოთ. ამგვარად, ირკვევა, ერთი მხრით, ქმარ სიტყვის გენეზისი და, მეორე მხრით, ქმნა' ში ნს არაძირეულობა.

მ. — არ აფიქსების შემცველად ჩანს **ზამთარიც**.

ზამთარი, როგორც წლის ერთ-ერთი დროის აღმნიშვნელი, ძველ ქართულში გვხვდება: „ზამთარი იყო“ (აღიშ., იწ X, 22); „და ვგრევე ჰგიენ ზაფხულსა და ზამთარსა“ (ტრ, III, ლც₁₂₋₁₃)... ამ სიტყვის ეტიმოლოგიის ცდა მოცემული აქვთ მ. ჯანაშვილს, პ. ჭარაიასა და ნ. მარს. პ. ჭარაია სამართლიანად უპირისპირებს მას ზაფხულს და ასე ანაწევრებს: „ზამთარი“, ხოლო მის მეგრულ შესატყვისს „ზო-თონ-ჯი“; ნ. მარი კი არ იზიარებს ამას და იქვე იძლევა საკუთარ ანალიზს, პირველისათვის — „ზამთ-არ-ი“ და მეორისათვის — „ზოთ-ონჯ-ი“ (Об отн. аџх. яз., გვ. 36). შემდეგში მრავალჯერ შეხება ნ. მარი ამ სიტყვას და, მიუხედავად ნაირ-ნაირი ეკვივალენტის მონახვისა და გააზრებისა, დაახლოებით მაინც ერთნაირად უღის: „...თარ «зима (холод)», также... ზამ-თარ «зима», букв. «год зимний (холода)», так как в первой части мы имеем сван. ზაჟ || ზამ / *ზამ → ზამ → ზაფ, означющее «год»... ხოლო მეგრული ზოთონჯის მისაღებად „თარ подвергся изменениям по норме шипящей группы, перегласовке а/о и перебою რ ~ ნჯ: -თონჯ..., но ზ в первой части остался все-таки без изменения... по-мегрельски «зима» ზო-თონჯ-ი, букв. опять таки «год зимний (холода)», точное соответствие грузинскому ზამ-თარ («*ზაჟ-თარ»)¹. სხვა წერილში სიტყვის მეორე ნაწილი დაკავშირებული აქვს თოვლ'თან, მეგრ. თირ'თან: „...ზამ-თარ 'зима', буквально 'год снега', 'холодный год'².

ამგვარად, ნ. მარით ჩვენთვის საინტერესო სიტყვა წარმოავლიდგება ზამ-თარ-ი, ზო-თონჯ-ის სახით, სადაც ზამ სვანური 'წელიწადი'ა და თარ 'თოვლი', და აღნიშნავს „თოვლის წელიწადს“.

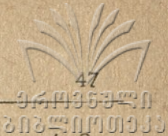
მ. ჯანაშვილით „ზა ნიშნავს მიმავლობას, განუწყვეტელ სრბოლას წინისკენ... და მისგან ვვაქვს ... ქართ. ზა-ფხული ... ზა-მთარი („მთარი“ = მეგრ. თირი — თოვლი, ინგ. თირთვილი = რთვილი“: „ნაშრომი“; ტფ. 1907, გვ. 81).

ამათგან ჩვენთვის მისაღებია, ერთი მხრით, მ. ჯანაშვილისა და პ. ჭარაიას ანალიზი იმდენად, რამდენადაც ისინი ზას დამოუკიდებლად მიიჩნევენ, და, მეორე მხრით, მ. ჯანაშვილისა და ნ. მარის ეტიმოლოგიებიდან — ზას სვანურად გამოცხადება² და მთარის თოვლ'თან დაკავშირება. ზა-მართლაც სვანურიდან უნდა იყოს შემოსული. მისი სახეა ზამ (წელი, ლგ-ზამა წლისა, „წლიანი“; ზამ-ა-შ წლისა, წლიური). რაც შეეხება ზაჟ ფორმას, ის ხშირად ზმნისარტებში გვევლინება: ამ ზაჟ 'წელს' („ამ წელს“), ზაჟდ 'გაისად'... ზაჟლადელ და სხვა. ჟ (ზაჟ'ში) ფუძის კუთვნილებას, თუ ბრუნვის ნიშანი, ეს გამოსარკვევია, მაგრამ აშკარაა, რომ „ზამთარსა და „ზაფ-

¹ Заметки по яфетическим клинописям (ИРАИМК, 1924, т. III, გვ. 302—3).

² Н. Я. Марр, Избранные работы, III, 333; აგრეთვე ტ. II, გვ. 216—218, 222—223.

აქ საჭირო არ არის შევხებით ნ. მარის პალეონტოლოგიურ ძიებებს, წარმოადგენილს ამ სიტყვასთან დაკავშირებით. ისინი იმავე ღირსებისანი არიან, როგორც სხვა ძიებები, დამყარებული მეთოდოლოგიურად დაუშვებელ ოთხ ელემენტზე.

ხულ“ში ნ. მარის მიერ გამოყოფილი „ზაჰ“ კი არ უნდა გვექონდეს, არამედ „ზა“. ამას ამტკიცებენ, ერთი მხრით, მეგრული ზო-თონჯი 'ზამთარი', სადაც ზო-ს შესატყვისი ზა- გვაქვს, სვან. ლუ-ფხჷ და აფხაზური ა-ფხგნ 'ზაფხული'¹, საიდანაც ჩანს, რომ ფ არ განეკუთვნება ზა'ს. და, მეორე მხრით, ჩვენი ანალიზი: ზა + მ-თ-არ-ი. ზა- ქართულ-მეგრულში უკანასკნელთა დაშორებამდეა გადმოსული სვანურიდან, წინააღმდეგ შემთხვევაში ხმოვანთა შესატყვისობას არ ექნებოდა ადგილი². მთარ ნაწილს კი თოვლ'თან და თირ'თან საერთო აქვს მხოლოდ ძირი. შემთხვევა გვექონდა დაგვედგინა, რომ ქართული თოვ-ს, მეგრ. თუნ-ს, ჭან. თუმ-ს, მ-თუფს და სვან. შდუ[ჷ]ე და ნაზმ-ნარი სახელები თოვ-ლ-ი, მეგრ. თირ-ი, ჭან. თვირ-ი || მ-თვირ-ი შეიცავენ ძირს თჷ³, რომლის ჷ სხვადასხვა მიზეზით არ ჩანს თოვ-ს'სა (←*თჷ + თოვ-ს: ჷ დაიკარგა ფონეტიკურ ნიადაგზე) და თ-ირ'ში... უთუოდ ეს თ ძირი მოგვეპოვება მთარ'ში, მ-—-არ კი ზემოვანხილული მიმღებობის საწარმოებელი აფიქსებია. ამგვარად, ზამთარი იშლება ზა + მ-თ-არ-ი და ნიშნავს „წელიწადს მთოველს“ და არა «ГОД ЗИМНИЙ (ХОЛОДА)» ან «ГОД СНЕГАს»⁴.

მეგრული ზოთონჯი სრული ეკვივალენტია ზამთარ სიტყვისა. უკანასკნელის მსგავსად ისიც იშლება: ზო + თ-ონჯ-ი 'ზა + მ-თ-არ-ი': ზო = ზა, თ = თ, ონჯ = არ. მართალია, ქართ. მ'ს შესაფარდი მეგრულში არ ჩანს, მაგრამ ის არ ჩანდა აგრეთვე ქმ-არ'ის შესატყვისის ქომ-ონჯ || ქომ-ოჯ'ში.

დასკვნა. 1. მ-—-არ აფიქსებითაა ნაწარმოები ზა + მ-თ-არ-ი ისე, როგორც ქმ-არ-ი. უკანასკნელი შეიცავს ძირს ქამ → ქმ, წარმოდგენილს ქმ-ნა'ში და პირველი — თ ძირს, მოცემულს თოვ-ს, თოვლ'ში.

2. ზამთარი შედგება ორი ნაწილისაგან: ზა (სვან. ზაჰ 'წელიწადი') + მთარი — მიმღებობა 'მთოველი'; ზა + მ-თ-არ-ი აღნიშნავს „წელიწადს მთოველს“.

3. მ-—-არ'ის ფონეტიკურ-მორფოლოგიური შესატყვისია მეგრულში (მ)-—-ონჯ: ზა-მ-თ-არ-ი = ზო-თ-ონჯ-ი, ქმ-არ-ი = ქომ-ონჯ-ი (შდრ. სა-ვარცხ-ალ-ი ← *ს ვარცხ-არ-ი = ორცხ-ონჯ-ი).

¹ რომ „ზაფხულ“ში ზა წარმოდგარი იყოს თითქოს ქართ. სპ-პრეფიქსისაგან და არა-ფერი საერთო ჰქონდეს მას სვან. „ზა“-სთან, ან „ზამთარ“ის ზა ძირეული იყოს და არა შემადგენელი ნაწილი,—ეს მოსაზრება, გამოთქმული ნ. მარის მიერ 1913 წ. (Из лингв. поездки в Абхазии, გვ. 316—317 და შწშ), უარყოფილია მის მიერვე (ნ. ხევით). ზა-სა და სპ პრეფიქსის ურთიერთობის შესახებ კითხვის დასმაც კი არ შეიძლება.

² შდრ. ნ. მარ, Заметки по яф. клинописям, გვ. 302.

³ ავტორის ფონეტიკური დაცვ. ქართვ. ენებში, I: „მიმოხილველი“, გვ. 202.

⁴ იგი არც სპარსულიდანაა ნასესხები (სპ. زمستان; ი. აბუ ლაძე, XII საუკ. ქართ. მწერლ. და ავეფხის-ტყ., ტფ. 1922, გვ. 102; შდრ. ბროსეს წინასიტყ. დ. ჩუბინაშვილის ქართ.-რუს.-ფრანგ. ლექსიკონში, ს.-პეტერბ. 1840, გვ. არაა ნაჩვენები).

საინტერესოა პ. უსლარის აზრი აფხ. აძენის ('ზამთარი') შესახებ: „Быть может, название это происходит от аџџ [вода], так как зима дождливое время года в Абхазии“ (Абх.-яз., Тфл. 1887, გვ. 137). მართლაც, თუ პ. ჭარაიას მიერ განმარტებულ -ნ'ს მოვიგონებთ (Op. cit. 36), მაშინ აძენა=აძენ და ნიშნავს „წყლის დროს“. ნ. მარით „ა-ძენ-зима..., собственно 'время дождя' или 'дождливое время“ (ЯЭ, X, გვ. 340).

3. სე- თავსართი ქართულ სახელებში

სვანურ დი-, და-, დე- პრეფიქსთა ფონეტიკურ-მორფოლოგიურ შესატყვისად ქართულში გვაქვს ნი-, ნა-, ნე-, ხოლო მორფოლოგიურ ეკვივალენტად სი-, სა-, სე-. უკანასკნელი (სე-) თავსართი დღეს უმოქმედოა. იგი დაცულია რამდენიმე სიტყვაში, როგორცაა: სესხი, სერტყი, სეფე, *სეშა → შეშა და *სეცხლი → ცეცხლი. სე-ს ფუნქცია იგივეა, რაც სვან. დე-სი, სახელდობრ, გამობატავს დანიშნულებას¹. სე-ს ეს ფუნქცია კარგად უნდა ჩანდეს ცეცხლ სიტყვაში.

ცეცხლი ძველ ქართულშიც ამ სახით იხმარება. მისი ანალიზი და მეგრ.-ქანური შესატყვისები სწორად აქვთ მოცემული ნ. მარსა და ი. ყიფშიძეს. „...სიტყვისაგან ცხელი, სიცხე-სთან ერთად, გვაქვს ცე-ცხლი, ნაცვლად ფორმისა *სეცხლი, სრული რეგრესიული ასიმილაციის ძალით სანისა ცანთან (მეგრ. და-ჩხირი)“, — აღნიშნავს ი. ყიფშიძე². ნ. მარსა კი „...с префиксом г. ცე- (<სე-) || მ., ყ. და- (<ჯა- <შა-), но и с суффиксом г. -ლ (<-ალ) || მ., ყ. -ურ (<-ორ) >-ირ > გრ: გ. ცე-ცხ-ლ-ი *ოიხი*, მ. და-ჩხ-ირ-ი (также и ყ. по х говору) > და-ჩხ-გრ-ი, ყ. და-ჩხ-ურ-ი...“ და მასვე ცხ ძირისაგან ნაწარმოებად მიაჩნია: სი-ცხე, მ-ცხ-ავ-ს, ცხ-ელ-ი, ცხ-არ-ი, ცხუ-ნ-ება³. მაგრამ არ არის გამორკვეული, თუ რა მნიშვნელობის მატარებელი იყო ცხ ძირი. საამისოდ საჭიროა პატარა ექსკურსი ქართველურ ენათა შედარებითი ფონეტიკიდან; სახელდობრ:

1. ქართ. რეც-ვა = მეგრ. რჩ-აფა = სვან. ლი-რშ-ი; ნ. მარსა:

სა-რეც-ელ-ი = „დო-რჩ-ელ-ი = „ლა-რში-თე“ (Ахем., § 5, გვ. 7).

ქართული რეც ძირის ჩვენებით მეგრ.-სვან. რჩ და რშ ძირები შეკუმშულია: ხმოვანია ამოღებული. სვანურ-ხალხურ ლექსებში ადრინდელი რაშ ძირი დაცულია⁵, მეგრულში კი ხმოვანი აღსადგენია.

2. ქ. კაც-ი = მ. კოჩ-ი = სვან. კჭშ (Ахем. § 46, გვ. 51 და Тубалкайнский вклад в св., 1094).

3. ქ. ხუ-ც-ეს-ი = მ. უ-ჩ-აშ-ი = სვან. ხო-შ-ა (ხუ-—-ეს, უ-—-აშ და ხო-—-ა შედარებით-აღმატებითი ხარისხის საწარმოებელი აფიქსებია, როგორც ეს გამოარკვია ა. შანიძემ: „უძველესი ქართული ტექსტების აღმოჩენის გამო“, გვ. 410; შდრ. ნ. მარსის Яф. эл., VII, 351).

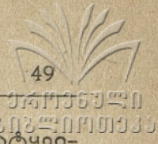
¹ დაწვრილებით ავტორის წერილში: ნე-, ნი-, ნა- პრეფიქსებისათვის: „თბ. საზ. უნივ.-შრომები“, VII, გვ. 83—87.

² ასიმილაციისა და დისიმილაციის წესი ქართ. და მეგრულში: „ტფ. უნივ. მოამბე“, I, გვ. 4—5; Груз. др.-лит. хрестоматия, Птрг., ლექსიკ. ცხ-ე ლი.

³ Яф, X, 341, 342.

⁴ ძირი საერთოა, მაგრამ შესადარებელი ფორმები სხვადასხვაა აღებული: სარეცელი — მყოფადის მიმღობაა, დორჩელი — ნამყის მიმღობა, ხოლო ღარშითე — თანდებულის მიმღობა მყოფადისა.

⁵ ავტორის სვანური ენა, I, გვ. 78.

4. ქ. კვარცხ(ლბერკი) = მ. კუჩხ-ი = სვან. ჭიშხ (მეგრ.-სვან. შესატყვისობები აღნიშნული ჰქონდა ნ. მარს ტურ.-კ. вклад в св., 1094, ხოლო ქართ. ეკვივალენტი დაასახელა ა. შანიძემ).

5. ქ. ცეშ-ა = მ. ჩამ-ა 'ჭმევა' = სვან. ლი-შმ-ე 'საკრავის დაკვრა'.

6. ქ. აღმო-ცენ-ება = მ. ჩან-ათა = სვან. ლი-შნ-ე 'ხილის მოსხმა', ან-შენ-ე 'შოსხმა'.

7. ქ. ვაც-ი = მ. ოჩ-ი = სვან. ლ-ვაშ¹ 'ჯიხვი' (მამალი) და სხ.

აშკარად ჩანს, რომ ქართ. ც = მეგრ. ჩ და სვან. შ. ვიცით, რომ ცე-ცხ-ლ-ი = მეგრ. და-ჩხ-ირ-ი; მაგრამ რა უნდა იყოს სვანურში ამათი ეკვივალენტი? შედარებითი ფონეტიკის ჩვენებით ცეცხლ-დაჩხიკ² 'ის შესატყვისი სვანურში იქნება შხ ძირის შემცველი სიტყვა; ასეთია ლი-შხ-ი ('წვა')³, ლე-შხ-ი ('საწვაი'), რომლის ძირი შიხ ღღესაც ცოცხალია და აღნიშნავს 'ნახშირს'. ამდენად ლი-შხ-ი ← *ლი-შიხ-ი შესაძლებელია ნაწარმოები იყოს შიხ ('ნახშირი') სიტყვისაგან და პირველად აღნიშნავდა 'დანახშირება' → 'წვა'ს.

საფიქრებელია, რომ ამავე შხ³ს შეიცავს სიტყვა ნა-შხ-ირ-ი, ნასესხები მეგრულიდან შხ-ირ-ი³ს სახით, რაც წარმოადგენდა ალბათ ნამყოს მიმღეობას და ნიშნავდა 'მწვარს', და ქართულში დამატებული აქვს მას ნა-თავსართი და მეტათეზისია მომხდარი: ნა + შხ-ირ-ი³ → ნა-ხშ-ირ-ი. ნაშხირ ფორმა ისევ მეგრულშია გადასული და ნაწილობრივ დაქვემდებარებულია მეგრულ ფონეტიკურ წესებს, რის გამოც გვაქვს ნო-შქ-ერ-ი. შხ ძირი უნდა მოგვეპოვებოდეს სიტყვა ში-შხ-ინ³ში (← *სი-შხ-ინ-ი; შდრ. შიშინი, სიციინი → სიცილი... ს. ჯანაშიას ჩვენებით), რაც ნიშნავს 'ქონიანის წვის ხმას', შა-შხ³ში და სხ.

მეგრულ-სვანური ადრინდელი შხ ძირი უცვლელად შემოგვინახა სვანურში, ჩხ³დ იქცა მეგრულში და ცხ ეკვივალენტი მოგვევლინა ქართულში. ამ ძირთა შემცველი სიტყვებია:

ქართულში:	მეგრულში:	სვანურში.
ცე-ცხ-ლი ⁴	და ჩხ-ირი	შიხ 'ნახშირი'
სი-ცხ-ე	სი-ნ-ჩხ-ე	ლი-შხ-ი 'წვა' და
ცხ-ელი	ჩხ-ე	ამისგან ნაწარმოები
ცხ-ელა; ს-ცხ-ავ-ს	ჩხ-ანა 'მზე, жар'	სიტყვები
და-ცხ-ა	გეუ-ჩხ-ანუ	
ცხ-უნება; ცხ-ელება	ჩხ-ურუ 'სიცივე' და სხვ.	
მ-ცხ-ინვარება და სხ.		

ცხ-ობა, ცხ-ვა („ობლის კვერი ცხვა, ცხვა...“) სიტყვებიც ცხ ძირს შეიცავენ და აშკარააჰყოფენ მის პირვანდელ მნიშვნელობას — 'წვა'ს.

¹ ლ'ს შესახებ ცალკე.
² ასეთი შეპირისპირება მოცემული იყო ერთერთ წერილში.
³ აღმოსავლური დიალექტები იცავენ ამ ძველ სახეს.
⁴ ცეცხლი, ნაკვერცხალი, ნახშირი, ცხელი ნ. არნ. ჩიქობავას კან.-მეგრ.-ქართ. შედ. ლექსიკონში.

ამგვარად, სე-ცხ-ლ-ი და და-ჩხ-ირ-ი შეიცავენ სე- და და- დანიშნულების თავსართებს და -ცხ- და -ჩხ- ძირის მიხედვით აღნიშნავენ 'საწვავს', 'წვისათვის დანიშნულს', 'იარაღს, რითაც წვა შეიძლება'.

დასკვნა. 1. ქართ. ც = მეგრ.-ჭან. ჩ = სვან. შ.

2. ამის კვლობაზე ქართ. ცეცხლის, მეგრ.-ჭან. დაჩხირის შესატყვისად სვანურში გვაქვს ლეშხი (←*ლე-შხი-ი), სადაც დანიშნულების პრეფიქსებია: ცე- ← სე-, და- და ლე- და სუფიქსებად გამოიყოფა -ლ-, -ირ და -ი. ცხ, ჩხ ძირები, სვან. შხის შესატყვისი, ქართულსა და მეგრულში შეკუმშული ჩანს.

3. სვანურის მიხედვით ცე-ცხ-ლ-ის, და-ჩხ-ირ-ის პირველადი მნიშვნელობა იყო 'საწვავი'.

4. ცხ, ჩხ ძირების შემცველი ცხ-ელი, ს-ცხ-ავს, ცხ-ობა... ჩხ-ე, ჩხ-ანა... სიტყვებიც ამართლებენ მათ (ძირთა) აღრინდელ მნიშვნელობას — 'წვა'ს.

4-აბა სუფიქსი მართულში

სვანურში მოქმედ სიტყვათსაწარმოებელ ფორმანტთა შორის საკმაოდ გავრცელებულია -აჰქ ბოლოსართი. ის დაერთვის სახელებს და აქცევს მათ ზედსართავად, აძლევს მნიშვნელობას მასალისას; მაგ.:

აეხვ 'ცოლი' : აეხვაჰქ 'საცოლე' (ჩოლურულად)

ღაბ 'ყანა' : ღაბაჰქ 'საყანე'

ჭაშ 'ქმარი' : ჭაშაჰქ 'საქმრო' და სხვა

-აჰქ სუფიქსში ა ორგანული ნაწილი არ არის; ეს მტკიცდება იმით, რომ მას უმლაუტის გამოწვევა არ შეუძლია: ქორ 'სახლი', მაგრამ ქორაჰქ 'სასახლე' (მასალა)... აჰქ არც პირვანდელი სახითაა წარმოდგენილი: ის ნათესაობითში აღიდგენს მოკვეცილ -ა'ს; მაგ.:

სახ. ქორაჰქ 'სასახლე'	ნათ. ქორაჰქაჰქ	'სასახლე (მასალისა)'
ღაბაჰქ 'საყანე'	ღაბაჰქაჰქ	'საყანისა'...

ამგვარადვე უნდა იყოს ნაწარმოები ლოლაჰქ 'ცხვარი', ნათ.-ში იქნება ლოლაჰქაჰქ 'ცხვრისა'¹.

ჩანს, ა ორგანული წევრი სუფიქსისა არაა, -ა მოკვეცილია; მაშ პირვანდელი სახე იქნებოდა -აჰა.

ხსენებული -აჰა დაცული ჩანს ქართ. ჭინჭრაჰაჰა სიტყვაში. იგი ნაწარმოები უნდა იყოს ჭინჭარ სიტყვისაგან -აჰა'ს საშუალებით: *ჭინჭარ-აჰა → ჭინჭრაჰა (აჰა რედუქციას იწვევს) და უნდა ნიშნავდეს 'საჭინჭრეს'. მცენარეთაგან ფრინველების სახელწოდების წარმოება ცნობილია ქართულში: მე-ლეღ-ია, მეგრ. მე-ბულეკ-იე 'მებოლოკია' და სხ.

თუ ეს ასეა, მაშინ ეგების მეგრ. ჭინჭა, ჭან. ჭურჭა ნაწარმოები იყოს ჭურჭედე'საგან ('ჭინჭარი'), თუ არადა ისინი ნასესხები იქნებიან ქართულიდან ბოლო ნაწილის მოკვეცივითა და ნ და რ'ს ჩართვით.

¹ - ა რომ ფუძის ნაწილია, ამის შესახებ ნ. ავტორის წერილი: სახელთა დაბოლოების ისტორიისათვის სვანურში: „ტფ. უნივ. მოამბე“, VI, გვ. 301 და სხ.

საინტერესოა, რომ რუსულშიც ამ ფრინველის სახელი — крапивник წარმოდგარია крапива'საგან ('ჭინჭარი').

დასკვნა. 1. სვანურში სიტყვის საწარმოებელი ფორმანტის -აჟის პირ-ვანდელი სახეა -აქა (-აქა?). იგი დაცულია ქართულშიც.

2. -აქა ბოლოსართით ნაწარმოებია ჭინჭრაქა ჭინჭარ სიტყვისაგან: *ჭინჭარ-აქა → (რედუქციით) ჭინჭრ-აქა¹ და ნიშნავს „საჭინჭრე“ს, „ჭინჭრისათვის დანიშნულს“. ამდენად, ჭინჭრაქა რთული ფუძე არაა².

3. ჭინჭრაქა გვიჩვენებს, რომ ძველი ფორმაა ჭინჭარი. ამდენად სალიტერატურო ენაში უნდა დარჩეს ფორმა ჭინჭარი.

В. Топурия

Заметки по словообразованию в картвельских языках

(Резюме)

Словообразовательными аффиксами в грузинском языке являются -ბ -ი (← * -ბ -en), მ — -არ m- — -ar, ს- se- и -აქა -აკა. Суффикс -ბ -ი использован для образования глаголов действительного залога, მ — -არ m- — -ar — причастий настоящего времени, ს- se- — причастий будущего вр. или имен орудия и -აქა -აკა — имен, выражающих предназначение. Выявив функцию вышеназванных аффиксов, автор статьи дает этимологию грузинских слов ზამთარი za-m-t-ar-i 'зима', ცეცხლი ce-cx-l-i 'огонь' и ჭინჭრაქა činčr-aka 'крапивник' (пташка).

¹ აკად. ნ. მარს ჭინჭრაქა ფონეტიკურ ნიადაგზე მიღებულ სახეცვლილებად მიიჩნდა ძირგაოცეცხელი სომხ. სიტყვისა ჳწაიღ, ჳწაიღი ('ბელურა'), რომელთა თითქოსდა ადრინდელი სერთო ძირი ჳწურ მას დაცული ფორმა აფს. რედუქციტირებულ სიტყვაში -ჭგრჭგრ-ჭიჭიჭი და ამის გამო ჳწაიღ'ს თარგმნიდა 'певунья, чирикающая'დ (К вопр. о пол. афх. яз. среди яф., СПб. 1912, გვ. 28—29). 1915 წ. დაბეჭდილ გამოკვლევაში ეს მოსაზრება უარყოფილია და ჭინჭრაქა მიჩნეულია ჭინჭარ სიტყვისაგან ნაწარმოებ მრჩობლდაბოლოებიან ფორმად მრ. რიცხვისა (ჭინჭ+რა-ქა: Яф. назв. дер. и растений, გვ. 835, 839, 849, 939). 1921 წელს ჳწაიღი სიტყვის შესახებ დაბეჭდილ შენიშვნაში კი ჭინჭრაქა მას კვლავ დაკავშირებული აქვს ჭინჭარ'თან (როგორც крапивник—крапива'სთან) და, ეტყობა, -ქა'ს შესახებ აზრი არ შეუცვლია (ეურნ. ჳწაიღი შაბიჩიკაი, 1921, № 3—4, გვ. 227, მოიპოვება რუსული თარგმანიც). ჩვენი წერილი შეკრული იყო, როდესაც ამ შენიშვნაზე მიგვითითა პროფ. ლ. მელნიქსეთ-ბეგმა, რისთვისაც მას დიდ მადლობას მოვასხენებ.

² არნ. ჩიქობავა, ჭან-მეგრ.-ქართ. შედ. ლექსიკ., გვ. 107.

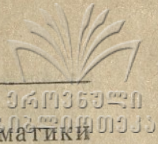
А. Введенский

Подлог и фальсификация исторических документов в Грузии в первой половине XIX в.

I

Очень своеобразно и совершенно необычно складываются дипломатические изучения исторических документов в Грузии в первой половине XIX в. Дипломатическое знание в Грузии рождается не в тиши кабинета ученого историка, не звучит с профессорской кафедры, не слагается в учено-комментаторской работе редактора и издателя исторических актов, а вырабатывается бюрократическим порядком „высочайше утвержденной комиссии для рассмотрения грузинских царских документов“ в 1834 г. И авторами первого трактата по грузинской дипломатике являются не ученые монахи и не ученые историки-профессора, а грузинские князья, пошедшие на русскую чиновную и военную службу царизма, совсем далекие от учености. Эти грузинские князья, пользуясь, впрочем, консультацией сенатора Мечникова и чиновников департамента герольдии Правительствующего Сената, создали по форме акт экспертизы для различения истинных и ложных дипломов, по существу же написали во многих отношениях интересный трактат по дипломатике, где, не зная Мабильона, сами дошли эмпирическим путем, перечитав тысячи исторических документов к формулировкам величайшего дворянско-феодального дипломатиста Мабильона и положили начало грузинской дипломатике как *ars discernendi diplomata vera ac falsa* в духе Мабильоновской школы.

Это необычное начало возникновения грузинской дипломатии, не знающее прецедентов в развитии западно-европейской дипломатии, убедительно показывает и доказывает классовую природу дипломатии, как науки, защищающей на определенном этапе ее развития классовые интересы крепостников-феодалов.

Второй особенностью в возникновении грузинской дипломатики является то, что она рождалась в острой обстановке классовой борьбы грузинского феодала со своим крепостным крестьянством, поднимающимся на вооруженное восстание и против своего, грузинского феодала, и против русского царизма в годы и первые десятилетия присоединения Грузии к России.

Присоединение Грузии к России явилось наименьшим злом для исторического развития Грузии и было итогом сложного и двухстороннего исторического процесса, протекавшего и в Грузии, и в России XVIII в. И. В. Сталин с точностью и глубиной вскрывает этот итог сложного исторического процесса. И. В. Сталин говорит, что „грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно административную сферу, быстро разбиваясь о каприз князей и равнодушие крестьян“¹.

В этой предельно сжатой, но отточенно-точной характеристике дается сущность тысячелетней истории Грузии. Феодално-раздробленная Грузия страдала как от феодальных войн внутри страны, так и от ударов Ирана и Турции, между которыми Грузия исторически была зажата веками.

К XVIII в. складывалась реальная угроза физического уничтожения для большинства трудового населения Грузии от хищных разбойников-феодалов Персии и Турции. В этих условиях присоединение Грузии к России было бесспорно меньшим злом.

Другая сторона исторического процесса, приведшего Грузию и Закавказье к присоединению к России, указана К. Марксом. К. Маркс, анализируя заинтересованность России в овладении Кавказским и Закавказским югом, говорит: „Кавказские горы отделяют южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии, отторгнутых москвитянами от мусульман. Этим ноги гигантской империи отрезаны от туловища. Единственная военная дорога, заслуживающая это название, вьется от Моздока к Тифлису через узкое Дарьяльское ущелье; она защищена, непрерывной цепью укреплений и подвергается с обеих сторон

¹ И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1936 Партиздат стр. 5—6.

беспрестанным нападениям враждебных кавказских племен. Если бы все эти кавказские племена объединились под владычеством единого военного вождя, они могли бы представить серьезную опасность для соседних казачьих областей¹.

Таким образом, Кавказ и Закавказье были, по образному выражению К. Маркса, „ногами гигантской империи“, без которых Россия обойтись не могла. Вот почему царская Россия тянулась к соединению Грузии со своим „туловищем“.

И Грузия, и Россия влеклись друг к другу еще с XVI века. И в XVI, и в XVII вв. совершаются взаимные посылки посольств, внимательно изучавших проблему объединения, но в обстановке XVI—XVII вв. еще не было исторических условий для проведения в жизнь этого объединения. И лишь только ко второй половине XVIII в. складываются все необходимые предпосылки. Грузия нестерпимо тяжело страдала от разбойно-феодалных набегов персов и турок, находилась в бессилии феодальной раздробленности и отразить своих смертельных врагов не могла. Россия, после Екатерининских войн с Турцией, подошла своими захватами черноморских пространств к Кавказу и нуждалась в „ногах“ Кавказского и Закавказского юга. Вот почему именно на вторую половину XVIII в. падают первые попытки и России, и Грузии реально искать путей к объединению.

Екатерининские вельможи, обдумывая предварительные планы присоединения Грузии, отчетливо сознавали, что одного военного насилия для прочного удержания приобретаемой колонии будет недостаточно и для этого русскому правительству необходимо, для обеспечения за собою прочного успеха, привлечение на свою сторону местного феодально-помещичьего класса Грузии, державшего в своих руках эксплуатацию всего грузинского крестьянства.

В числе мероприятий по обеспечению русского владычества в Грузии гр. А. А. Безбородко, в частном письме к светлейшему князю Г. А. Потемкину в 1782 г., указывает, что для „союза России с Грузией не худо бы... чтобы более сей народ привязать к России, то весьма полезно иерархию их привязать к нашему Синоду, а знатнейшим фамилиям дать право Российского дворянства, архиепископа-же католикоса... поставить степенем в Российской церкви между первыми“.

Это—первые контуры плана, позднее полностью осуществленного. Политический смысл колониальной стратегии совершенно ясен: путем коррупции и подкупа разложить и разбить единство

¹ Маркс и Энгельс, сочинения т. IX, стр. 533.

церковной и феодальной среды Грузии. На практике этот план проведен был много шире: дарованием всяческих льгот подкуплена была не только верхушка грузинской церковной иерархии и феодального княжья, но „к знатнейшим фамилиям“ был отнесен и весь многочисленный, мелкопоместный класс грузинских джантри-азнауры.

Разумеется, екатерининское правительство отлично понимало, что основным условием присоединения является занятие Грузии русскими войсками. Граф А. А. Безбородко, управлявший иностранными делами, в своем письме к кн. Потемкину далее сообщает: „Можно инородовать навсегда два батальона пехоты с четверьмя пушками, се тем паче будет полезно, что горские дикие народы с обеих сторон гор приперты будут и коммуникация с Грузиями обеспечится. Помянутые батальоны сменять погодно. Что же касается до военного времени, тогда отряд войск числом своим будет зависеть от обстоятельств“¹.

Все эти прелиминарные соображения вельмож по колониальной политике очень скоро явились уже „высочайше указанными основаниями для заключения русско-грузинского договора“. Этот метод основания колонии через военную интервенцию и привлечение на русскую сторону правящего, верхушечного класса завоеваемых националов не был оригинальным методом Екатерининского правительства: этим методом широко пользовалась еще и московская Русь при своих завоеваниях Казанского, Сибирского и других царств.

Этот политический маневр русского правительства в целом надо считать удавшимся. Если среди феодально-помещичьей среды эта русская политика и вызвала внутриклассовую дифференциацию, то все группировки грузинского дворянства клюнули на закинутую приманку в виде обещания „дарования льгот знатнейшим“. Внутри грузинского дворянства дифференциация не была резкой; в самом деле, образовалось три партии: первая стояла за безусловное соблюдение договора 1783 г. и признавала лишь протекторат России, вторая шла на большие уступки и во внутренних делах Грузии, но требовала сохранения туземного правительства, третья же партия, сначала не особенно значительная, ничего не имела против утверждения русского владычества в стране, так как этой партии казалось, что Россия обеспечит Грузии политическую безопасность, мир и беспрепятственное развитие грузинской культуры.

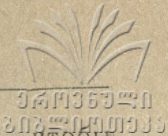
¹ А. А. Цагарели, Грамоты и другие исторические документы, относящиеся до Грузии, Спб. 1903, том II, вып. 2, стр. 30—31.

Следует, впрочем, указать, что бесцеремонно-грубая и люжая колонизаторская политика русского правительства не раз вызывала колебания в выступлениях грузинского дворянства, сближая разногласия его группировок, а иногда и вынуждая наступать солидарно в помещичьем восстании против оформляющегося русского владычества (в тех случаях, когда русское чиновничество Закавказской колонии нарушало дворянскую монопольную эксплуатацию глехи [glechi] грузинского крестьянства), выступая солидарно против оформляющегося русского владычества.

12 сентября 1801 г. было введено „верховное грузинское правительство“ с четырьмя „экспедициями“, где грузины были оттеснены на второстепенные роли и всюду стали главенствовать русские чиновники, не знавшие грузинского языка. Руками этого чиновничества и производилась руссификация: все грузинские государственные учреждения были закрыты, грузинский язык в официальных учреждениях был запрещен и заменен русским, в русских учебных заведениях, которые стали открываться, педагоги не стесняясь издевались над всем грузинским и позволяли пользоваться „поговорами и обидными выражениями для новоприобретенной земли“. На грузинское крестьянство, стоившее под свирепой крепостнической эксплуатацией своего туземного князя и дворянства, обрушились еще дополнительные тяготы в виде „двойных налогов“ непосильной подводной повинности и пр. Как тяжела была подводная повинность, указывает то обстоятельство, что вместо „нормальных“ 8000 арб, нужных для передвижения русских войск в год по расчету гр. Паскевича в военное время, правящее русское чиновничество заставляло маленькую Грузию доставлять „ежегодно, даже в мирное время, до 112.000 суточных подвод, запряженных волами и до 100.000 вьючных лошадей с погонщиками“.

Колониальная политика царизма и усиление феодально-крепостнической эксплуатации вызвали отпор со стороны крестьянских масс. Крестьянство одновременно боролось и против царизма, и против своих крепостников.- угнетателей— грузинских князей и дворян.

Уже в первые годы русского владычества, в 1804 г. горцы-грузины поднялись против русского правительства, заявляя, что их довело до крайности русское владычество, что они безмерно отягчены поборами и требованиями натуральных повинностей и потому решили не пропускать больше ни одного русского в Грузию. В 1809 г. крестьяне Ксанского ущелья восстали против князей Эристовых, своих помещиков, указывая на то, что „всякий делает им притеснения и отнимает последнее имущество, они доведены до

того, что лишаются пропитания". Восставшие требовали, чтобы „князья Эристовы не имели над ними полной власти и не делали доселе невиданных притеснений и кровопролития". Кахетинское крестьянство, восставшее в 1811 г. против своих помещиков, заявляло: „Мы дошли до такой крайности, что даже в то время, когда нами владели персияне, турки и лезгины, подобного угнетения Грузия не претерпевала“¹.

Совсем другой характер носят помещичьи выступления. Отдельные группы тавадов и азнауров, подымаясь против царизма, пытались восстановить свое монопольное право эксплуатации крестьянства, возродить феодальную расщепленность Грузии.

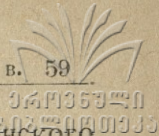
Товарищ Сталин, характеризуя дворянский национализм, пишет: „Существовал, например, у нас так называемый дворянский „национальный вопрос“, когда—после «присоединения Грузии к России» — грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которые оно имело при грузинских царях, и, считая „простое подданство“ умалением своего достоинства, пожелало „Освобождения Грузии“. Этим оно хотело поставить во главе „Грузии“ грузинских царей и дворянство и передать им, таким образом, судьбу грузинского народа! Это был феодально-монархический „национализм“. Это „движение“ не оставило никакого заметного следа в жизни грузин, не стяжало себе славы ни одним фактом, если не иметь в виду отдельные заговоры грузинских дворян против русских правителей на Кавказе“².

При первых же неудачах помещичье-реакционное движение в корне изменило свой характер. Грузинские феодалы—князья и помещики, убедившись, что русское владычество закрепляет за ними их крепостнические права над крестьянством, быстро становятся предателями национально-освободительной борьбы и толпами, с большой поспешностью стараются превратиться из грузинских в русских дворян Закавказской провинции.

Положение князей и азнауров-дворян на протяжении столетий определялось более наличием владения землей и крестьянами, устной традицией, чем наличием документов на дворянское звание. Русское же правительство категорически требовало документальных обоснований в принадлежности к „знатнейшим“. За частым отсутствием подлинных документов, грузинское дворянство стало предъявлять фальшивые документы. Дворяне стали стучаться в

¹ Акты Кавказской археографической комиссии, т. V, стр. 97.

² „Большевик“, №№ 23—24, 1939 г.

двери канцелярий с просьбами о закреплении за ними дворянского звания и, за отсутствием подлинных документов, приносили фальшивые. Наплыв поддельных документов был столь значителен, что русское правительство организовало особую комиссию „для дачи отзывов о внутреннем и наружном достоинстве подлежащих рассмотрению комиссии документов“. В Тифлисе эти обязанности в 1832 г. возложены были на сформированное (1818 г.) депутатское дворянское собрание. Работы обоих следственных органов были объединены в новой „Комиссии по рассмотрению грузинских царских грамот“, начавшей заседать 8 января 1833 г.¹

Первым по времени учреждением, занявшимся вопросом о подлинности дворянских документов, было дворянское депутатское собрание. Еще в начале XIX в. один из первых главноуправляющих Закавказья генерал Ртищев, озабоченный проведением в жизнь плана екатерининских вельмож о сращивании с русским правительством верхушки феодально-помещичьей Грузии, предложил организацию депутатского собрания, „которое должны составлять грузинские князья. Но в те годы княжеско-дворянская среда была еще насторожена, не представляя вполне ясно, что принесет с собой русское владычество и один из его органов—депутатское собрание. Поэтому эта среда, отговариваясь незнанием русского языка „форм и законов российских“, проваливала выборы. „Начаты были выборы депутатов и таковые переходили от одного к другому, ибо никто не хотел принять на себя сей обязанности“. Но очень скоро фронт молчаливого бойкота был прорван: убедившись, что русское правительство полностью поддерживает крепостнические отношения в Закавказье и депутатское собрание является одной из новых форм защиты прав „знатнейших“, сначала князь Кобезлов и князь Андроников, а за ними и все дворяне, намеченные в депутаты, из одного соревнования их к воле правительства согласились принять на себя звание „депутатов“. Но в первое трехлетие дела депутатского собрания шли негладко. Незнание русского языка и русских законов, наряду с запутанностью форм делопроизводства, превратило грузинских князей-депутатов в пассивные фигуры, всеми делами ведали взяточники-секретари. Депутат князь Андроников указывал позже, что „для правильного делопроизводства назначен был секретарь,

¹ Централхив Грузии, фонд Комиссии по рассмотрению грузинских царских грамот“, № 260, 1834 г., № 5, лл. 3, 18 об.

Далее цитирую только № дела и страницы. См. также Линден, Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис. 1917 г. В ленинградских и в киевских библиотеках этой книги нет.

но имея голос как первейший член, ибо депутаты производства дворянских дел совсем тогда не знали“. Взяточник-секретарь Г. К. Семенов, в 1818—1822 гг. вертевший всеми делами, визировал фальшивые документы. Хотя „возникли разные беспорядки“, вскрылись фальсифицированные документы по делу Марсевых, кн. Церетели и др., мошенник секретарь отделался лишь устранением от должности и высылкой в Россию¹.

Такова была судьба и других секретарей, сменявших один другого на посту „первейшего члена“ депутатского собрания.

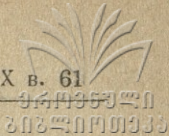
Характерно дело кн. Церетели (1818 г.), возникшее еще в Имеретии, обсуждавшееся депутатским собранием и закончившееся уголовным судом в Тифлисе.

Молодой кн. Ив. Церетели, лишенный своими родственниками „принадлежащего ему имени“, не надеясь по силе законов доказать прав своих на оное, заказал дворянину Дав. Зубову фальшивые печати последнего имеретинского царя Соломона. Архимандрит Захарий консультировал эту работу, а протоиерей Осе Габаев написал „фальшивый от имени царя приказ“—грамоту, к которой и были подвешены сфабрикованные Зубовым печати. Дело кончилось для кн. Церетели и Зубова „написанием в военную службу рядовыми впредь пока ревностною и беспорочною службою обратят на себя внимание начальства, без лишения первого—княжеского, а второго—дворянского званий. Архимандрит Захарий и протоиерей Габаев посланы были на покаяние в Российский дальний монастырь, дабы, заслужив чистосердечным раскаянием прощение в вине своей и утвердись в благочинном житии, могли впоследствии времени подавать вверенным управлению их полезные наставления“².

Но лишь в редких случаях депутатское собрание вскрывало подделку документов; обычно дело сводилось к регистрации поступавших документов. Так, например, Миримановы сфабриковали свою родословную в 1817 г., где выводили себя от фамилии Меликовых, и для доказательства представили фальшивую грамоту от 3 марта 1666 г. „о пожаловании сыну Малика Миримана Ейнале Беку“ деревень и другую (и тоже фальшивую) грамоту от 9 апр. 1723 г. на имя предков Миримановых. Все эти фальшивые грамоты, равно как и родословную Миримановых, депутатское собрание приняло за действительные документы и утвердило их в княжеском достоинстве. Только, когда дело дошло до утверждения Сената, там были вскрыты подделки: грамота 1723 г. имела подпись царя Вах-

¹ Центрархив Грузии, дело № 935, 1837 г. л. 1, л. 484 и сл.

² Ibidem, д. № 1 т. III по Имеретии 1832—1833, л. 8.

танга, тогда как „Карталиния“ в 1722 г. отдана была персидским шахом Кахетинскому царевичу Константину и царь Вахтанг в 1724 г. переселился навсегда в Россию, где и умер. Сенат не только не утвердил новоявленных князей Миримановых, но и „все прочие документы Давида Мириманова велено уничтожить, воспретив ему и братьям его всякое искательство княжеского достоинства, на которое он не имеет никакого права“.

Ввиду того, что основная масса фальшивых документов шла из Западной Грузии, а депутатское собрание в течение трех-четырех трехлетий регистрировало все документы, не умея разбираться в их подлинности, указом Сената от 17 авг. 1831 г. за № 7665 назначена была „Комиссия по розысканию фальшивых документов в Имеретии“ с пребыванием в городе Кутаисе. Следственная комиссия кроме русских чиновников имела „советников из Имеретии“. Сначала оказалось затруднительным выбрать в эту комиссию „грузинских советников“ по причине родства между собой всех почти княжеских и дворянских фамилий в Имеретии, а равно и с лицами, в списке Комиссии поименованными, „как изготовители фальшивых документов“¹.

В конце концов с этим фактом поголовного родства „грузинских советников“ пришлось примириться. Комиссия обратилась за материалами в Имеретинское временное правление, составленное из грузинских князей, которое, однако, дало скудные сведения „по вопросу о пожаловании бывшими имеретинскими царями княжеских и дворянских достоинств и прав на владения именьями“. Правление, оказывается, имело только камеральное описание, „учиненное в Имеретии в 1821 г. при Российском правительстве“. Здесь значились звания всех жителей, но источник был не документальный. Окружные начальники, проводившие описание „из словесного объяснения самих жителей, сельских начальников — моуравов² и нацвалов³, разбора до дворянского и княжеского достоинства в Имеретии до сего времени не было“. При разборе тяжёбных дел правлению хотя и постоянно представлялись всякого рода грамоты, „но из оных в редкой означено было звание тавады (что в переводе на русский язык пишется князь), или азнаур царский, церковный и помещичий, по переводу называемый дворянином, но грамоты и документы, по миновании надобности, розданы по принадлежности. По сим причинам и неизвестно правлению, кто был по-

¹ Центрархив Грузии д. № 260, 1834 г., л. 153.

² Княжеских управляющих.

³ Княжеских деревенских судей.

жалован дворянским достоинством при царях и кто чем при них владел“. Более ценные сведения дали „временного правления тавады Чхеидзев и Абашидзев“: они сообщили, что „1) Имеретинским царем Соломоном II ни до присоединения Имеретии достоинства княжеского или дворянского никому жалуемо не было, а все те, кои при царствовании его в таковой степени считались, издревле пользовались сим званием, 2) Имеретинские тавады, азнауры как в то время царя Соломона последнего, так и при присоединении Имеретии к Российской империи владели теми крестьянами и имениями, какими и ныне владеют они кроме купленных и проданных“¹.

Приставленный к комиссии инструктором и консультантом сенатор Мечников поставил „грузинским советникам“ ряд вопросов, которые заставляли князей из Имеретии составить дипломатическое руководство. Ввиду того, что такое дипломатическое руководство и было создано несколько позднее „Тифлисской комиссией“, не безынтересно привести эти вопросы.

„Предположения“ сенатора Мечникова так были сформулированы русскими чиновниками комиссии. Грузинские советники из Имеретии должны были отвечать на следующие вопросы:

„1) На такой ли бумаге написана грамота, какая употреблялась в Имеретии, смотря по времени состояния оной.

2) Такими ли чернилами написана.

3) На тех ли местах, где следовало, приложена печать царя или шифр его, или же печати и шифра царя, царицы и царевичей и сходны ли оные с подлинными их печатями или шифрами.

4) Так ли составлен и написан царский титул.

5) Таким ли слогом написана грамота, какой употреблялся во время пожалования оной.

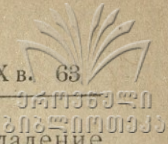
6) Такие ли выражения значатся в начале или приступа и в заключении.

7) Соблюдены ли те предосторожности, какие были принимаемы для избежания подлога, особенно в грамотах, склеенных из нескольких листов“.

Далее чиновники, применяясь к предположениям сенатора Мечникова, „присовокупили следующее“:

„а) особа, коей принадлежит подлежащая рассмотрению грамота, имеет ли право пользоваться княжеским или дворянским достоинством и когда приобрела сие право, т. е. до вступления ли последнего Имеретинского царя Соломона в вечное подданство России в 1804 г. или после оного;

¹ Центрархив Грузии, д. № 929, 1837., л. л. 452—453.

б) если подлежащая рассмотрению грамота дана на владение имением, то объясненное в оной имение было ли до 1804 г. в действительном владении того, кем представлен документ на оное или же лица, коего он может почесться законным наследником.

Если же таковое имение до 1804 г. не состояло во владении последнего владельца, то приобретено ли оное до 1810 г., т. е. до побега последнего царя Соломона, или же после сего времени.

К сему не излишним почитается присовокупить еще один вопрос о том: сходны ли почерки писавших и подписавших царские грамоты Мдиванбегов или других особ при царях бывших, если таковые почерки могут быть кому либо известны. Лица, в родстве вражде или дружбе состоящие от рассмотрения документов уstraняются¹.

Эти „предложения“ интересны тем, что, можно думать, ими переносятся в Грузию опыт и практика департамента герольдии Правительствующего Сената. В течение многих десятилетий Сенат накопил в резолютивных частях своих заключений о подложных документах много интересного и яркого материала. К сожалению, исторической наукой как этот опыт Сената, так и работа ряда правительственных комиссий, в разное время работавших по выявлению фальшивых исторических документов, остаются неизученными.

Вопросы заканчивались обращением к „грузинским советникам“, чтобы они „не стеснялись вышеизложенными вопросами, объявили все известные им обстоятельства, могущие служить к открытию истины как в отношении достоинства документов, так и в отношении лиц, от коих документы представлены“. И далее от лица комиссии выражалась надежда, „что они, имея в виду одну общую пользу—благо своего отечества и сохранение ненарушимости прав каждого, будут поступать в деле столь важном со всею откровенностью и беспристрастием и тем самым не только оправдают выбор, коего они удостоены и от своих соотечественников и от начальства, но и будут способствовать в правильном и беззаметном выполнении высочайше возложенного на него поручения, заключающего в себе участь целого края“.

Все вопросы, сформулированные чиновниками комиссии по указанию сенатора Мечникова, имеют общий характер и ни в какой мере не охватывают специфики грузинских исторических документов. Это и понятно: ни чиновники комиссии, ни сам сенатор Мечников, не зная грузинского языка, истории, быта колонизируемой

¹ Центрархив Грузии. д. № 262, 1832 г., л. 157 и сл.

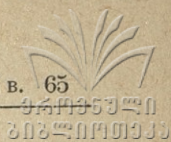
страны, были совершенно беспомощны в деле исследования старинных грамот грузинского княжья и дворянства. Но русское правительство правильно учло возможность ценного для него сотрудничества верхушки грузинской феодально-помещичьей среды, которой нужно было лишь руководить. А для руководства русским чиновникам казалась достаточной самая общая постановка „вопросов“, в рамках которых „грузинские советники“ сами произведут отбор своих „знатнейших“, недостаток же исторической образованности, по их мнению, полностью компенсируется их классовым чутьем, которое не пропустит в среду грузинского дворянства, перелицовывающегося в дворянство империи Российской, лиц, чуждых и посторонних для этой среды.

„Грузинские советники из Имеретии“ не обманули ожиданий русского правительства: они добросовестно стали помогать русским чиновникам проводить чистку и проверку грузинского дворянства. В этой работе советников, в их полной готовности итти на срашивание с правящей средой колонизаторов еще раз можно видеть пример предательства своей страны.

Кутаисская следственная комиссия, опираясь на консультацию грузинских советников и представителей русской власти, начала развешивать розыскную работу, протекавшую с значительным практическим успехом.

Были нащупаны и вскрыты очаги и гнезда, где фабриковались фальшивые исторические документы. По большей части, если не исключительно, такими фабрикантами фальшивок были грузинские священники и монахи. Так, по доносу капитана Соколова были уличены в изготовлении фальшивок священник Ишхненелов, Симон Панчулидзе и иеромонах Серапион Лагадзе, которые изготовили фальшивые царские печати и составили подложные документы о „завладении полковником кн. С. Цулукидзе, Кутаисского округа, казенным селением Терджола, по грамоте 1799 г. царя Соломона, о завладении митрополитом Давыдом, Рачинского округа, селением Мравалзали по грамоте, данной после прекращения власти царя Соломона, две грамоты о завладении князьями Церетели Царквальской волостью и 14 селениями осетин Кударского ущелья“. Комиссия квалифицировала эти две грамоты „подозрительными“, так как здесь „сделаны подчистки и приписка, наводящая на сомнение“. Наконец, этой коллегией священников и иеромонахом сделана была грамота „о завладении подполковником князем Гр. Церетелевым евреями Тетрушвилевыми по грамоте царицы Марии, составленной в то время, когда царицу взяли в Россию“¹.

¹ Централхив Грузии. 1832 г., д. № 1/1. лл. 18 об. 19, 21 об.

Кроме солидно организованных центров фальсификации исторических документов — отдельных церквей и монастырей — комиссия вскрыла довольно значительную массу „кустарей - одиночек“ по изготовлению подложных грамот. Это социально пестрая среда, в которой преобладают мелкопоместные дворяне-азнауры, встречаются также и отдельные кулаки-крестьяне и священники. Так, например, комиссия легко разоблачала грубо-примитивно изготовленные фальшивки Тома Бояндурова по завладению „казенной с лесом земли и по присвоению дворянского достоинства“ по грамоте царя Соломона. Эта грамота оказалась написанной довольно наивно неизменным почерком самого Тома Бояндурова, который к этой, топорно сделанной, фальшивке приложил печать, фигурирующую в документах после прекращения власти последнего царя в Имеретии¹. Такой же наивной оказалась подделка азнаура Георгия Ясева сына Чхейдзева, который изготовил грамоту от 8 августа 1790 г. на бумаге, которая „вышла из фабрики в 1800 г., а составлена в 1790 г., т. е. прежде выхода из фабрики бумаги и печать приложена последняя царя Соломона II“².

Такую же ошибку допустил и азнаур Бениамин Робакидзе, имевший грамоту, якобы пожалованную ему царем Давидом в 1786 г., без обозначения месяца „на движимое имение, которое подлежит сомнению потому, что бумага, на коей писан документ, вышла из фабрики в 1793 г., а грамота написана в 1786 г., т. е. прежде делания бумаги“³.

Такого же типа был документ азнаура Григ. Мачаварианова — „жалованная грамота царя Соломона 1792 г. без месяца“ и т. п. Часты были промахи в изготовлении печатей, выдававших подделки. Так, азнаур С. Кобахидзе имел пожалованную ему царем Соломоном последним грамоту 1801 г. от 15 дек. „об уничтожении с него податей, печать приложена поздняя, существовавшая в последнее время его царствования“⁴.

От священника Сим. Буцхрикидзе была отобрана грамота от 22 ноября 1787 г. на недвижимое имение, в которой „печать имеет разность в литерах с подлинною печатью царя Давыда“⁵.

Кроме отбирания отдельных подложных документов по доносу властей, „бывшая в Кутаисе комиссия для открытия фальши-

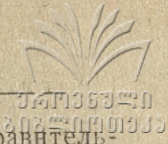
¹ Ив., л. 37. 65 об.

² Ив., л. 69.

³ Ив., л. л. 69—69 об.

⁴ Ив., л. 65 об.

⁵ Ив., л. 69 об.

вых царских печатей просила Имеретинское временное правительство доставить в оную сомнительные документы, буде таковые в правлении имеются, для учинения по оным надлежащего распоряжения". „Временное правительство“ представило комиссии ряд такого рода документов, причем комиссия отобрала 15 документов: „Грамоты сии, по рассмотрению, оказались с фальшивыми царскими печатями и подлежащими сомнению“. Это были: грамота „церковного дворянина“ Бакинского округа, Давыда Деасамидзева, данная ему от митрополита Досифея 15 мая 1802 г. „на пять дымов крестьян селения Парцханаканев“; грамота „его же Деасамидзева, данная тем же митрополитом 8 мая 1807 г. об уничтожении податей с крестьян ему пожалованных“; грамота „казенного дворянина Ростоста Месхи, Бакинского округа, данная последним царем Соломоном отцу его Ростому Месхи 12 февр. 1800 г. на крестьян и имение; грамота „уже умершего“ жителя города Кутаиса Батонягана Мурванова, данная ему митрополитом Досифеем 16 июля 1800 г. на крестьян и недвижимое имущество; грамота жителя Кутаиса Иосифа Датлева, данная царем Соломоном последним вдове и сироте Нония Леки 10 янв. 1808 г.; грамота умершего поручика Давида Георгия Иесева сына Мхеидзева, данная азнауром Георгием Чхеидзевым отцу Георгия Иесу и деду его Ростому Чхеидзевым 8 авг. 1790 г. на недвижимое имение; грамота азнаура Кутаисского округа Бежана Робакидзева, данная ему царем Давыдом в 1786 г. на недвижимое имущество; грамота азнаура Кутаисского округа Симона Кобахидзева от царя Соломона 15 дек. 1801 г. на уничтожение податей; грамота священника Симона Бухцрикидзева от царя Соломона на имение; грамота тавады Вахушты Абацидзева от царя Соломона жителю Иокиру Дионосу Кобахидзеву 8 окт. 1799 г. на недвижимое имущество; грамота священника Симона Шавгулидзева от царя Соломона I без года и числа на хелосанство (ремесло); грамота „княжеского дворянина“ Кутаисского округа Георгия Мачавариани от царя Соломона последнего азнауру Киколу Мачаварианову и „казенному азнауру“ Аслану Ясеенту 1782 г.; грамоты тавады Симона Леванова сына Гогоберидзева, данная последним царем Соломоном азнауру Кутаисского округа“, уже умершему Гогису Шихнему 30 ноября 1791 г. на имение“¹.

Кроме борьбы с фальшивым историческим документом, Кутаисская следственная комиссия вела борьбу и с подлинными, не внушавшими никаких подозрений, документами в тех случаях, когда последние находились в каком-либо противоречии с руссификатор-

¹ Центрархив Грузии, д. № 220. 1834 г. июля 4.

ской колониальной политикой правительства. Так, например, высочайшим рескриптом от 9 июля 1807 г. на имя главноуправляющего в Грузии графа Гудовича „Повелено. Грамоты, данные на освобождение от податей, яко относящиеся единственно к бывшему тогда образцу правления и несовместные с настоящею уравнительностью и порядком отправления общественных нужд, оставить без действия и не принимать в уважение“¹.

Работа Кутаисской следственной комиссии заняла около полутора лет с 17 авг. 1831 г. до 8 янв. 1833 г. с какого срока начала свою работу новая, Тифлисская комиссия. За этот срок комиссия в г. Кутаисе провела большую работу, характеризующуюся горой исписанных бумаг: одних протоколов после себя комиссия эта оставила 103 на 2088 листах.

II

За время работы Кутаисской следственной комиссии по открытию фальшивых актов стали во множестве вскрываться фальшивые дворянские и церковные документы и в Восточной Грузии, почему русским правительством решено было создать единую для всей Грузии новую в Тифлисе „Комиссию высочайше утвержденную, для рассмотрения грузинских царских документов“².

Комиссия была сформирована из грузинских советников „избранными от дворянства и духовенства особами“ при русском секретаре. От дворянства вошла титулованная знать Грузии, прочно связавшая свои судьбы с русским правительством и бывшая вся на военной или гражданской службе у русских. Членами комиссии и грузинскими советниками были капитан кн. Тарханов, штабс-капитан кн. Абхазов, штабс-капитан кн. Сумбатов, губернский секретарь кн. Баратов, подпоручик кн. Орбелианов. Новая комиссия, кроме отзывов и экспертизы грузинских советников, должна была также „отбирать допросы от подсудимых, обнаруженных уже в составлении документов по всем вообще актам ныне в комиссии рассматривающимся“. Главноуправляющий Кавказским краем самолично наблюдал „за действием“ комиссии и, в частности, в начале ее работ запрашивал объяснения, почему общее собрание комиссии не могло составить правил, нужных комиссии для руководства. Правил комиссия действительно никаких долгое время составить не могла; так, еще 12 февр. 1834 г. в ответ на неоднократные запросы

¹ Ив., № 218, 1834 г., 1, л. 2.

² Ив., № 5, 1833 г. л. 2.

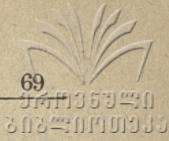

комиссия доносила главноуправляющему, что она „не могла соблюдать правил на счет отличия подлинных документов от сомнительных потому, что собрание, рассматривая документы, особых на то правил и у себя не имеет и таковых иметь не может, ибо сие зависит более от внимательного рассмотрения дела, по коему представлены документы, а равно от точной ясности и сведения, что те документы быв сколько нибудь приведены в известность, имели свое действие“¹.

Однако, категорическое утверждение, что комиссия „правил у себя не имеет и иметь таковых не может“, было очень скоро опровергнуто той же самой комиссией. 12 февраля 1835 г. комиссия утверждала, что правил „иметь не может“, а 12 августа этого же года правила были заслушаны и утверждены общим собранием и доложены главноуправляющему. Авторами правил явились грузинские советники князя Тарханов, Абхазов, Сумбатов, Баратов и Орбелианов. Эти авторы внимательно рассмотрели вопросы, составленные еще Кутаисской следственной комиссией на основе предложений сенатора Мечникова, учли практику работ Кутаисской комиссии и систематизировали свой личный опыт. Отзыв, составленный ими в результате работы, является настолько выдающимся памятником не только грузинской, но и русской дипломатики, что заслуживает приведения его целиком.

„1. В жалованных царями грамотах после титула царя и царицы означались имена сыновей их, и на конце грамоты изображались шифры имен царей и царицы или прикладывались их печати, при том же подписывали или прикладывали печати упомянутые в тех грамотах царевичи. Однако же, нередко случалось, что царица и все те царевичи не подписывали, или не прикладывали печатей своих к тем грамотам по случаю ненахождения их там при пожаловании грамоты, хотя бы и не были грамоты за их подписом или печатьми, то и тогда они, подписанные или приложенные печатью только царем, не теряли своего достоинства и оставались в своей полной силе, хотя же в царской грамоте и не были бы поименно означены царевичи, то и тогда, по просьбе хозяина грамоты прикладывали к оной грамоте печати свои, или подписывали свои имена. И хотя царь на пожалованных грамотах всегда подписывал свое имя или прикладывал к оным печать для утверждения той грамоты, нередко употреблялись оба вместе, т. е. и подпись и приложение печати и по воле царя. Здесь можно сказать и то, что пре-

¹ Централархив Грузии. д. № 232, 1834 г., июля 18; д. № 226, 1834 г., июля 11.

жде 18 столетия более была часто употребляема подпись, а редко приложение и печати вместе.

2. Кроме царских грамот есть бараты, приказы и подписи или резолюции царские на прошения частных лиц или вообще Грузинских народов, на которых употребляемы были царями изображение шифра имени или приложение печати тем же порядком как и на грамотах. Однако, в новейшие времена иногда прикладывали к приказам и баратам присвоенные к сим документам печати.

3. Титул Грузинских царей, происходящих из линии Багратионов, употребляем был в древние времена в пожалованных грамотах так: „Мы царь царей богом милостию помазанно-венчанный, самодержавный государь Иассиан, Давыдиан, Моломониан, Панкратован (такой то) имя“. А в новейшие времена писали так: „Божиею милостию мы Иассиан, Давыдиан, Соломониан, Панкратован, царь Карталинии, Кахетии и всея Грузии (такой то) имя“, а другие присовокупляли в титулах своих сверх Грузии и другие владения. А кратко писалось так: „Мы царь“ или „царь царей“, на приказах же и на прошениях подписывали так: „Наше повеление есть“.

4. Некоторые грузинские цари, последовавшие только принужденно магометанской религии, употребляли почти тот же самый титул, какой грузинские, истинно православные, цари. Однако, присовокупляли к оному иные сыновное воспитание свое персидским государям, а им же возведение свое на царское достоинство, другие называли себя прахом подножия его, а некоторые означали занимаемые ими разные должности у персидского двора, из чего видна зависимость их от персидских государей.

5. Призывание грузинскими царями в пожалованных грамотах на помощь и в свидетели святой троицы, небесных сил и всех святых, празднуемых православною нашею церковью, равно и в заключение таковых грамот и присовокупление проклятия на тех будущих владетелей или частных людей, кои бы нарушили или уничтожили те грамоты было в употреблении более в древние времена, а в новейшие — редко.

6. Некоторые грузинские цари, кои так как страхом и принуждением следовали магометанской религии и то только наружным видом, а внутренне тайно исповедали христианскую веру, то по сему и употребляли в грамотах подобных же названий святых и делали заклатья по образцу, взятому из священного писания на тех, кто нарушит грамоты их, как доказывают они многие различные ими пожертвования грузинским православным церквам. В особенности же призывали они имена святых потому, что Грузия содер-

жала христианское вероисповедание и чтобы оно не было уничтожено следующими царями.

7. В царских грамотах редко означались достоинства той особы, кому грамота жалована была, т. е. княжество, дворянство или мокалакство (гражданство), а только писались более имя, фамилия и должность, каковую буде занимала та особа, которой жаловалась грамота. Сверх того в Грузии и по сие время существует обыкновение, что в роде употребляются разные названия по чинам и достоинствам, например: Сардлисьшвили, Мдиван-Бегисьшвили,—князь Орбелианов (он же прозывается и Джанбакурианом) по утвержденному трактату 1783 года, Моурависьшвили—князь Андроников, Мейтрисьшвили—князь Сумбатов, Мордлисьшвили—князь Гургенидзе (который получил офицерский чин, прозванием Мордлисьшвили) и т. д.

8. В царских баратах, приказах или резолюциях на прошении частных лиц также редко означалось звание той особы, кому принадлежали те царские бараты, приказы или резолюции.

9. При дворе грузинских царей были особенные чиновники для писания жалованных грамот. Чиновники сии назывались мдиванами, они подписывали всегда на самих грамотах, что оные ими писаны. Но и сие часто случалось, что они не подписывали своих имен. При том же иногда случалось и то, что при царском дворе кроме мдиванов, писали грамоты и частные люди, или по приказанию самого царя, или по просьбе самого того лица, кому жаловали грамоту и таковые писатели подписывали на оных свои имена в том, что оные ими писаны. А бывало и то, что сии частные лица не подписывали имен своих.

10. Царские грамоты писались в древние времена как на пергаменте (sic!) так и на бумаге, а в новейшие времена, хотя писались на пергаменте (sic!), но нередко для писания грамот употреблялись в самой Грузии изобретенные из ясенных листьев составленные чернила или тушь и из чернильных орешков. Красною краскою (называется сигнури) по местам писались в древние времена в некоторых документах, а в грамотах, если где имеются некоторые слова, писанные красною краскою, то и тогда слова сии должны быть изображающие священные слова, или имена святых или царей, где что случалось при составлении грамоты, т. е. в начале строки или среднем месте, а в некоторых грамотах более должна быть в самом начале поставлена надстрочная буква кани церковная или гражданская с некоторыми фигурами.

11. Подача грамот ко вновь возшедшим на престол царям для утверждения оных зависела от воли самого хозяина грамоты, ибо подписанная грамота одним только жалующим царем признавалась

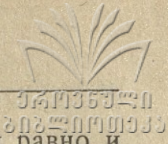
по обычаю за действительную и без подписи и без печати после дующих царей; если кто пожелал представить грамоту свою вновь возшедшему на престол царю, для утверждения подписом или для приложения его печати, тогда царь по собственной воле своей утверждал оную подписом своим или приложением печати к той грамоте, также зависело от хозяина грамоты, если он того пожелал, ибо одна только подпись царя или приложение печати было достаточно.

12. В древние времена всегда во всяких грамотах и прочих документах писались грузинские летоисчисления, а в новейшие времена употреблялось и то и другое (sic!).

13. На жалованных царями грамотах на некоторых подписывались и прикладывались к оным печати свои по просьбе самих хозяев тех грамот, бывшие при царском дворе главнейшие чиновники, т. е. сардар, сахлтухес, судья и другие, но впрочем если таковой подписи или приложенных печатей тех чиновников нет, на тех пожалованных царями грамотах и они есть за подписом или печатью одного только царя, то и тогда, без всякого прекословия признается она действительно и содержит в себе разного рода полную силу.

14. В Грузии было дозволено, что разного рода условные, обязательные и мировые сделки или медиаторские решения, писанные между частными лицами, после решения и подписи или приложения печатей судьями, решившими оные, были подносимы царю на утверждение, в особенности те, о которых было донесено царю прежде, еще до решения по жалобе с какой-либо стороны, каковые царь, а иногда и сама царица утверждали подписом или приложением печати. Поднесение же подобных сим актов собственно царице на утверждение, бывало тогда, когда акты те писанные касались по тем делам или о крестьянах и имениях, которые относились собственно ей по принадлежности их ей, как то назывался Садедопло (царицын). Впрочем подобные же акты, утвержденные без царя и царицы подписами и приложением печатей придворными чиновниками, т. е. мдиванами и судьями, принимались твердыми и не подлежащими нарушению. При всем том случалось и сие, что самые жители, помираясь в спорном между ими деле при бытности частных людей, т. е. медиаторов, от коих и учиненное по оному делу решение принималось действительным.

15. Хотя по неумещению содержания, грамоты на одном листе склеивались по два и по три листа вместе, но не всегда было употребляемо поставлять знаков на месте или делать линии тех склеенных листов, а на некоторых царских грамотах приложены печати на тех местах, где склеены листы один с другим.

16. Приложение на царских грамотах царских печатей равно и означение с вензелевыми именами или шифрами царей зависело то и другое от собственной воли царя, тогда когда какое случилось определение на каких именно грамотах должно было приложить печать и на них означать только шифр царского имени не было, ибо грамота царя, с приложением его печати, без означения шифра имени, или только с шифром без печати, была принимаема действительство и один из них, какой бы не был на грамоте, заменял место другого¹.

Этот „отзыв“ представляет собой первую по времени написания грузинскую работу по дипломатике грузинских документов, уже по одному этому заслуживающую пристального внимания и подробного обсуждения.

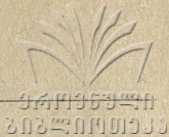
Прежде всего следует отметить, что „грузинские советники“ — князья, авторы этого замечательного во многих отношениях дипломатического трактата, совершенно не владели дипломатической ученостью своей эпохи, за исключением, м. б., Баратова. Им не был известен, по всей вероятности, ни Мабильон, ни его немецкие преобразователи в лице Гаттерера и Шенемана, ни скудная дипломатическая ученость немногочисленных русских ученых. Так как, если бы авторы-князья в какой либо степени владели этой ученостью и имели хотя бы небольшую начитанность и эрудицию в дипломатической литературе всей эпохи, они ввели бы в свой трактат параграфы об анализе формуляров грамот из актов. Авторы систематического изложения клаузального анализа документов не дают. Изложение искусства различения ложных и истинных дипломов здесь базируется исключительно на эмпирических данных. Знания авторов-князей покоятся прежде всего на многих тысячах документов „старинных“ и „новейших“ времен, прошедших в комиссии через их руки как экспертов и консультантов, и, с другой стороны, русского, канцелярского чиновничьего опыта сенатских департаментов, привнесенного в Тифлисскую комиссию через сенатора Мечникова. Русское канцелярское бюрократическое руководство, личный опыт и зоркое наблюдение самих авторов князей и выработали в их сознании целый ряд практических навыков и эмпирических обобщений, которые сделали бы честь любому представителю дипломатической учености начала XIX в. В самом деле, не давая в своем трактате развернутого клаузального анализа актов, авторы близко, хотя и не вполне точными формулировками, к нему подходят. Князья-авторы обращают внимание на важность знания строения

¹ Центрархив Грузии, д. № 253, 1834 г. августа 12, лл. 129—134.

актов для определения их подлинности и достоверности, они знают в какой начальной формуле фиксируется титулатура грузинских царей в разные исторические эпохи Грузии, понимают важность формулы богословия в актах, прослеживают влияние персидского сенъериального режима, заставляющего грузинских феодалов принимать магометанство, и то как под воздействием этого фактора видоизменяются в документах формулы титулатуры и богословия, четко устанавливают разновидности публично-правовых актов, различают жалованные грамоты от „баратов“ и „приказов“ царей. Авторы хорошо понимают принципиальную разницу частно-правовых документов от публично-правовых и устанавливают формальные признаки их определения, внимательно изучают удостоверительную часть всех документов, устанавливают, в каких случаях на документах присутствует подпись царя, его чиновников, печать, не упускают и такого важного формального момента, как материал, на котором писались документы, а также чернила и тушь, которыми писался документ. Все это близко подходит к достижениям, имевшимся в дипломатической науке начала XIX в.

Трактат во многом неточен, формулировки его мало конкретны, конкретностью дышет лишь один параграф седьмой, в котором речь идет о „достоинстве той особы, кому грамота пожалована была, т. е. княжество, дворянство или мокалакство“. Здесь речь идет о родовых прозвищах и фамилиях, неизменно, с глубокой старины до XIX в., бытовавших еще в феодально-помещичьей среде, и здесь авторы почувствовали необходимость конкретизации, чтобы русское правительство, поймав прозвище какой-либо княжеской фамилии в документе, не ошиблось и правильно отнесло это прозвище к данной княжьей фамилии.

Наличие разработанных общих критериев для оценки исторических документов в дипломатическом трактате авторов „грузинских советников“ во многом облегчило работу Тифлисской комиссии. Руководствуясь этим трактатом, можно было упростить работу комиссии, например, в ряде случаев отказаться от допроса подсудимых; так, по делу фальсификатора А. Калантарова и других комиссия записала в своих протоколах: „Отбирать допросы от подсудимых, обнаруженных уже в составлении документов по всем вообще актам, ныне в комиссии рассматривающимся, не предвидится никакой надобности, ибо из числа их сознался только один Атам Калантаров, но и он ограничил число выпущенных им документов, и так как первоначальное достоинство актов, с утверждения господина главноуправляющего объясняется уже избранными в комиссию от дворянства особами, то там, где будут требовать сего самые

обстоятельства дела, комиссия не оставит сделать сего, как для собственного своего соображения в заключении, так и вообще для полноты и ясности дела“¹.

Возложив всю работу по изучению и анализу достоверности исторических документов на „грузинских советников“, комиссия, на основании их мотивированных заключений, и руководствуясь ими же составленным сводом дипломатических критериев, довольно быстро стала формулировать свои заключения в устойчивых выражениях. Обычной была краткая формулировка резолюций комиссии: „Документ сей по бумаге, слогу, чернилам и по царской печати не подлежит никакому сомнению“².

Обычной же была и более распространенная формулировка: „Рассмотрев... документ 1 янв. 1774 г.... находим: документ сей склеен в восьми листах с приложением на обороте, на местах склеения восьми печатей царя Ираклия, равно их концу таковая ж одна и, как оные все оказываются настоящими, то по сему и достоинство документа не подлежит никакому сомнению“³, или: „Документы сии по бумаге, слогу и чернилам, сообразуясь с временем их состояния и по сходству с подлинными, приложенным к оным печатей, не подавая никакого подлога, оказываются в существе своем не подлежащими сомнению“⁴.

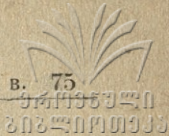
Более разнообразно и дифференцированно словесное оформление заключений комиссии в отношении констатации поддельных документов. Это и понятно: в этом случае приходилось учитывать индивидуальную специфику данного фальшивого исторического документа, хотя и здесь намечалось несколько устойчивых типов формулировок мотивированных заключений, в зависимости от того главного, что возбудило основные сомнения в подлинности исследуемого документа: поддельная печать, поздняя бумага, фальсификация почерка. Но так как часто фальшивый документ являлся сложным сочетанием ряда моментов подлога, то встречаются и комбинированные заключения с учетом всех этих моментов. Так, например, производя обследование приказа царя Ираклия от 28 июля 1788 г. о том, что пока Иона Шадинов не уплатит „должных денег“ сиротам О. Мушрибашвили, „кои выкупили имение“ Шадинова, то и другие кредиторы „не могут простираť права на имение Шадинова“, комиссия нашла, „поэлику почерк сего документа и слог, каковым оный писан, не сходствует ни с одним почерком мдиванов, бывших при царе во время

¹ Центрархив Грузии, д. № 232, л. 3.

² *Ив.*, д. № 92/41 б., ч. II 1835 г., л. 20, д. № 476, л. 41.

³ Центрархив Грузии, д. № 39/28, 1834—37 гг., л. 29; № 173—184, л. 18.

⁴ *Ив.*, д. № 234, 1834 г., л. 136.

состояния сего акта, как равно и смысл, при том же приложенной на оном печати, по неясности оной, нельзя сличить с другими, признаваемыми нами подлинными, то по сим причинам, существенность сего документа мы не можем почесть действительно¹.

На документах, недостоверность которых была доказана, комиссия делала соответственные пометы: „О недействительности означенных документов сделать на них надписи, а в случае неимения для того места перечеркнуть оные, для чего и вытребовать их ныне из Тифлисского и Горийского уездных судов“².

Эмпирические обобщения, сведенные в дипломатическом докладе авторов-князей в ряд систематизированных положений, пополнялись по мере хода работ комиссии новыми наблюдениями, расширявшими круг деятельности комиссии. Так, в 1837 г. комиссия „заключила: документы, данные царями Вахтангом и Бакаром после 1722 г., когда в Грузии царствовали уже другие цари, при всей уверенности в подлинности и сомнительности тех актов признавать не имеющими и впредь не могущими иметь никакой силы и действий“³.

Закавказское русское правительство пыталось также усваивать и переносить накопленный комиссией опыт и в другие учреждения. Так, главноуправляющий в 1837 г. распорядился представить комиссии свои материалы грузинскому гражданскому губернатору „для соображения при составлении проекта о мерах к предотвращению злоупотреблений по царским документам“⁴.

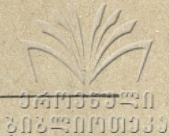
Последовательная и настойчиво проводимая русским правительством политика инкорпорирования грузинского княжья и дворянства в ряды русского дворянства, с одновременной проверкой и чисткой грузинского дворянства с 1818 г. сначала депутатским собранием, а после Кутаисской и Тифлисской комиссиями, была одновременно и актом укрепления крепостнических прав грузинского дворянства над грузинским крестьянством. В этой политической ситуации фальшивый исторический документ, предъявляемый всеми, кто претендовал на получение дворянского звания со стороны Грузии, являлся получить входной билет в крепостнический помещичий рай и право на феодальную эксплуатацию крестьянства. Защита входа в этот „рай“ от чужаков и неблагородной крови элементов и осуществлялась проверкой всех исторических документов грузинских дворян рядом бюрократических чиновничьих комиссий. Эта проверка совпадала с классовыми интересами дворянства Грузии, по-

¹ Ив., д. № 260, 1831 г., л. 152 об.

² Ив., д. № 928, 1837 г., л. 450, 450 об.

³ Централхив Грузии, д. № 928, 1837 г., л. 449.

⁴ Ив., дело № 938, 1837 г., л. 488.

чему „знатнейшие“ — тавады и азнаурство — не только не боролись с царскими поверочными комиссиями, но активно им помогали, и не только в эти комиссии пассивно входили „грузинскими советниками“, но и играли в этих комиссиях ведущую, активную и решающую роль. Без „грузинских советников“ русское чиновничество, не зная истории Грузии, ее языка, специфики ее исторических документов, брело бы в своей работе в полных потемках. Грузинская феодально-помещичья верхушка не только пером, своим интеллектом исправно служила царизму, но и своей саблей, принимая деятельное и свирепое участие в подавлении крестьянских восстаний, борясь рядом и вместе с русскими генералами за сохранение своих крепостнических прав. Это срачивание грузинской знати с царизмом не только в канцеляриях, но и на полях битв с восстающим грузинским крестьянством, можно безошибочно квалифицировать предательством по отношению к трудящимся классам своей страны.

Придавленности дворянства не было, была проверка его рядов, но русское правительство постоянно давало своим чиновникам директивы ни в чем не нарушать владельческих прав „знатнейших“ и эта директива выполнялась всей мощью военно-бюрократического аппарата главноуправляющего Грузии. Дворянство Грузии охотно принималось в военную службу и множество князей и дворян состояло офицерами русских армий; служило дворянство и на гражданской службе и исправно получало чины и кресты. И продажа, и заклад свободно осуществлялись грузинским дворянством, за исключением лиц, привлекающихся к уголовному суду за подделки исторических документов, а таких лиц было, сравнительно, немного.

Если фальшивый исторический документ в руках грузинского дворянства явился методом борьбы за сохранение крепостнических устоев феодально-помещичьей Грузии, то в руках грузинского крестьянства фальшивый исторический документ явился средством антикрепостнической борьбы и попыткой вырваться из двойной кабальной эксплуатации как грузинского помещика, так и русского колониального режима.

Для характеристики этого назначения подделки в руках крестьянства мы, к сожалению, располагаем одним лишь документом. Это — дело известнейшего в Грузии в 80—90 годах XIX в. авантюриста и фальсификатора исторических документов Ашордия и группы его помощников, которые изготовили для 17 крестьян селения Зугдиди (Западная Грузия) поддельные сельские приговоры.

Соломон Ашордия уже школьником обнаружил выдающийся талант подделки каких угодно почерков и рисунков. Школьный учитель однажды застал его с поличным, когда он во время скучного

урока занялся вычерчиванием пером в своей тетради царской кредитной рублевки, которая с необыкновенным искусством, быстротой и ловкостью была им вычерчена. Учитель, наказав, как полагалось, провинившегося школьника, предрек ему карьеру мошенника и фальшивомонетчика. Прогноз учителя оправдался частично: Ашордия действительно стал мошенником-фальсификатором документов, производя в новоявленных дворян кого угодно за хорошие деньги, но фальшивомонетчиком не стал.

Обстоятельства, при которых крестьяне (Зугдиди и Имеретии) вынуждены были бороться за свое освобождение с помощью фальшивого документа, сводились к следующему: „Освобождение“ от крепостной неволи грузинских помещиков в Грузии протекало особенно болезненно; множество пережитков феодальной эксплуатации и новой эксплуатации через наемное рабство — батрачество, в соединении с русским колониальным гнетом, ставило жизнь крестьянина в тяжелые условия. Одним из выходов из невозможных условий деревенской жизни грузинское крестьянство видело в выходе в мещане и в приписке к какому-нибудь городскому обществу Закавказья. Мещанство манило к себе видимостью свободы и распоряжением своим трудом без помещика, когда можно было без помехи заниматься ремеслом, мелкой торговлей. Но выход из деревни, скончанной созданной специально для „освобожденных“ крестьян общинным порядком, был затруднен рядом канцелярских формальностей и системой контроля вышестоящих бюрократических инстанций. Для выхода из сельского общества требовался увольнительный приговор, который утверждался в высшей инстанции — Тифлисской Казенной Палатой.

Группы крестьян, во главе с крестьянином Мике и Датиго Джанашия, ввиду невозможности получить легальным путем нужные увольнительные приговоры, обратились за консультацией к писцу своего Зугдидского сельского управления Ушангию Шедания, который за соответствующую взятку и направил крестьян к Ашордия и его товарищам, умеющим „составлять“ мирские приговоры без созыва мирской сходки.

Товарищ С. Ашордия Петр Кардава „за известное вознаграждение взялся устроить названным крестьянам это перечисление их к мещанам м. Зугдиды. Крестьяне изъявили на это свое согласие и уплатили ему, Кардава, вперед часть вознаграждения“, — повествует судебный приговор¹.

¹ Централхив Грузии. Дело Тифлисской судебной палаты по 1-му уголовному департаменту. 1901 г. № 15154, л. 7—7 об.

Сам С. Ашордия написал увольнительный приговор от октября 1893 г., его товарищ П. Кардава — сфабриковал другой такого же типа приговор, с той же датой. С. Ашордия написал еще и прошение от имени крестьян Мике Джанашия и др. и, хотя некоторые из крестьян были грамотными, Ашордия дал подписать за всех крестьян, как за неграмотных, Даго Рогава. Далее, под приговорами от имени 321 крестьянина, всех якобы неграмотных, Ашордия поручил подписаться на одном приговоре Михаилу Какулия, на другом Михаилу Лотария. Здесь была допущена ошибка, вскрытая судом — в числе 321 крестьянина, якобы присутствовавших на мирской сходке, „многие оказались умершими до составления этих приговоров, т. е. до 1893 г.“. Ашордия допустил и другую ошибку: он написал „заверение на этих приговорах от имени старшины Зугдидского сельского общества Пахулия Геберландзе и приложил печать старшины того же общества и подпись названного Пахулия Геберландзе по-русски, тогда как последний неграмотен“.

На суде Ашордия держался с откровенной наглостью пойманного с поличным фальсификатора документов. Судебный протокол так описывает речь и поведение Ашордия на суде: „Соломон Ашордия, признавая, что текст прошения от имени Джанашия и других крестьян и текст одного приговора сельского общества и заверения старшины Геберландзе на обоих приговорах написаны им, Ашордия не усматривает в этом преступления, так как все упомянутые крестьяне удостоверили, что (он) с ними не знаком и они к нему за составлением указанных документов не обращались, а имели дело с подсудимым Кардавой“. Затем, Ашордия, пытаясь установить противоречия в судебном следствии, делает вывод, что „писание текста и самый подлог совершены одновременно и последний без всякого его участия“. Суд признал Ашордия виновным в подлоге документов и дал ему 8 месяцев заключения в тюрьме, а крестьяне потеряли всякую надежду выйти в мешане через фальшивый увольнительный приговор.

Вскрыта была подделка этого увольнительного приговора Казенной Палатой, которая, получив эти документы, запросила Зугдидское уездное управление о них и, получив оттуда справку, что таких приговоров не было, как не было и мирской сходки 21 октября 1893 г., возбудила уголовное дело о подлоге.

Сам С. Ашордия сумел избавиться от тюремного сидения: сначала его взял на поруки кн. Николай Дадиани под залог в 5.000 рублей, а затем Ашордия в июне 1902 г. инсценировал свое утопление в море, бежал в Турцию, обманув наивную батумскую поли-

цию, поверившую, что Ашордия утонул, о чем и был составлен полицейский протокол¹.

В заключение небезынтересно остановиться на социальной роли поддельного, фальшивого исторического документа, которую он играет в реальной обстановке развертывающейся классовой борьбы. Мы видели, что фальшивый документ в руках грузинского дворянства был поиском путей для проникновения в ряды привилегированного российского дворянства. Борьба с фальшивым документом, ведшаяся русским правительством в союзе с верхушкой княжеско-феодальной среды Грузии, была борьбой за сохранение чистоты основных кадров „знатнейших“ Грузии. В ходе этой борьбы союзники колониальных угнетателей — грузинские князья, создают замечательный памятник первого дипломатического руководства. Здесь нет теоретического осмысления ставящихся проблем; все руководство, сложившееся на чисто практической основе, преследует узкие утилитарные задачи — помочь силами грузинского дворянства русскому правительству наладить борьбу с фальшивыми дворянами, пытающимися с поддельными документами войти в ряды чистокровного дворянства Грузии. Борьба против фальшивого документа одновременно была и борьбой за сохранение монополично-дворянских крепостнических прав в Грузии, а потому эта борьба была глубоко реакционным явлением.

Но тот же фальшивый документ, когда за него берется грузинский крестьянин, получает иную социальную значимость: он является средством борьбы за крестьянское освобождение, направленной против русских колониальных угнетателей и против угнетателей крепостников — своих грузинских дворян-помещиков. В этом случае фальшивый исторический документ может играть и крупную роль. История крестьянских восстаний знает эти случаи: например, в Пугачевском движении фальшивые исторические документы определенно и ярко выявились как факторы важного значения.

¹ Центрархив Грузии, I в. л. 10 — 10 об. Отношение прокурора Тифлисской судебной палаты за № 481 от 19 февраля 1903 г. в Тифлисскую судебную палату.

М. Полиевктов

Ревизия Закавказского Края сенаторами Кутайсовым и Мечниковым и фонд дел этой ревизии в историческом архиве в Ленинграде¹

Одним из видов надзора верховной власти над администрацией, а иногда и руководства ею, в царской России были так называемые „сенаторские ревизии“. С какого времени ведут свое начало сенаторские ревизии — с точностью определить нельзя. И. А. Блинов, которому принадлежит общий очерк сенаторских ревизий в XIX в.², видел в них продолжение старинной системы личных поручений. Для XIX в. с самого его начала мы имеем во всяком случае в своем распоряжении почти исчерпывающий перечень таких ревизий³. Ревизии назначались по самым различным поводам, иногда на основании донесений самой местной администрации: генерал-губернаторов, губернаторов, губернских предводителей дворянства, прокуроров, офицеров корпуса жандармов. Они охватывали иногда целые районы, иногда определенные категории учреждений, иногда вызывались ка-

¹ Библиографические сокращения в настоящей статье: 1. Акты — Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией; 2. Блинов, № . . . — И. Блинов. Исторические материалы, извлеченные из Сенатского Архива. Сенаторские ревизии. Журнал Министерства Юстиции 1913 г., №№ 2, 4, 6, 7 и 10 (материалы, относящиеся к ревизии Кутайсова и Мечникова, здесь — в №№ 4, 6 и 7); 3. Иваненко — В. Иваненко. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича Тиф. 1901 (XII том „Утверждение русского владычества на Кавказе“); 4. История Сената — История Правительствующего Сената за двести лет. 1711 — 1911, тт. I — V. Спб. 1911.

² История Сената, т. III, стр. 616—657 и т. IV, стр. 180—214.

³ Списки: сенаторских ревизий XIX в., сенаторов, производивших ревизии, а также губерний и городов, в которые посылались ревизирующие сенаторы — там же т. IV, стр. 503—516. Первыми ревизиями в XIX в. (1801 г.) были ревизии: И. В. Лопухина и Ю. А. Нелединского-Метлицкого — Слабодско-Украинской губернии; Н. Н. Салтыкова и И. Б. Пестеля — Вятской губернии, и И. О. Селифонтова — Сибири. Составитель этих списков, тот же Блинов, упоминает о возможной их неполноте.

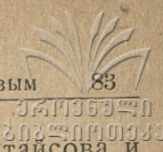

кими-нибудь экстренными случаями: недоимками, неурожаем, эпидемиями; иногда ревизующие привлекались к сотрудничеству с местной администрацией по тому или другому вопросу. Органическая связь между Сенатом и ревизиями была очень слаба; ревизии были системой личных поручений; все определялось доверием верховной власти и в ревизии назначались иногда лица, не входившие в состав Сената — из государственной свиты, члены Государственного Совета, статс-секретари и т. д.; все эти лица, однако, в таких случаях обычно выступали на правах ревизующих сенаторов. Объем и степень власти лиц, производивших ревизию, определялись первое время особыми рескриптами, но уже к 1819 г. на этот случай была выработана инструкция, в которой, в зависимости от специфики данной ревизии, конечно, в различной форме делались различные дополнения¹. Ревизии нередко протекали в условиях крупных и резких трений с местной администрацией; их эффективность всегда, в конце концов, определялась, так сказать, соотношением сил: зависела от степени авторитетности ревизующих лиц в глазах верховной власти. В XIX в., в связи с упадком значения Сената (Александр I им тяготился, а Николай I прямо его третировал) сенаторские ревизии являются средством надзора не столько для Сената, сколько для Комитета министров, и прежде всего для самого царя. Довольно частые в начале XIX в. сенаторские ревизии назначаются затем все реже и реже. В 1880-х гг. этот институт замирает; он возрождается только на некоторое время в XX веке.

К числу таких ревизий относится и ревизия 1829 г. Закавказского края сенаторами: егермейстером гр. Пав. Ив. Кутайсовым и обергауптманом Евгр. Ил. Мечниковым, единственная действительно „сенаторская“ ревизия этого края за весь XIX век². Определенный момент в истории становления колониального режима русского царизма в Закавказском крае, и прежде всего в Грузии, эта ревизия, имеет, однако, и некоторые свои специфические особенности. В то время как другие сенаторские ревизии, хотя и назначавшиеся иногда на основании донесений с мест, всегда были ревизиями над местной администрацией и нередко протекали в условиях трения между

¹ Инструкция 1819 г. — П. С. З. № 27222 и Св. З. изд. 1857 г. прилож. к ст. 256

² Указ о назначении ревизии состоялся 23 августа 1829 года; см. Акты VII, № 39. Ревизия вступила в действие, повидимому, только к началу 1830 г. и закончила свои работы в первые месяцы 1831 г. Егермейстер — придворный чин; обергауптман — председатель суда и расправы в б. Остзейских губерниях. Биографические сведения о Кутайсове см. „Русск. биограф. словарь“. Следующая за этою ревизия Закавказского края была ревизией 1842 г., вызванная провалом пресловутой „реформы“ управления края 1840 г. бар. Е. Ф. Гана, о чем — ниже; она производилась „статс-секретарем“ М. П. Позеном; см. И в а н е н к о, стр. 285—302.

этой последней и ревизирующими сенаторами, ревизия Кутайсова и Мечникова возникла по прямой инициативе местной администрации, в лице вновь назначенного главноуправляющего на Кавказе гр. Ф. И. Паскевича, протекала не только в полном с ним согласии, но даже как-бы по намеченной им программе, а его сотрудники — тбилисский губернатор Ст. Ст. Стрекалов и грузинский гражданский губернатор Пет. Дом. Завилейский были и ближайшими сотрудниками и ревизирующих сенаторов¹. Правда ревизия подвергла резкой критике порядки, правильнее сказать, беспорядки, царившие в Закавказском крае. „Всеподданнейший рапорт“ ревизовавших сенаторов, это — сплошной обвинительный акт против закавказской администрации. Но остринэ этой критики, все эти обвинения направлены не против современных администраторов, а против администраторов, сошедших уже со сцены: Цицианова, Гудовича, Тормасова, Ермолова и сотрудников этого последнего, управлявшего гражданской частью ген.-лейт. Вельяминова, 1-го и тифлисского военного губернатора, предшественника Стрекалова, Сипягина. Заключительная же часть рапорта Кутайсова и Мечникова, совершенно в духе политики Паскевича, высказывает надежду, что Закавказский край исцелится от всех постигших его бед, „особенно при введении туда русских присутственных мест и законов“². Словом, ревизия шла навстречу новому руководству на Кавказе, когда со времени Паскевича исключительно военный режим начинает уступать место первым попыткам создать правильный административный аппарат в целях колониальной эксплуатации Грузии и Закавказского края. Ревизия Кутайсова и Мечникова — первое звено в длинной цепи таких бюрократических экспериментов, следующими этапами чего были: учреждение в 1833 г. в Петербурге Комитета об устройстве Закавказского края; выработанное по проекту бар. Гана „Учреждение 1840 г. для

¹ Акты УП, № 35 (всеподданнейший рапорт Паскевича 16 мая 1829 г., с представлением о назначении в Закавказский край сенаторской ревизии); № 40 (то же Завилейского 23 октября т. г. о беспорядках, обнаруженных им во время обревизования им подведомственных ему учреждений); № 41 (рапорт Завилейского Стрекалову 17 октября 1829 г. о раскрытых им беспорядках при взимании с крестьян податей и при отправлении ими повинностей). Об участии Стрекалова в работе ревизии см. ниже. О Паскевиче — Шербатов, генерал-фельдмаршал кн. Паскевич, его жизнь и деятельность по неизданным источникам, I—V, СПб. 1888 след. Биографические сведения о Завилейском и Стрекалове. — Акты VII, стр. VI и IX.

² Всеподданнейший рапорт сенаторов тайных советников гр. Кутайсова и Мечникова. Акты VIII № 1 (даты нет; следующий за этим № 2 — 28 ноября 1831 г.) стр. 13; срав. всеподданнейший рапорт Паскевича 24 апреля 1830 г., в котором он предлагал „во всех губернских и уездных присутственных местах руководствоваться во всем законоположением российским, не основываясь уже ни в каком случае на законах Грузии или на прежних обычаях“. Там же, VIII, № 47, стр. 38.

управления Закавказским краем“, вызвавшее повсеместное недовольство, а местами и открытые возмущения; ревизия в 1842 г. Закавказского края статс-секретарем Позеном, и, наконец, учреждение в 1846 г. Кавказского наместничества¹.

Вопрос о реорганизации управления Закавказским краем был основным, стержневым моментом в работах означенной ревизии; при этом следовало разрешить целый ряд весьма существенных вопросов: об определении прав отдельных общественных групп, об имущественных отношениях, об эксплуатации производительных богатств; о системе податей и повинностей, об иностранных переселенцах и иностранных капиталах в Закавказском крае; об организации камеральных описаний, о законах царя Вахтанга и др. — все такие вопросы, освещение которых на основании свежего архивного материала представляется весьма актуальным для социально-экономической и социально-политической истории Закавказского края и Грузии в эпоху становления здесь колониального режима русского царизма, хотя бы и вне увязки с ревизией Кутайсова и Мечникова.

Документальный материал о ревизии Кутайсова и Мечникова впервые был опубликован в конце 1870-х и начале 1880-х гг. в Актах. Освещая, так сказать, внешнюю историю этой ревизии, этот материал почти совершенно не освещал ее текущее делопроизводство². Следующим моментом в документации ревизии Кутайсова и Мечникова было опубликование в 1913 г. И. А. Блиновым, в связи с его вышеназванными работами по „Истории Сената“, материалов из сенатского архива о сенаторских ревизиях, где соответствующее место отведено и закавказской ревизии Кутайсова и Мечникова. Протаривая путь к архивному материалу, на котором должно строиться всестороннее изучение этой ревизии, и прежде всего ее текущего делопроизводства, Блиновская публикация сама по себе не отражает еще всего этого материала во всей его разносторонности: Блинов ограничился опубликованием лишь наиболее интересных, по его мнению, „дел“ из этого материала, и то лишь в порядке иллю-

¹ Срав. М. Полиевктов, Николай I; биография и обзор царствования, стр. 342—345. М. 1918. Суровая критика „Учреждения 1840 г.“ — у Suzanne. Souvenirs des voyages. Les provinces du Caucase, l'empire du Brésil. P. 1846.

² Акты VII (1878 г. и VIII (1881). Этот материал не сосредоточил на себе внимания исследователей. Так, Иваненко в своем „Гражданском управлении Закавказьем“, глав. обр. гл. VI—XI, построенном в основном, на Актах, берет эту ревизию, как некоторое известное данное, и вводит ее в общий контекст своего труда, совершенно не выдвигая вопроса о причинах ее возникновения, о главных моментах ее работ и о ее результатах, хотя все такие вопросы могли бы быть освещены, пусть будет провизорно, на основании тех же Актов.

страции¹. Но и того, что здесь опубликовано, достаточно, чтобы создать себе представление о большой значимости всего этого материала. Глаз исследователя начал уже проникать в этот материал; над отдельными его частями, кроме Блинова, работало еще несколько лиц, в их числе и доцент Тбилисского Государственного Университета А. Г. Пирцхалайшвили. Тем более следует признать своевременным дать общий, ориентирующий археографический очерк всего этого материала в целом, чему и посвящается настоящая работа.

„Дела по ревизии Закавказского края сенаторами гр. П. И. Кутайсовым, Е. И. Мечниковым и тифлисским военным губернатором С. С. Стрекаловым 1830“, как значится на обложке первой связки этих дел (№№ 1—7, обложки же следующих связок не сохранились) в настоящее время хранятся в делах Сената, в первой секции (политики, культуры и быта) Исторического Архива в Ленинграде. Весь фонд состоит из 49 дел. К первому из этих дел присоединены три единицы хранения, особых №№ не имеющие и помеченные: „к № 1 ч. 1 (2, 3)“. Всего, следовательно, 52 единицы хранения, в общей сложности более 4.750 листов. Многие дела не датированы и фонд в хронологический порядок не приведен. По содержанию весь фонд представляет собой делопроизводство канцелярии ревизии. Документов, предшествующих этому делопроизводству, как, например, инструкция 1819 г., здесь нет. Нет и того всеподданнейшего рапорта Кутайсова и Мечникова, который опубликован в Актах². Зато само делопроизводство ревизии, в отдельных моментах ее работы, нашло четкое отображение в этом фонде. В „делах“ этого фонда, возникших или по запросу самих ревизирующих сенаторов „Верховному Грузинскому Правительству“, или по инициативе местных правительственных органов, или по жалобам населения, или, наконец, по предложению центральной общеимперской власти, широко разворачивается перед нами картина жизни Закавказского края, что придает всему этому фонду большую историческую значимость.

Прежде чем перейти к описанию каждого из этих дел порознь, необходимо произвести некоторую их систематическую группировку.

Стержневым моментом в ревизии Кутайсова и Мечникова был, как мы уже отметили, вопрос о реорганизации управления Закавказского края на началах руссификации этого управления и более тесного объединения отдельных частей края между со-

¹ Блинов, №№ 4, 6 и 7.

² См. выше, стр. 2, прим. 1 и стр. 6, прим. 1.

бой. Относящиеся сюда дела и составляют первую по своей значимости, хотя далеко не самую многочисленную, группу дел этого фонда. К ней вплотную примыкает группа дел (также весьма многочисленная) о гражданских правах отдельных разрядов населения. Затем выделяются две группы дел: текущей политики — финансово-экономической, в широком смысле слова (очень многочисленная), и церковной (всего 2 дела). Немногочисленна и группа дел, затрагивающих вопрос об организации в Закавказском крае государственного контроля. Более значительна в количественном отношении группа дел об имущественных взаимоотношениях граждан между собою (главным образом, аграрные дела), и в особенности — группа дел о злоупотреблениях властью и ее превышении представителями администрации. Наконец, последняя группа дел — дела о борьбе с холерой, к чему ревизирующие сенаторы были привлечены уже к концу производимой ими ревизии.

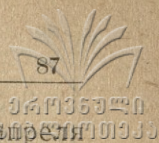
Такова наша группировка изучаемого нами фонда с точки зрения их тематики. Само собой разумеется, в каждом деле может встретиться материал, перекрещивающийся с другими делами и даже с другими группами, что может быть выяснено лишь путем ознакомления с их составом. К краткому описанию каждого из этих дел порознь мы теперь и переходим. Заранее оговариваемся о неполноте и несистематичности нашего описания: в нашем распоряжении был всего месяц с небольшим — срок, совершенно недостаточный для углубленного и детального изучения такого обширного материала.

I. Реорганизация управления Закавказским краем

№ 5. По отношению г. управляющего военным министерством о преобразовании правления в Закавказском крае. Нач. 20 июня 1830 г. 22 л.

В деле — всеподданнейший рапорт военного министра А. И. Чернышева о необходимости разделения Закавказского края на две губернии.

Главные недостатки современного управления краем, по мнению Чернышева, проистекают, от разнообразия управления отдельными его частями; от неопределенности прав и обязанностей начальствующих лиц; от смешения российских законов с грузинскими и с обычным правом мусульман, и от неравномерности в распределении податей и от беспорядка в финансовом управлении. Срав-

Акты, т. VII, № 47 (всеподданнейший рапорт Паскевича 24 апреля 1830 г.) и № 64 (то же, 28 апреля 1831 г.).

№ 39. По отношению управляющего министерством юстиции о рассмотрении гг. сенаторами предположений главнокомандующего Грузией о новом образовании Закавказского края. Дат нет. 1 л.

Все дело состоит из письма от 19 сентября 1830 г. статс-секретаря Д. Н. Блудова Кутайсову, в котором сообщается ему и Мечникову о высочайшем повелении — принять в их совещании с Паскевичем по делам ревизии представление военного министра А. И. Чернышева „об учреждении российско-гражданского управления в провинциях Закавказского края с разделением одного на две губернии и одну область и со введением повсеместно русских законов“.

№ 8. Начавшееся по высочайшему повелению о рассмотрении грузинских законов, и приложение к нему. Дат нет. Дело — 36 л.; приложение — 576 л.

В деле — черновик всеподданнейшего доклада ревизующих сенаторов о грузинских законах; в приложении — „Грузинское Уложение царя Вахтанга, с подлинным сверенное, исправленное и в порядок приведенное, с разделением на главы и параграфы“, и „Статьи (этого уложения), которые предположено общим собранием Верховного Грузинского Правительства оставить в силе“. Из дела выясняется участие в нем сенатора грузинского царевича Давида.

№ 4. О различестве управления уездов Грузии. Дат нет. 116 л.

Дело возникло по запросу ревизующих сенаторов Верховному Грузинскому Правительству — „Какие именно уезды Грузии различествуют в формах управления, в чем состоит управление и различие, по чьему распоряжению все это делается, и на чем основано таковое распоряжение“. В деле — большой материал по обычному праву, истории финансов и администрации в Закавказском крае. На лл. 32—55 — „Ведомости, доставленные кн. Цициановым государю императору о доходах членов царского дома и об удельных имениях“. Срав. „Акты“, т. VII, № 35 (всеподданнейший рапорт Паскевича 16 мая 1829 г.), стр. 18 и 19; № 40 (то же Завилейского 23 октября т. г.); т. VIII № 17 (мнение главноуправляющего Грузией бар. Г. В. Розена, об учреждении, согласно мнению сенаторов Кутайсова и Мечникова в Грузии, Имеретии и Гурии волостных управлений), и Блинов № 6, стр. 230 и № 7, стр. 263—279.

№ 37. По донесению Исполнительной Экспедиции Верховного Грузинского Правительства об отысканном случайно ею указе Правительствующего Сената

1819 г. июля 31 дня, остававшимся без исполнения. Нач. 17 генваря 1830 г., решено 2 апреля 1830 г. 157 л.

Означенным указом устанавливалось, чтобы решения Суда и Расправы Верховного Грузинского Правительства, имеющие поступить к Министру Юстиции, предварительно вносились в Государственный Совет. Грузинское Правительство запрашивало ревизующих сенаторов, надо ли сохранить этот порядок теперь, когда население уже свыклось с русским управлением. Сенаторы высказались по этому вопросу отрицательно.

№ 6. Об устройстве кагала в кубинской пригородной еврейской слободе. 15 апреля 1830 г. 26 л.

В основе этого дела — прошение кубинских евреев кубинскому коменданту полковнику Фрейгангу 2-му от 17 января 1827 г., в котором они, жалуясь на ухудшение своего положения в податном и административном отношении со времени Ермолова, просили об устройстве, в общем порядке, кагала и посылки его члена в городской суд. В деле — много материала по вопросу об организации низового административного аппарата в Закавказском крае.

№ 29. По актам кавказских владений, поступивших в подданство России. Дат нет. 623 л.

Дело представляет собой систематический подбор законодательного и административного материала по управлению Закавказским краем с 1801 г. по начало ревизии. Этот материал раскрывает довольно яркую картину постепенного распространения и методов внедрения русского царизма в Закавказский край.

№ 11. По предмету замещения вакантных мест чиновниками, находящимися не у дел. Дат нет. 11 л.

При ревизии Исполнительной Экспедиции сенаторами были обнаружены большие беспорядки — медленность в отправлении дел и другие упущения. Исполнительная Экспедиция объясняла все это недостаточностью кадров, так как часть чиновников отрешена от должности и предана суду, другие уволены за нерадение и по болезни, а некоторые по собственному желанию. Началось расследование и был собран большой материал, небезынтересный для характеристики бытового положения русского элемента в Закавказском крае, как, например, полученный от тифлисского полицмейстера „Список об отставных чиновниках гражданского ведомства, проживающих в городе Тифлисе праздно“.

II. Гражданские права отдельных разрядов населения

№ 28. По всеподданнейшему докладу его императорскому величеству об определении собственности жителей Грузии. Дат нет. 4 л.

В деле всего один документ — текст означенного доклада ревизующих сенаторов о необходимости привести в известность, на чем основываются права собственности грузинского дворянства. СРАВ. Акты, VIII, № 12 (отношение главноуправляющего в Грузии бар. Г. В. Розена к министру юстиции Д. В. Дашкову 25 февраля 1832 г.).

№ 49. По прошению тифлисского „мокалакского“ общества насчет прав их. Нач. 1 мая 1831 г. 19 л.

Дело возникло по жалобе тифлиских мокалак на стеснение их торговых прав. Мокалаки выражали, между прочим, пожелание, чтобы в виду неудобства „пристанища“ в Редут-Кале таковое было установлено в Потн.

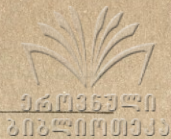
К этой же группе, наконец, может быть отнесено дело № 38. По указу Правительствующего Сената об отыскании имени гражданина Узбашева и о прочем. Нач. 15 апреля 1830 г., решен. 12 февраля 1831 г. 26 л.

При отыскании, по указу Сената, проданного за долги имени Узбашева возник вопрос — подлежали ли продаже крепостные, принадлежащие Узбашеву. Ревизующие сенаторы дали по этому вопросу отрицательное заключение на том основании, что де Узбашев, будучи сам казенным крестьянином, не имел права владеть крепостными.

III. Финансово-экономическая политика

№ 13. О весах и о монетах в Грузии. Дат нет. 75 л.

Дело возникло по запросу ревизующих сенаторов Верховному Грузинскому Правительству — какие в Грузии и провинциях ее употребляются меры и весы прежних владельцев, и как сии последние обращаются против российского ассигнационного рубля. К делу приложена „Табель, показывающая сравнение существующих в Закавказском крае весов и мер с российскими“ (меры тяжестей, хлеба, жидкостей и протяжений для уездов: Тифлиского, Горийского, Душетского, Телавского, Сигнахского и Елизаветпольского; дистанций: Борчалинской, Казахской, Шамшадильской, Бамбакской, Пшавхевсурской и Гутшинской; провинций: Ширванской и Кубинской; Талышского ханства и Армянской области). Это дело состояло, повидимому, в связи с возникшей в то время мыслью о замене для Закавказского края русской серебряной монеты местною. СРАВ. Акты VIII № 41 (отноше-

ние главноуправляющего Грузией барона Г. В. Розена к министру финансов Е. Ф. Канкрину 4 июня 1836 г.), стр. 66.

№ 15. О камеральном описании. 15 апреля 1830 г. 17 л.

Дело возникло по запросу ревизирующих сенаторов Верховному Грузинскому правительству Грузии — „Началась ли народная перепись и в каком предмет сей находится положении“. В приложении к делу — „Ведомость о числе дымов и душ мужеска и женска пола народу Закавказского края“. В этой ведомости — цифровые данные по г. Тифлису за 1804, 1808, 1817, 1823 и 1924 гг. и по Тифлисскому уезду за 1804, 1817 и 1823 гг.; Лорийскому уезду за 1804 г.; по г. Телави и Телавскому уезду за 1804 и 1821 гг.; по г. Сигнахи за 1804 г. и Сигнахскому уезду за 1804 и 1817 гг.; по гор. Гори за 1804 и 1818 гг. и по Горийскому уезду за 1804, 1816 и 1818 гг.; по г. Ананури за 1804 г. и по Ананурскому уезду за 1804 и 1821 гг.; по дистанциям: Шамшадильской за 1817 г., Казахской за 1817 и 1825 гг. и Борчалинской за 1817, 1821 и 1823 гг.; по г. Елизаветполю и Елизаветпольскому уезду за 1818 г.; по г. Нухе за 1824 г., и по Шекинской провинции за 1824 г. Срав. Акты VII № 40 (всеподданнейший рапорт Завилейского 23 октября 1829) п. 7.

№ 27. По рапорту горийского земского исправника о предположении его на счет отмены на будущее время раскладки по сбору с жителей хлеба. Дат нет. 3 л.

В деле — только означенный рапорт.

№ 17. О доставлении бакинским комендантом сведений о денежных податях. 4 апреля 1830 г. 26 л.

Дело возникло по предписанию ревизирующих сенаторов бакинскому коменданту — дать сведения: 1) о денежной подати; 2) о подати натурою; 3) все ли подати платят исправно; 4) сколь велико вообще население Бакинской провинции. Такие же предписания были посланы комендантам: кубинскому, шекинскому и дербентскому (см. ниже в этой же группе дела №№ 26 и 20). В деле: 1) ведомость о числе жителей Бакинской провинции, составленная апреля 26 дня 1830 г.; 2) ведомость о недоимках, числящихся по 1830 г. на разных лицах по откупам и оброчным статьям Бакинской провинции того же числа (2 экземпляра: первоначальный и исправленный); 3) ведомость о народонаселении Бакинской провинции 29 апреля 1830 г. (2 экземпляра: первоначальный и исправленный).

№ 18. О доставлении Казенною экспедициею сведений о денежных податях. 4 апреля 1830 г. 18 л.

Дело аналогичное по составу делу № 17 (см. выше, в этой же группе), но в общезакавказском масштабе. В деле: 1) ведомость о по-

дати, отправляемой по Грузии и присоединенным к ней провинциям (Тифлис и уезд; Борчалинская, Казахская, Бомбакская и Шурагельская дистанции; Гори и уезд; Телави и уезд; Сигнахи и уезд; Елизаветпольский округ; Кюринское ханство; провинции Кубинская и Шекинская); 2) ведомость о денежной подати по Грузии и присоединенным к ней провинциям (те же районы, а также, кроме того, Бакинская провинция, Ширван и Карабаг). Срав. ниже в этой же группе дело № 22.

№ 19. О доставлении сведений о податях по Эриванской провинции. Дат нет. 31 л.

Дело представляет собой как-бы дополнение к делу № 18 (см. выше в этой же группе). Корреспондентом по этому делу ревизирующих сенаторов был сам Паскевич. Во всем деле рассеяны обстоятельные сведения по основному вопросу и приложена очень разработанная „Ведомость о денежных, хлебных и прочих сборах по Армянской области, препровожденная в тамошнее областное правление 26 декабря 1826 г.“.

№ 20. О доставлении дербентским комендантом сведений о денежных податях. 4 апреля 1830 г. 6 л.

Дело аналогичное по составу делу № 17 (см. выше в этой же группе). „В деле Ведомость о народонаселении в Дербентской провинции и присоединенных к ней таковых же Каракайтагской и Табасаранской. Апреля 22 дня 1830 г.“.

№ 21. О доставлении шекинским комендантом сведений о денежных податях. 4 апреля 1830 г. 60 л.

Дело аналогичное по составу делу № 17 (см. выше, в этой же группе). В деле — ведомости: 1) о денежной подати, взысканной с жителей Шекинской провинции за 1829 г.; 2) в чем заключается почтовая повинность, каковая показывается здесь с 23 марта 1828 г. по 23 марта 1829 г.; 3) сколько вместо десятины наложено постоянного оклада к ежегодному взысканию пшеницы и ячменя; 4) сколько в 1829 г. описано с казенных земель десятины или молджегату пшеницы и ячменя; 5) сколько с 1826 года наложено окладного шелку вместо описываемой прежде пятой части с урожая, под названием молджегатного шелку; 6) сколько с 1825 г. наложено на некоторые деревни Шекинской провинции окладного шелку, какового жители сих деревень при хан[ских провинциях] не платили; 7) сколько состоит в Шекинской провинции казенных речпарских садов; 8) в каких именно местах в Шекинской провинции засеивается казенный чалтык, какое количество семян, и сколько из посевов сих получено урожая в 1829 г.; 9) сколько взыскивается ежегодно с жителей Шекинской провинции податного окладного чалтыка; 10) сколько опи-

сано за 1829 г. молджегатного чалтыка; 11) сколько описано за 1829 г. молджегатного проса; 12) сколько описано за 1829 г. сох, коими поселяне казенных имений производили распашку полей на земляных казенных, и сколько вместо оных взыскано денег; 13) сколько в 1829 г. описано шелкомотальных машин, и сколько взыскано за оные денег; 14) сколько поступило доходу с откупных статей; 15) о недоимках, числящихся на жителях Шекинской провинции [и] по откупным статьям, с объяснением, почему оные остаются не взысканными; 16) сколько ежегодно взыскивается с жителей Шекинской провинции податного окладного хлеба под названием мусташир, а также показания жителей по различным податным вопросам.

№ 22. О доставлении г. Главнокомандующим в Грузию сведений о денежных податях по провинциям в ведении его состоящим. Дат нет. 120 л.

Дело возникло по распоряжению Паскевича, отданному им ширванскому и карабагскому комендантам и управляющему талышским ханством о сборе сведений о податях. В деле — ведомости только по Ширванской провинции, о податях денежной, натуральной и о податях; срав. выше в этой же группе до № 18.

Дела №№ 17—22 настоящей группы срав. Акты VII, № 47 (всеподданнейший рапорт Паскевича 24 апреля 1830 г.) п. IV, стр. 37—39.

Сюда же должно быть отнесено дело № 46 по вопросу: исполняется ли высочайший указ 12 декабря 1819 г., коим велено: учрежденный манифестом 1812 г. февраля 11 дня сбор со всех владельцев недвижимых имений, платимый по мере получаемого дохода, с 1 января 1820 года сложить и установленных объявлений о доходах впредь не подавать. Нач. 19 марта 1830 г., 27 июля реш. 26 л.

№ 23. О шелководстве в Закавказском крае. Дат нет. 48 л.

Дело возникло по запросу ревизующих сенаторов Верховному Грузинскому Правительству Грузии — „В каком положении здесь шелководство, распространяется ли оно, не стесняется ли со стороны каких-либо местных распоряжений, и не учреждено ли по сему предмету особого комитета, и в чем состоят его действия“. В деле есть сведения о Кастелла и данные о шелководстве в Ширване, Шеке и Карабаге.

№ 47. О дорогой продаже вин здешних в Тифлисе. Нач. 19 ноября 1830 г., конч. 25 ноября 1831 г. 14 л.

Дело возникло по жалобе тбилисских жителей на дороговизну местных вин, что они объясняли отсутствием таксы. В деле — рапорт Завилейского, в котором он высказывался против таксы на вино, как меры, тормозящей виноделие. Кроме того, из дела видно, что ревизующие сенаторы запрашивали сведения о ценах вообще на разные продукты и материалы за время 1826—1830 гг. Срав. Акты VII № 43 (отношение министра финансов Е. Ф. Канкрин Паскевичу 9 декабря 1829 г.), приложение (рапорт Завилейского Канкрину 23 июня 1829 г.).

№ 41. О переселении из Турции христиан; здесь же и по отчету графа Кутайсова бумаги. 15 апреля 1830 г. 123 л.

Дело, главным образом, касается переселения греков и армян на Цалку, а также местных немецких колоний, пострадавших во время последней войны с Ираном. В деле, между прочим: 1) докладная записка Завилейского, исполн. долж. начальника Казенной экспедиции Калиновского, и начальника Конторы управления колониями Ме[н]зенкампра ревизующим сенатором 17 марта 1831 г. о переселенцах, водворенных в окрестностях Цалки; 2) „список всем поселенцам греческим и армянским, водворенным в окрестностях Цалки. Генваря 4 дня 1831 г.“; 3) „ведомость о состоянии колонии Екатериненфельд марта 16 дня 1831 г.“; 4) „рапорт о состоянии колонии Елизабетталь марта 23 дня 1831 г.“; 5) записка ревизующих сенаторов об осмотре названных колоний во время их проезда в крепость Цалку. Срав. Акты VII, № 822 (рапорт Комитета переселения из Турции христиан Паскевичу 28 января 1830 г. и 830), ведомость о числе христианских семейств, перешедших из турецких пашалыков в российские пределы).

№ 9. По предложению В[ерховного] Грузинского П[равительства] Исполнительной Экспедиции о том же было ли каких распоряжений об учреждении при одной типографии на основании рескрипта г. министру финансов 5 августа 1807 года. Дат нет. 30 л.

Начавшееся с так формулированного предложения ревизующих сенаторов Исполнительной Экспедиции, это дело развернулось в дело об учреждении при Исполнительной Экспедиции типографии на русском, грузинском, армянском и татарском языках, и должно быть учтено при изучении истории полиграфического дела в Тифлисе.

IV. Церковная политика

№ 7. Относительно церковных имений в Грузии и присоединенных к ней провинциях. 30 декабря 1830 г. 56 л.

Дело возникло по запросу ревизирующих сенаторов Верховному Грузинскому Правительству — сколько в Грузии и присоединенных к ней провинциях находится церковных имений, где они состоят, каким принадлежат исповеданиям, сколько получается дохода и в каком они к светскому правительству отношении. Можно предполагать, что это дело стояло в связи с имеретинским восстанием 1819—1820 гг., внешним толчком к которому послужила, как известно, церковная реформа в Имеретии второго экзарха Грузии митрополита Феофилакта на началах подчинения имеретинского духовенства и церковных имуществ русскому Синоду. К делу приложены описи крестьянам: 1) принадлежащим иерусалимской церкви гроба господня, проживающим в Рачинском округе; 2) в Кутаисском округе; 3) в Шорапанском округе в сел. Вардзиа; 4) в г. Сигнахи, принадлежащим греческой церкви, зависимой от портомцкого монастыря на Афонской горе (много экономических данных), а также „перечневая ведомость о том, в каком городе, уезде и селении и по сколько деньгами платят подати крестьяне церковные.

№ 45. Касательно иностранных исповеданий в Грузии и в Закавказских областях. Нач. 10 сентября 1829 г. 28 л.

Дело заключает в себе, главным образом, материал по управлению армянской церковью и по взаимоотношениям с эчмиадзинским католикосатом, вопрос о чем получил особую актуальность после утверждения царизма в Армянской области. Срав. Акты VII, № 204—257 („Армянское духовенство“) и в особ. № 221 (отношение статс-секретаря Д. Н. Блудова к Паскевичу 15 марта 1829 г.) и приложения, стр. 270—274 („Историческая записка о патриархах армянского престола в Эчмиадзине“ и „Вопросы, представляющиеся при соображении сведений о порядке управления церкви армянской“).

V. Организация в Закавказском крае государственного контроля

№ 14. Сколько безотчетно израсходовано сумм в продолжение 25-летнего несуществования здесь контроля. 8 апреля 1830 г. 58 л.

Дело возникло по так формулированному запросу ревизующих сенаторов Верховному Грузинскому Правительству. В деле — „Отчет Грузинского Правительства Казенной Экспедиции о приходе и расходе сумм по Грузии с 1814 г. по 1830 год“ с приложениями.

№ 25. О том, сколько было произведено следствий о повсеместных злоупотреблениях чиновников во время бытности здесь военного губернатора ген.-ад. Сипягина. 30 декабря 1830 г. 42 л.

Дело возникло по так формулированному запросу ревизующих сенаторов Верховному Грузинскому Правительству. В деле — большой материал по отдельным случаям злоупотреблений русской царской администрации в Закавказском крае. Срав. Акты, т. VII, № 35.

№ 26. О комиссии, учрежденной для рассмотрения претензий потерпевших разорение при вторжении в наши границы. Началось 15 апреля 1830 г. 95 л.

Дело возникло по запросу ревизующих сенаторов грузинскому гражданскому губернатору: 1) когда открылась комиссия; 2) имеет ли инструкцию; 3) что ею сделано; 4) что замедляет окончание. В деле, кроме „ведомости о решенных и нерешенных делах комиссии“ („учинено июля 10 дня 1830 г.“) — интересный материал бытового характера.

№ 12. По четырем предметам: 1) о хлебной подати, которую жители обязаны доставлять казне; 2) о цене на хлеб во время военных действий; 3) каким образом продовольствовалась здесь армия; 4) о двойной подати, жителями заплаченной. Дат нет. 98 л.

Дело возникло по запросам ревизующих сенаторов Верховному Грузинскому Правительству — „Какое определительное количество жителей Грузии и присоединенных к ней провинций обязано доставлять казне подати хлеба; на каком основании оной собирается; сами ли жители доставляют в назначенные для складки места; где именно и на основании чего отдавался оной на откуп; какие по оному предмету были с откупщиками кондиции; кто заключал и утверждал их, и вследствие сего какое количество хлеба собирали откупщики с жителей. Какой цены стоил жителям хлеб во время военных действий; какое количество суммы положено было платить им за хлеб, покупаемый для продовольствия войск; не за ту же ли сумму они должны были доставлять денежную подать; сколько оной взыскано; кем, когда истреблено сие зло и получило ли оно определенное законом взыскание. В деле — большой конкретный материал по всем этим вопросам, из которого, между прочим, выясняется, как поручение взимать с населения хлеб дворянам и агаларам влекло

за собою усиление крепостных отношений. См. Акты VII, № 35 (всеподданнейший рапорт Паскевича 16 мая 1829 г.) стр. 18—19.

№ 2. О выстроенных военным губернатором Сипягиным казенных зданиях. 15 апреля 1830 г. 19 л.

Дело возникло по запросу ревизирующих сенаторов Верховному Грузинскому Правительству — „Какие именно по распоряжению военного губернатора Сипягина выстроены здания, где они и в каком положении находятся, кто в них помещается, каких сумм стоит постройка оных, были ли сделаны сметы сим суммам, утверждены ли они кем следует, было ли по сим постройкам счетоводство, ревизовалось ли оно, и какие были сей ревизии последствия. Желательно бы знать, по какому основанию и праву главнокомандующий сам собою и без утверждения государя может назначать строения, из какой суммы и откуда он получает деньги на сии постройки. В деле большой материал по истории городского строительства в Тбилиси в начале XIX в., а именно — о постройке: казарм на Авлабаре; кордегардий при московской, кахетинской и эриванской заставах; каменного дома на урочище „Гаджорах“ и сарая за Куками для хранения конгревовых ракет, и перестройки: городской гауптвахты и кордегардии „при Грузинском Правительстве“; флигеля Тифлисского благородного училища, и Орточальского карантин. Срав. Акты т. VIII, № 35.

VI. Имущественные взаимоотношения граждан между собою

№ 32. По записке владельца Мингрелии князя Дадиани о Палеостомском озере. Решено 7 февраля.

Дело имеет своим содержанием тяжбу Левана Дадиани, более 500 лет владевшего Палеостомским озером, с Софией Георгиевной Гуриели, захватившей это озеро в 1827 г., якобы в отместку за то, что не примкнул к ее замыслу отложиться от России. Дело было решено в пользу Дадиани. См. Акты VII, № 329 (отношение Паскевича к военному министру кн. А. И. Чернышеву 30 января 1831 г.).

№ 33. По просьбе жителей Кутаисской округи селения Квачхири о возвращении им земли, отданной во владение французскому консулу Гамбе. Нач. 1 мая; решено. 6 л.

Дело заключает в себе интересный, хотя, по существу, и не отличающийся новизною материал для характеристики хозяйничанья в Имеретии известного „кавалера“ Гамба и отношения к нему властей. Резолюция Кутайсова на эту жалобу была — по наведении спра-

вок, Имеретинскому правлению ничего об этом не известно. Пусть крестьяне обращаются в означенное правление: они получают законное удовлетворение. Срав. Акты VI ч. I, № 845 (рапорт полковника кн. В. О. Бебутова ген.-лейт. И. А. Вельяминову 1-му 30 мая 1822 г.).

№ 34. По просьбе жителей селения Хони Вакинской округи, принадлежащих хонскому св. Георгия монастырю, о земле, завладеваемой князьями Цулукидзевыми. Дат нет. 19 л.

Дело, аналогичное, по своему составу, предыдущему делу № 33 и включает в себе некоторый материал по истории аграрных отношений в Имеретии.

№ 35. По просьбе князей Вакинской округи Сабато и Гогиа Левановых сыновей Гогоберидзевых об отобранном их имении. Началось 24 мая. 22 л.

Дело возникло по иску князей Гогоберидзе о возвращении им десяти крестьянских дворов в сел. „Парцханакави“ (Парцханаканеви), принадлежавших „изменнику“ кн. Ростому Нижарадзе, утвержденных за ними управляющим Имеретией Фед. Фил. Симоновичем в вознаграждение за услуги, оказанные во время восстания, а позднее снова перешедших к наследникам Нижарадзе. Заключение ревизующих сенаторов было: в этом иске князьям Гогоберидзе отказать на том основании, что эти дворы были переданы им не в собственность, но лишь во временное пользование. Помимо характеристики имущественных отношений, дело представляет известный интерес, как отзвук имеретинского восстания 1819—1820 гг. К этой же группе, наконец, может быть отнесено дело

№ 10 — по жалобе гражданина Теймуразова с гражданином Саркисовым о караван-сараях и производстве, по указу Правительствующего Сената о процентах в Грузии. Нач. 22 января 1830 г., конч. 3 марта 1831 г. 90 л.

VII. Злоупотребления властью и ее превышение представителями администрации

№ 3. О смертных казнях, совершенных в мусульманских провинциях. 30 декабря 1830 г. 66 л.

Дело возникло по запросу ревизующих сенаторов Верховному Грузинскому Правительству — „Не совершалась ли в мусульманских провинциях натуральная смертная казнь, когда и кто именно был подвергнут оной, за какое преступление, и кто о сем произносил

приговор, т. е. судебное ли место или местные начальники и на каком основании“. Вопрос касался, главным образом, тех казней, которые произведены при Ермолове без суда в порядке военного управления дагестанским военноокружным начальником генерал-майором К. К. фон-Краббе, командиром Апшеронского полка полковником тбилиским комендантом Дунаевским и майором Ильинским. В деле — ермоловское делопроизводство об этих казнях, пересмотр этого делопроизводства ревизией и мнения по этому вопросу ревизующих сенаторов. Срав. Акты VII, № 49 (отношение Паскевича Кутайсову и Мечникову 30 апреля 1830 г.) и 472 (извлечение из отношения обер-аудитора Кабенина в Канцелярию главноуправляющего в Грузии 21 марта 1831 г.) и Блинов № 4 стр. 296—305.

№ 16. По отношению г. тифлисского военного губернатора относительно увольнения от службы Верховного Грузинского Правительства Казенной экспедиции казначея коллежского асессора Акулова. Дат нет. 25 л.

Военный губернатор обращался к ревизующим сенаторам, испрашивая у них разрешения удалить со службы названного чиновника до окончания ревизии.

№ 24. О тюрьмах по Грузии и о содержании арестантов. Дат нет. 55 л.

Дело возникло по рапорту Завилейского ревизующим сенаторам от 23 сентября 1829 г., в котором указывалось, что для „содержания арестантов гражданского ведомства, кои должны быть разделены сообразно роду их преступления, и присужденные уже к наказанию отдельно от обвиняемых — в городах Гори, Телаве, Сигнахе, Елизаветполе и Душете, словом во всей Грузии нет тюрем, и преступники содержатся на гауптвахтах, весьма дурно устроенных“. В деле два списка от 1 марта 1830 г. — лицам гражданского и военного ведомства, содержащимся в Метехском замке, и лицам гражданского ведомства, содержащимся при тифлисской градской полиции. Срав. Акты т. VII № 40 (всеподданнейший рапорт Завилейского 23 октября 1829 г.), п. 10 (стр. 25) и № 51 (отношение министра внутренних дел гр. А. А. Закревского Паскевичу, 29 июня 1830 г.).

№ 30. По жалобе жителей Кутаисской округи разных селений церковных крестьян на отягощение их излишними повинностями. Дат нет. 11 л.

Дело возникло по жалобе Кутайсову 27 мая 1830 г. жителей селений: Курсеби, Гелати, Моцамети, Набослеви, Чаластави, Шукери, Мандири Цихе, Леквитис-Джвари, Сормони, Риони, Хреси́ли,

Буети, Цухнури (Цхункури), Охомири (Охомура), Ахалдаба, Тхисубани, Гурниси, Сачхети и Висорети на притеснения их местной администрацией, которую поддерживал управляющий Имеретией ген.-майор Гессе. Дело представляет интерес в хозяйственно-бытовом отношении. Срав. Акты VIII № 15 (указ Сената управляющему Грузией бар. Г. В. Розену 7 декабря 1832 г.).

Делу № 30 аналогичны следующие №№:

№ 31. По жалобе Рачинской округи дворян: Церетели, Гоциридзе, Сванидзе, Авальяновых и Георгобиановых о учреждении бывшим рачинским окружным начальником капитаном Соколовым почтовой повинности, для них отяготительной. Дат нет. 10 л.

№ 36. По просьбе казенного крестьянина Петра Бикошвили относительно платы в казну галлы за отведенную ему землю. Нач. 3 мая. 6 л.

№ 40. По жалобе жителей селения „Харпуси“ (Харпухи) о налоге на них, простираемом градскою полициею. Нач. 6 ноября 1830 г. Реш. 11 апреля 1831 г. 8 л., и

№ 43. По жалобе князей Эристовых на военное начальство о разорении их крестьян. Слуш. и реш. 14 ноября 1830 г., слуш. 6 марта 1831 г. 20 л.

Это последнее дело интересно, как характеризующее аграрно-национальные отношения в Южной Осетии и взаимоотношения между местными феодалами и царской администрацией. Срав. Акты VII, № 308 (проект всеподданнейшего рапорта Паскевича 1831 г.) в особ. стр. 382—383.

№ 42. Окончательное производство по делу князя Мадатова. Дат нет. 116 л.

В основе дела — жалоба карабагского хана Мехти-Кули на карабагского военнookружного начальника ген.-лейт. кн. Г. В. Мадатова (тоже карабагский уроженец) в том, что своими притеснениями Мадатов в 1822 г. вынудил хана удалиться в Иран и тем самым лишил его и его родственников пенсии русского правительства. Как видно из заключений Кутайсова, Мечникова и Паскевича, ревизия отнеслась благожелательно к Мехти-Кули, причем его особенно поддерживал Паскевич. Дело, принявшее дипломатический характер, заключает в себе материал, освещающий взаимоотношения закавказских феодалов с русской военной администрацией. Срав. Акты, VIII, № 356 (отношение министра иностранных дел К. В. Нессельроде к главноуправляющему бар. Г. В. Розену 4 июля 1833 г. и прилож.

№ 44. По доносам о беспорядках и злоупотреблениях по Карабагской провинции. Дат нет. 48 л.

Дело возникло по рапорту 25 марта 1828 г. секретаря карабагского комендантского управления Спевачевского, исправлявшему должность карабагского управления, майору Ключи о ревизии им, Спевачевским, карабагского провинциального суда. Большой фактический материал. Срав. Акты, т. VII, № 411 (записка кол. ас. Д. Е. Зубарева о Карабагской провинции; подана Паскевичу 20 апреля 1830 г.) и 413 (записка его же о Карабаге, поданная Стрекалову 10 июня 1830 г.).

№ 48. По доносу отставного поручика Добротворского о злоупотреблениях по Талышскому ханству. Конч. 11 февраля 1831 г. 3 л.

Дело возникло, как видно из заголовка, по доносу Добротворского, ездившего по своим личным торговым делам в Талышское ханство, и включает в себе сообщение о притеснениях местного населения, чинимых управляющим ханством полковником Корниенко, прапорщиком Арбузовым и Мамет-Мирзою (сын иранского наследного принца Аббас-Мирзы). Резолюция ревизующих сенаторов — рассмотреть это дело. См. Акты, т. VII, № 420.

VIII. Борьба с холерою

№ 1. Закрывающее в себе ведомости о действиях болезни холеры, в Закавказском крае свирепствовавшей. 1830 г. 575 л.

Холерная эпидемия началась в Закавказском крае, по официальным сведениям, в августе 1830 г. и прекратилась к концу декабря того же года. Для содействия местным властям по борьбе с нею были привлечены и ревизующие сенаторы — в то время, когда они находились в Главной Квартире для совещания с Паскевичем о новой организации управления Закавказским краем — и был учрежден особый комитет. В настоящем деле — протоколы этого комитета и рапорты с мест о ходе эпидемии, мероприятиях против нее с сообщениями некоторых противохолерных народных средств.

К № 1 ч. 1. О прекращении в Закавказском крае холеры. Дат нет. 521 л.

Здесь бумаги по всеподданнейшему рапорту ревизующих сенаторов об их деятельности по борьбе с холерою.

К № 1 ч. 2. Закрывающее в себе... (повторяется заголовок дела № 1). Дат нет. 238 л.

Здесь — наблюдения некоторых местных врачей над холерной эпидемией.

К № 1 ч. 3. Копии с мнений медиков, в Закавказском крае находящихся, о холере. Дат нет. 147 л.

Срав. Акты VII №№ 163—179 и Блинов № 6, стр. 213—230.

Таков, в беглом очерке, состав дел изучаемого нами фонда. В заключение заметим, что этот фонд далеко не единственный, из которого могут быть извлечены неопубликованные еще архивные материалы о сенаторских ревизиях, в том числе и о ревизии Кутайсова и Мечникова. Касаясь этого вопроса, Блинов в 1911 г. писал: „Сведения о сенаторских ревизиях могут быть почерпнуты: 1) из высочайших указов и повелений, 2) из дел министерства юстиции, 3) из производств департаментов и общих собраний Сената по делам, возникавшим из сенаторских ревизий, 4) из дел о ревизиях, т. е. переписки ревизирующих сенаторов, которая велась ими во время ревизий и сдавалась в архивы по окончании таковых, 5) из рапортов и других бумаг, направляемых нередко сенаторами на имя государя, и мн. др. Первые две категории материалов хранятся в сенатском архиве, и в самое последнее время составлена их опись (перечневая ведомость), которая в значительной мере может облегчить отыскание необходимых сведений. Третья и четвертая категории хранятся, главным образом, в сенатском архиве, но часть их находится в московском архиве министерства юстиции и, по всей вероятности, еще и в других архивах. В первом из указанных архивов имеются недавно составленные описи помянутым делам, во втором таковых нет, и переписка сенаторов, ревизовавших губернии в начале XIX в., хранилась в первобытном состоянии в тюках, запечатанных еще со времени их сдачи в архив канцеляриями сенаторов, пока эти дела не понадобились составителям истории Сената. Пятая категория хранится, главным образом, в архиве собственной его императорского величества канцелярии“¹. Сенатский архив, равно как и архив собственной е. и. в. канцелярии, в настоящее время — в первой секции (политики, культуры и быта) Исторического Архива в Ленинграде. Об обоих этих архивах см. Архивы СССР; ленинградское отделение центрального исторического архива стр. 28—31 и 35, Леноблиздат 1933 г. Московский архив министер-

¹ История Сената, т. III, стр. 618, прим. 2.

ства юстиции в настоящее время — в Государственном Архиве Феодалной и Крепостнической Эпохи в Центральном Историческом Архиве в Москве; об этом архиве см. Памятную книжку Московского Архива Министерства Юстиции. М. 1890 г. Из „других архивов“, о чем говорит Блинов, материал по ревизии Кутайсова и Мечникова может найтись в архиве Главного управления наместника кавказского (прежде всего в делах Исполнительной экспедиции Верховного Грузинского Правительства), который в настоящее время — в Главном Историческом Архиве Центрархива Грузинской ССР в Тбилиси; об этом последнем архиве см. нашу статью „ძირითადი ისტორიული არქივი“ („Главный Исторический Архив“ на грузинском языке; в приложении — обзор фондов по-русски) в „საქართველოს არქივი“ (Архив Грузии) 1927, III. თბილისი (Тбилиси).

Систематические и углубленные розыскания во всех названных архивах могут дать богатый и свежий материал для реконструирования ревизии Кутайсова и Мечникова, этого интересного момента в истории становления колониального режима русского царизма в Закавказском крае.

С. Б е р а д з е

О марксистской теории денег

Теория денег есть часть политической экономии. Выражая овеществленные производственные отношения людей в буржуазном обществе, деньги являются мощным орудием эксплуатации рабочего класса и трудящихся. Совершенно очевидно, что в проблеме денег и денежного обращения переплетены интересы различных социальных направлений. Деньги служат орудием классовой борьбы. Они служат сильнейшим орудием в борьбе классов за выгодное распределение классом всех богатств.

В проблеме денег перекрещиваются все основные экономические связи, вытекающие из анархического капиталистического хозяйства. Поэтому пестрота хозяйственной жизни и противоположность классовых интересов находят свое отражение в теориях денег.

Буржуазные теории денег, ввиду их буржуазной ограниченности, оказываются неспособными вскрыть смысл реальной действительности. Только марксистская теория денег, изображая объективную реальность, является одним из орудий для анализа физиологии буржуазного общества. Научность всякой теории вообще, как и любой теории денег, нужно определить ее способностью изображать объективную реальность. По Гегелю же все, что происходит, происходит только в его мышлении. „По Гегелю все то, что совершалось и еще теперь совершается, есть в сущности лишь то, что происходит в его собственном мышлении“¹. Изображать действительную объективную реальность, осветить путь практике—есть задача теории.

В буржуазном обществе политэкономия имеет дело с экономическими категориями данного общества. Реальная действительность капиталистического хозяйства выражается в форме общественно-производственных отношений, связанных материальным производ-

¹ К. Маркс, „Нишета философии“, изд. 1918 г., стр. 114.

ством. „Экономические категории суть ничто иное, как теоретические выражения, абстракции общественных отношений и производства“¹. Товар, деньги, прибавочная стоимость и все экономические категории выражают в буржуазном обществе отношения людей по производству. „Категории выражают формы бытия, условия существования... этого определенного общества“².

При исследовании проблемы денег нужно строго поставить вопрос перед любой теорией денег: насколько верно изображает она те действительные процессы, которые скрываются за явлениями буржуазного общества. И вскрывает ли она, устанавливает ли она настоящие экономические законы, имманентно присущие буржуазному обществу. Как мы ниже увидим, буржуазные теории денег оказываются бессильными ответить на поставленные вопросы. И только Марксу обязаны мы открытием действительно подлинной теории денег.

В анализе форм стоимости товара Маркс показал впервые, что развитие процесса форм стоимости завершается выделением из товарного мира одного товара, всеобщего эквивалента. Товар этот — всеобщий эквивалент и есть деньги. Развитие форм стоимости выражает собой развитие противоречия. Нарастающее противоречие в одной форме находит свое разрешение в последующей форме. Разрешение противоречия в одной форме стоимости обуславливает углубление противоречий в другой форме стоимости. И, наконец, в денежной форме стоимости происходит выделение из товарного мира одного товара — всеобщего эквивалента. „Деньги уже заключаются в зародышевом состоянии, — говорит Энгельс, — в понятии «стоимости», они являются лишь развившеюся ее формой“³. При обмене товары непосредственно противостоят друг другу, как потребительные стоимости. Потребность дать товару внешнее выражение своей стоимости — формы для воплощения его стоимости — удовлетворяется раздвоением товара на товар и деньги. Следовательно, деньги есть результат раздвоения товара на товар и деньги. Они неразлучны и предполагают друг друга подобно относительной и эквивалентной форм стоимости. Они оба одного и того же происхождения; оба они заключают в себе определенное количество общественно необходимого труда. Таким образом, возникновение денег связано с возникновением товара. Поэтому у К. Маркса анализ денег непосредственно связан с анализом товара.

¹ К. Маркс, „Нищета философии“, изд. 1918 г., стр. 114.

² К. Маркс, „К критике полит. экономии“, изд. 1931 г., стр. 76.

³ Ф. Энгельс, „Анти-Дюринг“, изд. 1928 г., стр. 294.

Аристотель, а также и главный представитель английской буржуазной классической политэкономии А. Смит неправильно толковали вопрос о происхождении денег. Они считали, что деньги являются результатом договора, соглашения людей. По учению К. Маркса деньги вовсе не являются продуктом договора и возникли они в меновом процессе. Только марксистская политэкономия дает исчерпывающее понятие о природе и генезисе денег.

Как известно, в конце XVIII столетия довольно широкое распространение имела буржуазная теория денег Юма. Юм, период деятельности которого совпадает с периодом разложения меркантилизма, ведет горячую полемику против субстанционной стоимости денег. Меркантилисты же доказывали, что деньги — единственное богатство страны. Они стремились к увеличению накопления богатств только в форме денег. Теоретики меркантильной школы обычно исходили из устойчивой стоимости драгоценных металлов. Они считали драгоценные металлы самым лучшим товаром для выполнения роли всеобщего обмена. Меркантилисты, доказывающие, что деньги — единственное богатство страны, пришли к смешению „денег, как формы капитала и денег, как орудия обращения“. Меркантильная теория денег более не соответствовала развивающемуся тогда капиталистическому хозяйству. От денег требовали, чтобы они стали орудием более интенсивной эксплуатации рабочих и трудящихся. Для этого нужно было отрицание денег, как единственного богатства страны, нужно было считать устойчивую стоимость драгоценных металлов фиктивной. Товарно-металлическая субстанционная стоимость денег была отвергнута новой теорией денег. Представителем этой новой буржуазной теории денег как раз и является Юм. Возросшая реакция против меркантилизма, против теории торгового баланса в корне отвергла взгляды меркантилистов, что только от ввоза драгоценных металлов может выиграть страна. Юм, в споре с меркантилистами, доказывает, что для страны ввоз и вывоз товаров одинаково выгодны. Юм, подобно Кенэ, доказывает бесплодность богатства в денежной форме. Юм доказывает, что к золоту и серебру можно было бы примешивать менее драгоценные металлы и „они удовлетворяли тем же потребностям обмена“. Деньги для Юма это — лишь средство для облегчения обмена. Отрицание собственной стоимости денег приводит Юма к сведению денежных металлов к фиктивной их стоимости. Он не понимает функции денег — мерила стоимости. Деньги для него — простые счетные знаки для облегчения обмена. Теория денег Юма, представляющая собой смесь количественно-номиналистической теории денег, приводит Юма к нелепому выводу, что „товары вступают в обращение без цены, а

золото без ценности". Юм не проводит различия между металлическими и бумажными деньгами. Юм не смог дать подлинной теории денег, он не смог проникнуть в природу денег.

Главный представитель буржуазной классической политэкономии Смит в вопросе происхождения денег допускает дуализм. Он деньги считает результатом соглашения людей, а затем результатом развития товарного обмена. Смит и Рикардо, оторвав качество от количества, выхлостив адекватное свойство денег, рассмотрев деньги как простой товар, „пытаются найти имманентное мерило стоимости". Они видят в деньгах „неизменное мерило стоимости". Рикардо доказывает, что деньги имеют адекватную стоимость, но эта стоимость может изменяться количеством находящихся в обращении денег. Классики буржуазной политэкономии занимались исследованием лишь одной стороны — формы всеобщего эквивалента. Игнорируя качественную сторону дела, они все свое внимание уделяют количественной пропорции обмена товара на деньги.

Рикардо, как и Смит, деньги считает орудием для облегчения обмена. Рикардо не мог объяснить главной функции денег — мерила стоимости. Он смог только поставить этот вопрос, говоря, что „труд есть общая мера, с помощью которой могут быть определены как действительная, так и относительная их ценность"¹. Однако это не выручает Рикардо, у него остается необъяснимым вопрос, почему при наличии труда все же необходимо внешнее мерило стоимости — деньги. Дальше, при определении количества денег, он исходит, главным образом, из стоимости денег, а стоимость денег, по мнению Рикардо, зависит от количества денег и этим развивает количественную, неправильную теорию денег. Корни непонимания им природы денег кроются в его незавершенной теории стоимости. Он не понимал специфической формы труда, не понимал двойственности труда, заключенного в товаре при буржуазном обществе. Не понимал, как отдельный частный труд превращается в свою противоположность, в абстрактно-всеобщий труд. Не поняв этих вопросов, он так и не мог понять сущности денег. Маркс пишет: „Чего Рикардо не исследует, это особая форма, в которой представлен труд, как единство товаров"². Для понимания денег нужно было вскрыть двойственный характер заключающегося в товаре труда, вскрыть противоречие между стоимостью и потребительной стоимостью товара. Рикардо не смог этого сделать.

Итак, и классики буржуазной политэкономии не сумели проникнуть в сущность денег, не смогли вскрыть тех закономерностей, ко-

¹ Рикардо, „Принципы полит. экономии", изд. 1924 г., стр. 107.

² К. Маркс, „Теории приб. стоимости", изд. 1923 г., т. III, стр. 117.

торые обусловили происхождение и развитие денег. Только Марксова теория денег дает возможность понять природу, сущность, место и роль денег.

Начнем с фетишизма денег. Выше мы говорили, что деньги есть товар, выполняющий роль всеобщего эквивалента. Деньги — это не простой товар, товар этот выделен другими товарами для воплощения стоимости этих товаров. Деньги есть особый товар. Имея особую общественную потребительную стоимость, деньги в любое время могут превращаться в любую потребительную стоимость. Товары, выходя на рынок, встречаются с деньгами и „без всякого содействия, — говорит Маркс, — находят воплощение своей стоимости, как нечто готовое, как существующее вне их и наряду с ними особое товарное тело“. Обмениваясь на любой товар, внешне кажется, что деньги обладают какой-то таинственной способностью. Товары выражают свою стоимость в деньгах, деньги сделались общественным эквивалентом, в буржуазном обществе на деньги можно купить почти все; поэтому создается иллюзия, будто эти общественные свойства деньгам присущи от природы. Как-будто не товар становится деньгами для выражения стоимости других товаров, а, наоборот, товары выражают в деньгах свою стоимость, потому что они — деньги. Таким образом, в буржуазном обществе человек становится зависимым от денег, от золота. Этот фетишизм денег усугубляется еще дальше и тем, что причину своего благосостояния товаропроизводитель ищет в самих вещах. Всемогущество денег он приписывает естественным свойствам вещи. Ему кажется, что золото и серебро по природе — деньги. Против такого ложного представления об естественных свойствах вещи Маркс говорит: „Золото и серебро не суть по природе своей деньги, но деньги по своей природе суть золото и серебро“¹. Волшебный характер золота и его могущество приписываются естественным свойствам вещи. Совершенно очевидно, почему эти вещи становятся для буржуа логическими, надисторическими понятиями. Маркс доказал, что всемогущество золота зависит не от естественных качеств, а от характера самого общественного строя. Деньги в буржуазном обществе выражают собой овеществленные, общественно-производственные отношения. Деньги — категория историческая.

В основе денежного фетишизма, как и товарного фетишизма, лежит одно и то же явление — „овеществление производственных отношений, принимающих форму свойств вещей“. Денежный фетишизм является дальнейшим развитием товарного фетишизма. Денежный фетишизм дает о себе знать больше, чем товарный фетишизм. „Та-

¹ К. Маркс, „К критике полит. экономии“, изд. 1930 г., стр. 225.

ким образом, — говорит Маркс, — загадка денежного фетишизма, есть загадка товарного фетишизма вообще; в деньгах она лишь бросается в глаза и слепит взор“¹.

Понять деньги можно было после анализа товара, после вскрытия заключающегося в товаре свойственного характера труда. А вскрыть противоречие товара нельзя было помимо обращения. „В обращении продукт впервые развивается как меновая стоимость, как товар и деньги“².

Отрвав процесс производства от процесса обращения, буржуазные экономисты не могут понять происхождения и сущности денег. Происхождение денег из товара, по учению Маркса, предрешает вопрос об особых формах денег, в котором находят отражение развивающиеся отношения товарного хозяйства. Буржуазные теории денег обнаружили полное непонимание в различных функции денег. Дошли даже до того, что сущность выводили из функции денег. Ведь сущность—это есть содержание денег, а функция денег есть форма проявления содержания. Сущность и функция денег представляют собой диалектическое единство. Сущность денег определяется „понятием их происхождения из товара“, тогда как разные функции денег „вырастают непосредственно из обмена товаров“³. Поэтому можно подчеркнуть, что не сущность денег вытекает из их функции, а, наоборот, функций денег вытекают из сущности денег. Функций, как формы проявления сущности денег, исторически вместе с тем являлись и формами выражения различных ступеней развития товарного производства. В простой форме стоимости мы имеем только „зародыш денежной формы“.

Во всеобщей форме мы имеем уже зрелую денежную форму. „Всеобщая форма стоимости, — говорит Маркс, — превращается в денежную форму“⁴. Следовательно, во всеобщей форме стоимости окончательно решается вопрос о выделении денег, обусловленном разделением товара на товар и деньги. Маркс пишет: „В той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги... Задача эта решается окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги“⁵.

Деньги есть товар, но этого мало. Классики буржуазной политической экономии допускали ошибку, считая деньги простым товаром. Они

¹ К. Маркс, „Капитал“, т. I, изд. 1923 г., стр. 61.

² К. Маркс, „Капитал“, т. III, ч. I, изд. 1927 г., стр. 252.

³ К. Маркс, „К критике полит. экономии“, изд. 1930 г., стр. 130.

⁴ К. Маркс, „Капитал“, т. I, изд. 1923 г., стр. 38.

⁵ Там же, стр. 55.

не могли понять, почему именно с этим товаром срastaется общественная эквивалентная форма стоимости. Деньги не есть простой товар — деньги есть особый товар. Если бы деньги были простым товаром, тогда почему становится необходимым выделение из „товарного мира“ определенного товара для выполнения роли денег, почему каждый товар не выступает в качестве денег в процессе обмена. Этот вопрос классики обходят молчанием. И только в учении Маркса находим мы правильное решение всех этих вопросов.

Как известно, „привилегированное место“ денег заняло золото, которое, впоследствии апологеты буржуазии обожествили, приписывая всемогущество его естественным свойствам. „Специфический товарный вид, — говорит Маркс, — с натуральной формой которого общественно срastaется эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве денег... Это привилегированное место среди товаров завоевал в истории определенный товар, именно золото“¹. Когда этот же особый товар — золото в качестве денег вступает в обращение, то его стоимость уже дана. Стоимость золота, как и всякого другого товара, определяется общественно-необходимым рабочим временем, требующимся для его производства; значит, золото, подобно другим товарам, может относительно выразить свою собственную стоимость в других товарах. Вступая в обращение, золото, в качестве денег, противопоставляется как меновая стоимость потребительной стоимости товаров. Маркс говорит, что в обращении в качестве денег фигурировали и другие менее драгоценные металлы, как-то медь, серебро, но раз их место завоевал более драгоценный металл — золото, то мы в качестве денег для капиталистических стран примем золото².

Анализ функций денег показывает, что каждая функция неразрывно переплетается с другой функцией, каждая функция последовательно следует за другой, каждая вытекает из предыдущей. Сущность денег проявляется во всех их функциях. Поэтому нельзя оторвать одну функцию от другой. Маркс пишет: „Главная трудность в анализе денег преодолена с того момента, когда понято происхождение их из самого товара. При этом условии остается еще только понять в их чистом виде определенности формы, присущие самим деньгам“³. Маркс настойчиво подчеркивает необходимость понимания формы, т. е. функции денег. Следовательно, нужно раскрыть и понять определенность и в форме денег, которая особенно затрудняется тем, что в товарном хозяйстве производственные отноше-

¹ К. Маркс, „Капитал“, т. I, изд. 1923 г., стр. 37.

² Там же, стр. 94

³ К. Маркс, „К критике полит. экономии“, изд. 1930 г., стр. 130.

ния людей выступают как денежные отношения в „позолоченном или посеребренном виде“.

Функций денег следует разбирать под углом зрения проявления в них сущности денег. Значение функций денег — мерило стоимости. В капиталистическом хозяйстве люди вступают в отношения между собой несознательно, „помимо своей воли и сознания“. Производственные отношения людей осуществляются там только посредством вещи, а потому эти отношения носят вещный характер, вещные же производственные отношения осуществляются, главным образом, через деньги. Различные функции денег выражают различные стороны овеществленных производственных отношений. „Первая функция, — говорит Маркс, — состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения его стоимости“. Первая основная функция золота в качестве денег, состоит в том, чтобы в нем выражали свою стоимость товары. Деньги тут являются мерой стоимости, в чем и заключается их основная функция. Деньги выступают как „внешняя форма связи“ между разрозненными товаропроизводителями. Такова форма связи, присущая противоречивой системе капиталистического хозяйства. Неправильной является ложная трактовка, будто только деньги делают товары соизмеримыми. Если товары сами по себе несоизмеримы, то тогда нельзя было-бы их приравнять и к деньгам. Товары и деньги соизмеримы потому, что и те, и другие являются стоимостями, являются продуктами труда. Следовательно, мерилом стоимости является лишь общественно-абстрактный труд. Деньги, как мера стоимости, служат формой проявления „имманентной товарам меры стоимости рабочего времени“¹. Выражение стоимости товара в денежных единицах металла есть „денежная форма стоимости“, или, что то же самое, цена товара. Цена, как денежное выражение стоимости товара, есть не внутреннее свойство стоимости товаров, а внешнее ее выражение. Цена, или „денежная форма стоимости“, есть лишь витающая в представлении идеальная форма. Маркс говорит: „Свою функцию меры стоимости деньги выполняют как мысленно представляемые или идеальные деньги“². И на самом деле: ведь ни один товаровладелец не знает, когда он продаст и получит за свой товар деньги. Однако, нельзя усомниться в том, что товаровладелец, не дожидаясь превращения своего товара в деньги, не получив еще ни одной копейки за него, уже заранее „придал их стоимости форму цены“. Значит, не получивши реально ни одной копейки, он может идеально выразить свои товары в деньгах на це-

¹ К. Маркс, „Капитал“, т. I, изд. 1923 г., стр. 60.

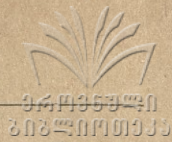
² Там же, стр. 64.

лые тысячи. Но как бы идеально ни выражались стоимости товаров в деньгах, цены их полностью зависят от реальных денег. Товары выражают свои стоимости в золоте идеально, но при этом надо отметить, что эта идеальность есть отражение действительной реальности. Маркс подчеркивает, что за „идеальным скрывается реальная, звонкая монета“. В обмене товарные цены выражаются в различной величине золота. Отсюда возникла необходимость сведения деления золота на отдельные фиксированные (с названием) величины, как единиц измерения стоимости.

Деление золота на различные весовые единицы делает возможным образование масштаба цен. Маркс подчеркивает, что „готовые названия весового масштаба при металлическом обращении всегда образует первоначальное название денежного масштаба или масштаба цен“. Следовательно, для сравнения товаров с золотом, в котором отражается стоимость товаров, нужно найти единицу измерения стоимости. Такими измерителями исторически были весовые меры золота. Впоследствии, например, унции золота легально разделяются на отдельные части и эти части золота при своем „крещении“ получают названия: фунт стерлингов, таллер, рубль и т. д. Эти отдельные части золота служат единицей денежной меры. Клеймение отдельных единиц, кусков металла превращает их в монету (к которой мы еще вернемся).

В процессе развития денежного обращения денежные названия веса металла постепенно отделялись от их первоначальных весовых названий. Однако, это не мешало этим установленным единицам меры стоимости служить в качестве масштаба цен. Нельзя свести функцию меры стоимости к масштабу цен. Буржуазная количественная теория денег не видит в деньгах функции меры стоимости. Буржуазная государственная теория денег, подобно количественникам, абсолютно исключает из своей концепции как адекватную стоимость денег, так и их первую функцию — мерило стоимости. Мерой стоимости деньги являются, говорит Маркс, „как общественное воплощение человеческого труда, масштабом цен — как фиксированный вес металла“¹. Итак, ошибаются те „теоретики“, которые отождествляют меру стоимости с масштабом цен. Здесь же следует отметить, что повышение или понижение стоимости золота не может затронуть функции меры стоимости. От повышения или понижения стоимости золота, по Марксу, товары выражали бы свои стоимости „то в более низких, то более высоких золотых ценах, чем выражалось раньше“. Цена товара не совпа-

¹ К. Маркс, „Капитал“, т. I, изд. 1923 г., стр. 65.

дает со стоимостью, она колеблется вокруг стоимости и бывает то выше, то ниже ее. Против такого объяснения цены и стоимости возражали многие, упрекая Маркса в том, что, якобы, ему не удалось раскрыть и показать сущности явления. Эти обвинения, направленные против Маркса, неправильны, ибо характер вышеназванной формы вытекает из анархического характера капиталистического хозяйства. Маркс пишет: „И здесь нельзя видеть недостатка этой формы, наоборот, эта отличительная черта делает ее наилучше приспособленной к такому способу производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос...“¹. Возражают также и против трудовой теории стоимости, что есть ряд товаров, которые не имеют стоимости, но имеют цену, например, совесть и т. д. Надо заметить, что цена таких „товаров“ — мнимая, кажущаяся цена, без содержания. Маркс говорит: „Вещь формально может иметь цену, не имея стоимости. Выражение цены здесь является мнимым, как известные величины в математике“².

Функция денег — мерило стоимости — обуславливает вторую функцию: деньги — средства обращения. Противоречие товара не разрешается в функции денег — мерило стоимости, хотя предпосылки для разрешения уже намечены. Противоречие товара находит свое разрешение в обмене, которое совершается через функцию денег — средства обращения. Эта функция денег выражает собой процесс дальнейшего развития производственных отношений товаропроизводителей. В обмене происходит реализация стоимости товара, до сих пор идеально выражающейся в цене. Эта вторая функция денег, как средства обращения, завершает первую функцию денег. Если в первой функции товарные цены выражались в деньгах идеально, то во второй функции цены реализуются в реальные цены. В процессе обмена, до сих пор мысленно фигурировавшие, как идеальные названия цен товаров, деньги проявляются в настоящие, реальные деньги. Общественная связь разрозненных товаропроизводителей проявляется в купле и продаже. Эти отношения овеществляются в деньгах. Эти производственные отношения осуществляются мимолетно, в один миг, но воспроизводятся моментально же, поскольку отдельные акты обмена повторяются в обращении бесконечно. Продажа и купля товаров распадается на две стадии: движение товаров и движение денег.

В обмене обнаруживается двойственный характер заключающегося в товаре труда. Принимая золото как денежный материал, Маркс пишет: „Товар реально есть потребительная стоимость, его

¹ К. Маркс, т. I, изд. 1923 г., стр. 70.

² Там же, стр. 70.

бытие, как стоимости, идеально существует в цене, которая выражается в противостоящем товаре золоте, как реальном образе его стоимости... Золото реально есть меновая стоимость. Его потребительная стоимость лишь идеально обнаруживается в ряду относительных выражений стоимости¹. Итак, если товар реально есть потребительная стоимость и бытие его как имеющей стоимость выражается в золоте, то золото, например, реально есть меновая стоимость, потребительная стоимость которого обнаруживается в выполнении различных функций денег.

Поэтому потребительная стоимость золота, как денег, есть общественная, особая потребительная стоимость, которая определяется его меновой стоимостью. Противоречие товара первоначально обнаруживается в метаморфозе. Первая стадия метаморфозы, это — продажа = Т—Д; вторая — купля = Д—Т. Результатом этого кругооборота является Т—Т, т. е. „продажа ради купли“. Первое и главное затруднение для товаровладельца, это — превращение своего товара в деньги. Его собственный товар для него представляет меновую стоимость и чтобы обменять на деньги, его товар должен представлять для владельца денег потребительную стоимость. Затраченный на товар труд должен выглядеть в общественно-полезной форме. Рабочее время, содержащееся в товаре, должно принять форму общественного рабочего времени. Словом, частный труд должен превратиться в противоположный себе общественный труд. А это самый трудный момент, „смертельный прыжок“ для продавца. Совершив первую стадию метаморфозы — Т—Д, этим самым разрешается заключающееся в товаре противоречие, но такое противоречие воспроизводится и нарастает в бесчисленно вновь создающихся товарах. В этой стадии метаморфозы Т—Д товар превращается „из мысленно представляемого золота в золото действительное“. Т—Д является первой метаморфозой для товаровладельца и второй метаморфозой для владельца денег, если только он не золотопромышленник.

Д—Т есть вторая метаморфоза, а это значит, что владелец денег уже проделал первую, самую трудную метаморфозу. Получив деньги за товар, он доказал, что сделал потребительную стоимость для других. Вторая метаморфоза Д—Т — покупка особых трудностей собой не представляет. В руках товаропроизводителя имеются вырученные за свой товар деньги и он может без затруднений превратить эти деньги в товары. Эта вторая метаморфоза Д—Т есть первая метаморфоза для какого-нибудь другого товара. Деньги же, являясь последним пунктом первой метаморфозы, становятся исход-

¹ К. Маркс, „Капитал“, т. I, изд. 1923 г., стр. 72.

ным пунктом для второй метаморфозы. Кругооборот, описываемый каждым отдельным товаром, переплетается с кругооборотом других товаров. Этот процесс является обращением товаров. Если обмен товара на деньги есть единичный акт, то обращение товаров представляет собой процесс повторения таких актов. Метаморфоза, содержащая в себе полный кругооборот Т—Д—Т, представляет собой „многообразие в единстве“. Каждая стадия метаморфозы характеризует определенный для этой стадии момент взаимоотношений товаропроизводителей. А взятые в целом обе стадии представляют собой единство противоречий. Мы не можем рассматривать в равновесии куплю-продажу. Ведь за продажей может не последовать купля. Товаропроизводитель может вырученные из продажи товаров деньги превратить в сокровище, или во что ему угодно. Разрыв между продажей и куплей создает возможность кризисов и эта возможность превращается в действительность только в капиталистическом хозяйстве. Рикардо не мог понять сущности процесса товарообращения. Товарообращение он понимал только как простой обмен, где за продажей непременно последует купля. Этот процесс рассматривался в равновесии, где „продажа есть купля“. Отсюда Рикардо и вообще теоретики буржуазного строя делали вывод, что экономических общих кризисов быть не может. Они не могли понять, что за продажей обязательно не последует покупка, что тут возможен разрыв, что и тут вскрывается основное противоречие капиталистического хозяйства: общественный характер производства и капиталистический характер присвоения. Маркс пишет: „Разделение в меновом процессе покупки и продажи, разрывая местные, естественно выросшие, традиционно-благочестивые, наивно-нелепые границы общественного обмена веществ, вместе с тем представляет собою всеобщую форму разрыва связанных друг с другом моментов этого общественного обмена веществ... и противопоставления их друг другу... представляет собою всеобщую возможность торговых кризисов“¹.

Обращение денег в корне отличается от обращения товаров. Товар в результате своего кругооборота возвращается к своему исходному пункту, т. е. выпадает из сферы обращения товаров и попадает в сферу потребления, тогда как деньги в процессе обращения, переходя из рук одного товаропроизводителя в руки другого товаропроизводителя, постепенно все больше и больше удаляются от своего исходного пункта. В обращении реализуется особая, общественная потребительная стоимость денег, они „приводят в движение товары“. Отсюда возникла иллюзия, будто деньги делают

¹ К. Маркс, „К критике полнт. экономии“, изд. 1923 г. стр. 163.

товары соизмеримыми, но это неправильно. Товары сами соизмеримы между собою, как „кристаллы труда“; в движении денег, как говорит Маркс, лишь выражается обращение товаров. Функция средств обращения деньгам присуща потому, что они представляют „стоимость товаров, принявшую обособленную форму“. Ввиду того, что одна и та же единица денег реализует цены различных товаров, поэтому, находясь в движении, деньги совершают большее или меньшее число оборотов. Отсюда вытекает необходимость определения при обращении товаров необходимого количества денег. Сумма цен товаров и быстрота оборота денег определяют собой необходимое количество денег. Значит, необходимое количество денег равняется сумме цен товаров, деленной на число оборотов одноименных монет. „Этот закон, — говорит Маркс, — имеет всеобщее применение“. Три фактора определяют необходимое количество средств обращения: движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег, которые не находятся постоянно в одинаковых отношениях. Они движутся в разных направлениях и изменяются в различных пропорциях. Например, если товарные цены не изменяются, а масса обращающихся товаров увеличивается, это может вызвать увеличение средств обращения. Масса средств обращения может увеличиться, если уменьшается быстрота оборота и т. д. Итак, из вышесказанного видно, что не количество находящихся в обращении денег определяет цены товаров, а, наоборот, сумма цен товаров определяет собой необходимое количество денег в обращении. Это особенно нужно подчеркнуть потому, что ряд современных буржуазных экономистов доказывает обратное, будто количество находящихся в обращении денег определяет собой цены товаров. Это совершенно ложное представление, по существу не дающее возможности объяснить необходимое количество средств обращения.

В своем развитии функция денег, как средство обращения, требует, чтобы в обращении имелась монета — фиксированный вес металла. Чеканкой монет обычно может заниматься государство. При чеканке монеты полновесны и полноценны. Однако, вследствие стирания, они превращаются „в идеальные призрачные тела“. Они лишь символы золота, они неполноценны. Отсюда вытекает, что вместо золотой монеты могут фигурировать вещи, не имеющие своей стоимости. Например, бумажные деньги. Тут уже, как говорит Маркс, „монетное существование золота окончательно отделяется от субстанции его стоимости“. Бумажные деньги представляют знак золота и, поскольку они представители определенного количества золота, постольку они делаются знаками стоимости. При выпуске

бумажных денег устанавливается такое их количество, какое количество золота было бы необходимо для обращения.

Бумажные деньги представляют необходимое для обращения количество золота. Положим, для обращения требуется только один миллион денег, а в обращении фигурирует два миллиона бумажных денег; тогда вся эта масса бумажных денег будет представлять стоимость одного миллиона. В таком случае курс бумажных денег упадет, а масштаб цен товаров увеличится в два раза. Бумажные деньги в буржуазном обществе являются знаками стоимости. Они замещают золото только лишь в обращении, своей же собственной стоимости у них нет. „Количество бумажных билетов,—говорит Маркс,—определяется количеством золотых денег, которое они замещают в обращении, а так как они являются знаками стоимости лишь постольку, поскольку они замещают деньги, то стоимость их определяется просто их количеством“¹. Если золотые деньги могут выйти из обращения и превратиться в сокровище, то бумажные деньги не выходят из обращения. А это еще больше усугубляет при чрезмерном выпуске инфляцию денег. Однако, адекватный закон товарообращения, а, с другой стороны, давление со стороны трудящихся масс вынуждает буржуазные правительства положить конец дальнейшей эмиссии и выйти из состояния инфляции.

Бумажные деньги не могут образовать сокровище. Функция денег—образование сокровища—возлагается всецело на золото. В процессе кругооборота, когда продажа не дополняется покупкой, между этими фазами происходит перерыв. А это значит прерывается обращение денег и тут, застревая в кубышке товаропродавца, деньги превращаются в сокровище. Деньги, как сокровище, перестают быть средством обращения. Одна функция денег противоречива другой функции. Первую функцию — мерило стоимости — деньги выполняют идеально, во второй функции они замещаются денежным знаком, в третьей функции золото выступает „в своей золотой плоти“. С возникновением сокровища возникает и развивается тенденция — накапливать деньги. Вырученные от продажи деньги застывают в виде сокровища, товарная форма товаровладельца заменяется денежной формой. Однако, личные потребности, равно как и потребности производства, не могут ждать, когда предприниматель продаст свой товар. А это вынуждает его купить товар, не дожидаясь продажи своего товара. Для этого он должен иметь денежный резерв, „общественно признанный залог“, и достать оттуда деньги. Такой моментный резерв нужно отличать от сокровища. Ведь в последнем

¹ К. Маркс, „К критике полит. экономии“, изд. 1930 г., стр. 187.

деньги более длительное время застревают, замораживаются. Здесь „деньги окаменевают, — как говорит Маркс, — в виде сокровища и продавец товаров становится собирателем сокровища“¹. Приведенное, таким образом, в неподвижное состояние золото и есть сокровище. Во время увеличения спроса на деньги сокровище представляет собой скрытый, незаметный источник денег. Монетный резерв составляет часть находящихся в обращении денег и не следует смешивать этот резерв с сокровищем. Превращение денег в сокровище больше соответствует ранней стадии развития товарного производства.

На известной ступени своего развития товарное производство обусловило возникновение функции денег, как платежного средства. Появление этой функции есть показатель углубления противоречия между продавцом и покупателем, между должником и кредитором. Обзоры прошлой истории человечества показывают нам, как классовая борьба развивалась в форме борьбы между должником и кредитором, как должники, потерпевшие поражение в этой борьбе, превращались в обломки. „Здесь, — говорит Маркс, — лишь отражает в себе антагонизм глубже лежащих экономических условий жизни“². С развитием товарного хозяйства меняется характер меновых отношений. Товары начинают продавать в кредит, делают отсрочки уплаты денег. Один товаровладелец продает наличный товар, тогда как другой покупает не на наличные деньги. Покупатель, как представитель будущих денег, обязывается уплатить в установленный соглашением срок и является должником, продавец же товара становится кредитором. Деньги же, отсутствуя при сделке, появляются при наступлении срока платежа, становятся платежным средством. Деньги, как платежное средство, без участия самих себя во время сделки, осуществляют переход товаров из рук в руки. При этом, являясь мерой стоимости, деньги начинают функционировать как идеальное платежное средство. При наступлении срока платежа это идеальное платежное средство превращается в реальное. Здесь, переходя из рук должника в руки кредитора, деньги реально участвуют, вступают в обращение, тогда как при заключении сделки они отсутствовали. При заключении сделки вместо денег непосредственным звеном между продавцом и покупателем является платежное обязательство. Но так как долг погашается деньгами, поэтому совершателем сделки являются деньги. Это вынуждает должника накапливать деньги перед сроком уплаты. Однако, это в корне отличается от собирания сокровищ. Если сокровище образовалось вследствие разрыва метаморфозы на первой

¹ К. Маркс, „Капитал“, т. I, изд. 1923 г., стр. 98.

² Там же, стр. 104.

фазе и деньги были извлечены из обращения, то средство платежа вступает в обращение, когда товар давно уж вышел из обращения. „В то время, — говорит Маркс, — как собирание сокровищ, как самостоятельная форма обогащения, исчезает, вместе с развитием буржуазного общества, оно, наоборот, растет вместе с последним в форме накопления резервного фонда платежных средств“¹.

С появлением кредита изменяется количество необходимых для обращения денег, ввиду продажи товаров в кредит без наличных денег, ввиду взаимопогасающихся платежей между товаропроизводителями. При функции деньги — средство платежа деньги выступают не как средство обращения, не как посредник в обмене веществ, „а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар“². Покупая товар в кредит, покупатель становится должником, принимает на себя обязательство уплатить через определенное время известную сумму денег кредитору. Это отношение кредитора и должника внешнее свое выражение находит в появлении векселя. При этом деньги выполняют функцию мерил стоимости, а вексель впоследствии начинает циркулировать в качестве орудия обращения. Продавец товара может, не дожидаясь наступления срока платежа по векселю, обратиться в банк. Банк покупает вексель до наступления срока платежа и выдает за него наличные деньги, а это кладет основу происхождению банкнот. Банк может платить за вексель не только металлическими деньгами, но и собственными гарантированными билетами банка. Эти, гарантированные банком билеты обладают способностью обращаться в среде товарно-кредитных сделок. Выданные банком, эти билеты и являются банкнотами. Природа банкнот двойственна. Она возникла из товарно-кредитной сделки, она — превращенная форма торгового векселя. Банкноты являются кредитными деньгами. С другой стороны, в сфере платежей банкноты функционируют в качестве платежных средств — денег. Банкноты не имеют внутренней стоимости; возникшие из кредитных отношений, они функционируют в обращении как деньги, притекая постепенно к своему исходному пункту — банку, а за „банком стоит нация со всем ее богатством“³. Итак, появление банкнот обусловлено появлением векселя, а появление последнего соответствует более высокой ступени развития товарного хозяйства. Развитие кредита, появление функций денег, как платежного средства, и фигурирование банкнот в обращении еще больше

¹ К. Маркс, „Капитал“, т. I, изд. 1923 г., стр. 111.

² Там же, стр. 107.

³ К. Маркс, „Капитал“, т. III, ч. 2, стр. 81, изд. 1924 г.

обнаруживает присущее уже в условиях капиталистического хозяйства противоречие. „Противоречие это, — говорит Маркс, — обнаруживается с особенной силой в тот момент промышленных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом“¹.

Развитие вышеупомянутых функций, являющихся следствием развития товарного производства и денежного обращения, обусловили возникновение функций мировых денег. Свои функции при внутригосударственном обращении они выполняют переодевшись в „национальный мундир“. Государственное клеймо удостоверяет вес, пробу и название отдельных кусков золота. Золото, при появлении на мировом рынке, должно находиться в своем первобытном состоянии, а для этого оно должно совлечь с себя „национальный мундир“. Таким образом, превратившись в слитки, на мировом рынке золото может выполнять ряд функций из тех, какие оно выполняет внутри государства. На мировом рынке, с всеобщим распространением товарного обращения, деньги достигают наивысшего своего развития. Товары закупаются в больших количествах отдельными странами. Сделки обычно заключаются в кредит. Платежи взаимно погашаются между отдельными странами. Деньги, в таком случае, служат для покрытия разницы между стоимостью экспорта и стоимостью импорта. На первое место выступает здесь функция денег — платежное средство. Здесь, как говорит Маркс, „функция платежного средства — средство служащего для уравнивания международных балансов преобладает“². Как уже было сказано, деньги тут требуются для покрытия разницы между ввозом и вывозом. Поэтому каждая страна должна иметь известный резерв денег. Товаропроизводители разных стран в буржуазном обществе связаны между собою через общественное разделение труда, но система национальных границ их разъединяет. Появление функций — мировых денег обусловлено появлением на мировом рынке товара. Товар в буржуазном обществе есть „кристаллизованный человеческий труд“. „Его всеобщий язык, — цена, а его общая сущность — деньги“³. Капиталист убеждается, что национальные границы мешают его действию, тормозят развитие товарообращения. Отсюда возникновение его идеи — „всеобщий рынок“. „Возвышенная идея, — говорит Маркс, — в которой для него растворяется весь мир, это — идея единого рынка, мирового рынка“⁴. Развитие мировых взаимоотношений обусловило развитие и этого противоречия.

¹ К. Маркс, „Капитал“, т. I, изд. 1923 г., стр. 107.

² Там же, стр. 112

³ К. Маркс, „К критике полит. экономии“, изд. 1930 г., стр. 222.

⁴ Там же.

Идея капиталиста находит свое отражение и в трудах столпов II Интернационала. Борясь с марксизмом, каутские, гильфердинги... тоже мечтают о мировом рынке — о „мировом тресте“, об „организованном капитализме“. Каутский изменение цен объясняет только колебанием количества денег. Мы уже видели, что Маркс колебания цен объясняет, главным образом, изменением самой стоимости товаров и денежного материала. Каутский же доказывает, что с увеличением производства золота спрос на товары растет и цены увеличиваются. По Каутскому выходит, что цены высоки потому, что в обращении имеется большое количество денег, что цены зависят от денег. Эти утверждения ничего общего не имеют с марксистской теорией денег. „Цены высоки или низки,—говорит Маркс,— не потому, что в обращении имеется большее или меньшее количество денег, но обратно: в обращении находится большее или меньшее количество денег потому, что цены высоки или низки“¹.

Далее, извращая теорию денег Маркса, Каутский генезисом денег считает затруднение обмена товара на товар. Маркс это затруднение объясняет внутренним противоречием товаров. Генезис денег вытекает из двойного характера товара. Гильфердинг, борясь с марксистской теорией денег, считает, что деньги есть „результат совокупности меновых процессов“. Минуя происхождение денег от противоречия товаров, от разделения товара на товар и деньги, где первой основной функцией является мера стоимости, Гильфердинг доказывает обратное. В своем „Финансовом капитале“ он пишет, что исторически деньги первоначально развились из обращения, следовательно, это, прежде всего, орудие обращения. Этим он полностью противоречит Марксу. Мы видели выше, что Маркс первой, основной функцией денег считает мерило стоимости и это логически вытекает из сущности денег. Гильфердинг, оторвав форму от содержания, из функции денег — средство обращения—выводит сущность денег. Извращая Маркса, Гильфердинг игнорирует первую функцию денег — мерила стоимости, смешивает деньги с знаками стоимости, отождествляет стоимость с ценой товаров. Гильфердинг отвергает указание Маркса, „будто знак стоимости представляет непосредственно стоимость товаров, выступая не как знак золота, а как знак меновой стоимости товара, которая в цене только выражена, но существует в самом товаре. Это, однако, ложная видимость. Знак стоимости непосредственно есть только знак цены, следовательно знак золота и только посредством он становится знаком стоимости товара“².

¹ К. Маркс, „К критике полит. экономии“, изд. 1930 г., стр. 173.

² Там же, стр. 183—4.

Это указание Маркса всецело отвергает несостоятельное суждение Гильфердинга. Борясь с марксизмом, Гильфердинг приходит со своей расплывчатой „теорией“ денег к номиналистически-количественной теории денег буржуазных экономистов. Таким образом, в буржуазном обществе общими силами разрабатываются „теории“, поддерживающие загнивающий капитализм.

Одним из разветвлений буржуазного мировоззрения о деньгах является государственная теория денег, вдохновителем которой является Георг Фридрих Кнапп. Ряд буржуазных экономистов полагает, что государственная теория денег Кнаппа открывает „новую эпоху“ в учении о деньгах, что эта теория достигла наивысшей ступени. На самом деле, теория Кнаппа есть модификация номиналистической теории денег Локка, Беркли, Юма и т. д.

Исходя из видимости явления, Кнапп сущность денег выводит из их функции. При этом он признает только одну функцию денег—платежное средство. Кнапп считается автором государственной теории денег. Но надо отметить, что задолго до Кнаппа русский экономист-меркантилист Посошков, который в отношении теории денег был номиналистом, ценность денег определял государственной властью. Посошков, живший в эпоху царствования Петра Первого, пишет, что если бы „царь повелел на медной золотниковой дате положить рублевое начертание, то бы за рубль и ходить в торгах стала во веки веков неизменно“¹.

Государственная теория денег, по существу, есть одно из разветвлений номинальной или хартальной теории денег. Широко развившиеся в XX веке кредитные отношения, казавшиеся с внешней стороны Кнаппу независимыми от производственной сферы, дали „повод“ Кнаппу заняться только видимостью явлений. Соответственно интересам финансового капитала, Кнапп доказывает необходимость „сильной государственной власти“. Кнапп доказывает, что деньги абсолютно никакой стоимости не имеют; деньги—простые талоны, хартали или марки, какие можно получить взамен пальто, когда его сдаете швейцару в театре или в другом месте. Кнапп пишет: „Мы даем деньгам юридическое определение: клеймение знака с прокламаторной силой, независимо от того, содержат они металл или медь. Выразим это короче: деньги хартальное платежное средство; лишь хартальность создает деньги“². Итак, деньги—хартали. Стоимость их определяется государственным клеймом. Для Кнаппа деньги являются „творением правопорядка“. А что такое „хартальное платежное средство“? Это, по его мнению, выдвинутое

¹ И. Т. Посошков, „Книга о скудости и богатстве“, изд. 1937 г., стр. 314.

² Кнапп, „Очерки государ. теории денег“, изд. 1913 г., стр. 22.

товарообменом „учреждение“ общественного оборота. Для апологета финансового капитала Кнаппа сущность и происхождение денег т. о. остаются непонятными.

Буржуазные теории денег в основу своего исследования ставят ту или иную функцию денег. Маркс рассматривает функции денег неразрывно друг от друга, как проявление многообразия в движении. Представитель номиналистов Кнапп, определяя деньги как творение государства, не замечает, что в буржуазном обществе власть государства зависит от стихийно развивающихся производственных отношений. Анархический характер капиталистического хозяйства, углубление присущих капитализму противоречий остаются для Кнаппа незамеченными. Это есть основная ошибка, которая отнимает у Кнаппа и его коллег возможность разрешить проблему денег.

Одной из распространенных буржуазных теорий денег является количественная или квантитативная теория денег. Возможность найти общий критерий, общую точку этой теории усложняется тем, что теории этого течения исходят из различных точек зрения. Поэтому приходится ограничиться критикой взглядов, положений главных представителей количественной теории денег. Зачатки количественной теории денег появились у итальянских экономистов еще в XVII веке. В XVIII веке и в начале XIX века эту теорию более ясно выразили Монтескье, Юм, Рикардо и другие. Маркс считает именно Давида Юма выдающимся представителем этой теории.

Основная предпосылка количественников, это — определение покупательной силы денег их же количеством. Представитель современной буржуазной теории количественников Ирвинг Фишер следующим образом определяет покупательную силу денег: „Покупательная сила денег, — говорит Фишер, — зависит от игры противоположных сил производства и потребления, поднимается или падает в соответствии с соотношением этих сил в каждый момент“¹.

Выходит, что в буржуазном обществе покупательная сила денег определяется не их субстанционной стоимостью, а игрой противоположных сил производства и потребления, т. е. спросом и предложением. Значит, если в предложении имеется большое количество денег, тогда их покупательная сила падает, если меньшее количество — тогда их покупательная сила повышается. Таким образом, покупательная сила денег определяется их количеством. Количественники в деньгах видят одну функцию — средство обращения. Фишер деньги считает простыми документами: „Документы, удостоверяю-

¹ Фишер, „Покупательная сила денег“, изд. 1926 г., стр. 78.

щие право на собственность, называются деньгами¹. Не поняв сущности денег, количественники деньги считают знаками стоимости, техническим средством, облегчающим обмен. Ограничиваясь исследованием внешнего явления, не вдаваясь в тонкости анализа внутренних противоречий денег, количественники сводят законы сложного товарного обращения к законам простого обмена. Отрывая далее качественную сторону от количественной, ставя в основу количественную сторону, они не могли разрешить проблему денег. Фишер воспроизводит ошибки классиков-количественников. Как известно, Рикардо не ограничивается определением стоимости денег, как товара, заключающего в себе сгусток труда. По его мнению, стоимость денег определяется не одной „стоимостью производства“, но также спросом и предложением. Рикардо совершенно механически противопоставляет всю сумму денежных знаков всем товарам в стране, причем стоимость товаров измеряет покупательной силой денег, а покупательная сила денег определяется находящимся в обращении количеством денег. Фишер, воспроизводя и модифицируя ошибки Рикардо, отождествляя бумажные деньги с металлическими, отождествляя знаки стоимости с деньгами, не понимает превращения денег в сокровище. Раз деньги есть знак стоимости, раз они попали в сферу обращения, то оттуда они не выйдут. У количественников так и получается: у них все деньги находятся в сфере обращения. Итак, вместо вскрытия природы денег, вместо подлинного анализа роли и значения денег, теория количественников и все буржуазные теории денег загущивают сущность денег. Только марксистская теория денег, на основе глубокого анализа, показывает и доказывает, что в буржуазном обществе деньги в руках буржуазии являются могучим орудием в деле эксплуатации рабочего класса и всех трудящихся.

Ленин и Сталин, развивая далее марксистское учение о деньгах, создали теорию советских денег. В СССР не действует свойственный капитализму закон стоимости. Однако, имеется товар, но этот товар принципиально отличается от товара капиталистических стран. Ленин писал, что „...государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром...“². Товар в СССР не заключает в себе противоречий, свойственных товару при капитализме. Товар при социализме есть продукт социалистического труда, который продается через систему советской тор-

¹ Фишер, „Покупательная сила денег“, изд. 1926 г., стр. 6.

² Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 370.

товли, и он не может быть превращен в капитал. Товарная форма необходима как для обмена продуктов социалистического труда между городом и деревней, так и для обмена между различными отраслями социалистического хозяйства.

Советские деньги поставлены на службу социализму; они коренным образом отличаются от денег капиталистических стран. Если деньги капиталистических стран являются орудием эксплуатации рабочего класса и орудием порабощения крестьян и ремесленников, то советские деньги являются орудием для строительства социалистического общества. Советские деньги являются орудием для продвижения продуктов социалистического производства к потребителю через советскую торговлю. Они стимулируют развитие товарооборота. На XVII съезде партии товарищ Сталин говорил, что «деньги являются тем инструментом буржуазной экономики, который взяла в свои руки Советская власть и приспособила к интересам социализма для того, чтобы развернуть во-всю советскую торговлю»¹. Советские деньги — важное орудие социализма.

Одним из важнейших орудий общенародного учета и контроля являются советские деньги. При социализме не существует противоречий между частным и общественным трудом. При социализме, за вычетом в общественные фонды, каждый получает в соответствии с качеством и количеством затраченного им труда. Благодаря плановой системе цен, правильной политике заработной платы, правильному распределению денежных доходов в колхозах, советские деньги стимулируют повышение производительности социалистического труда. Через советские деньги возможно укрепление хозрасчета; а хозрасчет — основа управления социалистическим производством. Ленин и Сталин учат о необходимости использования денег для строительства социализма. «Деньги уничтожить сразу нельзя, — писал Ленин, — чтобы их уничтожить нужно наладить организацию распределения продуктов для сотен миллионов людей, — дело долгих лет»².

В беседе с иностранными рабочими делегациями в 1927 году товарищ Сталин говорил: «Нам нужно наладить такой передаточный распределительный аппарат между городом и деревней, который был бы способен учесть и удовлетворить потребности города и деревни всей страны, так же как каждый человек учитывает у себя свой бюджет, свои расходы и доходы. И когда мы добьемся всего

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 462.

² Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 301.

этого, надо полагать, что наступит время, когда не будет уже нужды в деньгах. Но до этого еще далеко“¹.

Враги народа — троцкисты, бухаринцы всячески пытались подорвать советскую денежную систему; разрушение денежной системы им нужно было для облегчения реставрации капитализма. Одни из них называли советские деньги капиталистическими деньгами, другие проповедывали отмирание советских денег на данном этапе.

Эти троцкистско-бухаринские подлые предатели рабочего класса и их коварные методы борьбы, направленные против социализма, были разоблачены и развеяны в прах.

Как сущность, так и функций советских денег принципиально отличаются от сущности и функций капиталистических денег. В своем заключительном слове на XIV партийном съезде о торговле и денежной системе товарищ Сталин говорил, что „благодаря диалектике нашего развития, функций и назначение этих инструментов буржуазии меняются принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму“. Благодаря неуклонному проведению ленинско-сталинской теории денег, советские деньги успешно используются в пользу социализма в ущерб капитализму.

Первая и главная функция советских денег — функция планового учета и контроля. Она связана с основным принципом социализма — „от каждого — по его способностям, каждому — по его труду“. В этой функции советские деньги более реально осуществляют контроль над мерой труда и мерой потребления. При капитализме первой функцией денег является функция мерила стоимости. Эта функция осуществляет там стихийный учет затрат труда. В первой своей функции советские деньги служат орудием контроля и планового учета хозяйственной деятельности, орудием для выражения в деньгах результатов социалистического труда. Следовательно, первая функция советских денег является важнейшим орудием для измерения затрат социалистического труда и для установления государственных, плановых цен на товары.

Второй функцией советских денег является функция — средства обращения. В буржуазном обществе функция денег — средства обращения обслуживает стихийное обращение товаров, а эта функция заключает в себе большие противоречия. Функция советских денег — средства обращения не заключает в себе этих противоречий. При социализме товарооборот советской торговли носит плановый характер, товары реализуются по плановым ценам, принимая денежную форму. Советские деньги, как средство обращения, служат орудием для доведения товаров от производства до потреби-

¹ Сталин, „Вопросы ленинизма“, изд. 9-е, стр. 308.

УДК 659.5
0027400435

теля. В этой функции деньги служат для осуществления контроля рублем на всех инстанциях продвижения товаров от производства к потребителю.

Третья функция — советские деньги как средства платежа. В буржуазном обществе функция денег — средства платежа включает в себе глубокое противоречие, главным образом, противоречие между должником и кредитором. В этой функции деньги там являются средством платежа по обязательствам, возникшим стихийно в стихийном хозяйстве. Функция советских денег — платежное средство — не включает в себе этих противоречий. Функцию средства платежа советские деньги выполняют по планово-организованным платежам. В этой функции советские деньги служат орудием плановой кредитной системы. Посредством этой функции происходит выдача кредитов, возврат ссуд, погашение платежных обязательств и налогов. Через функцию денег — платежное средство советские банки, в процессе кредитования, осуществляют контроль рублем. Советские деньги в этой функции являются средством государственного контроля над выполнением народнохозяйственного плана, средством укрепления хозрасчета. При функционировании советских денег, как платежного средства, банки проводят взаимные расчеты между хозорганами; банки развивают безналичные расчеты в народном хозяйстве. Эти мероприятия ведут к высвобождению денежных средств. Эти средства используются для расширения социалистического производства и товарооборота.

Четвертая функция — советские деньги средства социалистического накопления и сбережения трудящихся. При капитализме деньги накапливаются в руках для эксплуатации рабочего класса и порабощения трудящихся. В СССР социалистическое накопление производится в целях дальнейшего развития производительных сил, в целях дальнейшего повышения материального и культурного благосостояния трудящихся. Функция советских денег — средства социалистического накопления — заключается: в накоплениях государственных, кооперативных предприятий и колхозов, в аккумуляции в руках социалистического государства накоплений государственных и кооперативных предприятий... Социалистическое накопление, являясь прямым результатом социалистического расширенного воспроизводства, перераспределяется в целях дальнейшего развития социалистического хозяйства и роста благосостояния трудящихся. Индивидуальные сбережения, производимые трудящимися СССР, являются одним из источников социалистического накопления. В капиталистических странах трудящиеся если и производят сбережения, то это за счет недоедания и отказа от самых необходимых, личных мини-

мальных удобств. Эти сбережения там производятся „на черный день“: безработицы, на старость и на случай болезни. Трудящиеся СССР не знают безработицы, при старости и во время болезни они получают установленную социальную помощь. Сбережения трудящихся СССР производятся за счет излишков для удовлетворения возрастающих запросов. Рост сбережений трудящихся СССР является одним из ярких показателей роста зажиточности.

Условием обеспечения устойчивости советских денег являются, главным образом, товары, пускаемые государством в товарооборот по планово-установленным устойчивым ценам. Товарищ Сталин подчеркивает, что в СССР, где имеется организованная советская торговля „устойчивость советской валюты обеспечивается прежде всего громадным количеством товарных масс в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам“¹. Основным условием обеспечения устойчивости советских денег являются товары, продаваемые через советскую торговлю по установленным государством плановым, устойчивым ценам. Такое товарное обеспечение денег является наиболее устойчивым обеспечением.

Мы видели, что буржуазные теории денег, исходя из видимости явления, не могли вскрыть сущности денег. Буржуазная политэкономия оказалась неспособной проникнуть в физиологию буржуазного общества и показать экономические законы движения общества. Учение о деньгах было создано Марксом. Маркс открыл генезис и сущность денег. Исходной точкой теории денег Маркса является анализ товара. Возникновение денег связано с возникновением товара; существование денег связано с существованием товара. Маркс, путем глубокого анализа различных функций денег, показывает сущность и роль денег. Марксистская теория денег является неразрывной, органической частью марксистской политической экономии. О задаче политэкономии Маркс пишет: „Конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения“². Эта задача гениально разрешена Марксом. Для решения этой задачи большую роль сыграла созданная Марксом теория денег.

Ленин и Сталин, развив дальше учение Маркса о деньгах, создали теорию советских денег. Ленин и Сталин доказали, что в период диктатуры рабочего класса деньги являются мощным орудием в деле строительства бесклассового социалистического общества.

Советские деньги играют весьма актуальную роль в завершении строительства бесклассового социалистического общества и в постепенном переходе от социализма к коммунизму.

¹ Сталин, „Вопросы ленинизма“, изд. 11-е, стр. 391.

² К. Маркс, „Капитал“, т. I, изд. 1937 г., стр. 7.

ი. რ. შიშველაძე

საქართველოს სათბობის ბალანსის ანალიზისათვის

სათბობის მრეწველობას უაღრესად დიდი მნიშვნელობა აქვს სახალხო მეურნეობის განვითარებისათვის. ამით აიხსნება ის ყურადღება, რომელსაც სათბობის მრეწველობის მიმართ იჩენდა და იჩენს საბჭოთა ხელისუფლება და კომუნისტური პარტია.

ოქტომბრის დიდი სოციალისტური რევოლუციის შემდეგ ძირფესვიანად გარდაიქმნა სსრ კავშირის სათბობ-ენერგეტიკული მეურნეობა; მან განიცადა უდიდესი აღმავლობა და სტრუქტურული ცვლილებანი.

რევოლუციამდე რუსეთისათვის დამახასიათებელი იყო სათბობი მრეწველობის განვითარების მეტად დაბალი დონე და ჩამორჩენილი მატერიალურ-ტექნიკური ბაზა.

მიუხედავად იმისა, რომ მეფის რუსეთში მოპოვებოდა უმდიდრესი მარაგი ქვანახშირისა და ნავთობისა, ქვეყანა სისტემატურად სათბობის კრიზისს განიცდიდა და ქვანახშირის მოთხოვნილების ნაწილი საზღვარგარეთიდან (ინგლისიდან) შემოტანილი ნახშირითაც კი იფარებოდა. მცირე ოდენობით წარმოებდა სათბობის მოპოება და ამავე დროს მისი დამზადება ტერიტორიულად ფრიად არათანაბრად იყო განლაგებული: 1913 წ. რუსეთში ქვანახშირის საერთო მოპოვების 87% დონბასზე მოდიოდა, ხოლო ნავთის მოპოვების საერთო რაოდენობაში ბაქოში მოპოვებული ნავთი 83%-ს შეადგენდა. „სათბობი მომარაგების დაბრკოლებანი იმდენად მწვავე ფორმებს ღებულობდა, რომ ბურჟუაზიული მკვლევარები რუსეთს ახასიათებდნენ როგორც სათბობის ორგანული დეფიციტის ქვეყანას. რა თქმა უნდა, სათბობით მომარაგების კრიზისი ორგანული მიზეზებით როდი აიხსნება, პირიქით, სათბობის ბუნებრივი რესურსებით რუსეთი მეტად მდიდარი ქვეყანაა, ხოლო სათბობის სისტემატური კრიზისის ახსნა კაპიტალისტური მეურნეობის წინააღმდეგობებში უნდა ვეძებოთ, რომელნიც აბრკოლებდნენ მეფის რუსეთში სათბობ მრეწველობის სათანადო განვითარებას, განსაკუთრებით კი აფერხებდნენ განაპირა მხარეებში ადგილობრივი სათბობი ბაზების ორგანიზაციას“¹. სათბობ მრეწველობის განვითარების დაბალი დონის

¹ Энергетические ресурсы СССР. АН СССР, том II, стр. 435.

ნათელსაყოფად საკმარისი იქნება აღვნიშნოთ, რომ მეფის რუსეთში 1913 წ. მოპოებული ქვანახშირი მოსახლეობის ერთ სულზე შეადგენდა სრულებით უმნიშვნელო ოდენობას—209 კლგ., მაშინ როდესაც ამერიკის შეერთებულ შტატებში ეს ნორმა იმავე პერიოდში შეადგენდა 5.756 კლგ., ინგლისში—6.395 კლგ., გერმანიაში—2.872 კლგ და საფრანგეთში—1.057 კლგ¹. კიდევ უფრო ჩამორჩენილი იყო სათბობი მრეწველობა და საერთოდ სათბობის მეურნეობა საქართველოში. საქართველოში სათბობი მრეწველობა წარმოდგენილი იყო ტყიბულის ქვანახშირის მალარობით, სადაც პრიმიტიულ პირობებში წარმოებდა ნახშირის მოპოვება. მიუხედავად სათბობის ბუნებრივი რესურსების შესახებ არსებული ლიტერატურული ცნობებისა, საქართველოს სათბობი რესურსები ყოველგვარი გამოკვლევისა და შესწავლის გარეშე რჩებოდა.

საქართველოში (ტყიბულში) 1913 წ. მოპოებული იყო 63 ათასი ტონა ქვანახშირი, რაც მოსახლეობის ერთ სულზე 30 კლგ არ აღემატებოდა. საქართველოს მრეწველობისათვის დამახასიათებელი იყო წვერილი, მცირე სიმძლავრის, დაბალი ეკონომიური მაჩვენებლების მქონე ელექტროდინამოგარების არსებობა, რომელნიც ძირითადად შემოზიდულ თხევად სათბობზე მუშაობდნენ.

მოპოებული ქვანახშირი გამოიყენებოდა როგორც საყოფაცხოვრებო სათბობი, ხოლო საწარმო-ტექნიკური მიზნებისათვის იგი თითქმის არ იხარჯებოდა, რადგანაც არც კი მოიპოვებოდნენ სათანადო მომხმარებელნი, თბოტევადი მრეწველობის საწარმონი.

საბჭოთა ხელისუფლებამ იმთავითვე აიღო გეზი სათბობ მრეწველობის სწრაფი განვითარებისა და სათბობის მოხმარების რაციონალიზაციისაკენ. ვ. ი. ლენინი ჯერ კიდევ 1920 წ. მოითხოვდა ფართოდ გამოყენებულიყო ადგილობრივი, მდარე ღირსების საწვავი რესურსები, რათა მაღალხარისხოვანი ქვანახშირი (კოქსვადი) მომჭირნეულიყო მეტალურგიის მიზნებისათვის, ხოლო თხევადი სათბობი—შიდაწვის ძრავებისათვის.

საჭიროება მაღალხარისხოვანი სათბობის ხარჯვის შემცირებისა და დაბალხარისხოვანი სათბობის ხარჯვის ფართოდ დანერგვისა ელექტროენერგიის მისაღებად მკაფიოდ აღნიშნა ვ. ი. ლენინმა „მეცნიერულ-ტექნიკურ სამუშაოთა გეგმის მონახაზში“, სადაც წერდა, რომ აუცილებელია „... არაპირველხარისხოვანი სათბობის (ტორფი, მდარე ხარისხის ქვანახშირი) გამოყენება ელექტრული ენერგიის მისაღებად უმცირესი დანახარჯით საწვავის მოპოებასა და გადაზიდვაზე“².

ქვანახშირის შორეულ გადაზიდვათა ლიკვიდაცია და ადგილობრივი ქვანახშირის ამოღების ახალი ბაზების შექმნა სსრ კავშირის ყველა რაიონში, სადაც მოაპოვება ნახშირის მარაგი, სათბობი მეურნეობის ერთერთი აქტუალური ამოცანაა.

საქ. კ. პ. (ბ) XVII ყრილობაზე მშრომელთა დიდი ბელადი ამხანაგი

¹ Экономическое соревнование социализма и капитализма. ОГИЗ 1939 г. Составил Я. А. Иоффе, ст. 13.

² ვ. ი. ლენინი, თხზულებათა XXII ტომი, ქართ. გამოცემა, გვ. 509—510.

სტალინი აღნიშნავდა: „მთელი ძალღონით გავშალოთ ადგილობრივი ქვანახშირის ამოღება ყველა უკვე ცნობილ რაიონში, მოვაწყოთ ქვანახშირის ამოღების ახალი რაიონები (მაგალითად, შორეული აღმოსავლეთის ბურესკის რაიონებში), გადავაქციოთ კუზბასი მეორე დონბასად“¹.

სათბობი მრეწველობის მკვეთრი გადიდების საჭიროება აღნიშნულია მესამე ხუთწლიანი გეგმის შესახებ საკ. კ. პ. (ბ) XVIII ყრილობის მიერ მიღებულ რეზოლუციაში:

„ყოველნაირად განვითარდეს ქვანახშირისა და ნავთის მრეწველობის დარგები, რომლებიც ქვეყნის მთელი სახალხო მეურნეობის სათბობის ბაზას წარმოადგენენ“².

ადგილობრივი ნახშირების ამოღების განვითარება ერთერთ პირობას წარმოადგენს განაპირა რაიონებისა და მხარეების ინდუსტრიალიზაციისათვის და სათბობის შორეულ გადაზიდვათა შემცირებისათვის. საკმარისია აღვნიშნოთ, რომ საბჭოთა კავშირში ქვანახშირის სარკინიგზო ზიდვის საშუალო სიგრძე 1937 წ. 716 კლმ. შეადგენს³, ნავთის პროდუქტებისა 1.086 კლმ. და შეშის 261 კლმ. ჩვენ მოვიყვანეთ საშუალო მონაცემები, რომელნიც მეტად საგრძნობ ციფრებში გამოიხატება, ცალკეულ შემთხვევებში კი ქვანახშირისა და შეშის ზიდვის სიგრძე 1000—1500 კლმ. აღემატება.

გეზი ადგილობრივ სათბობის ამოღების განვითარებისა წითელი ხაზით არის გავლებული პირველ, მეორე და მესამე სტალინურ ხუთწლიან გეგმებში.

მეორე ხუთწლედში ადგილობრივ ნახშირის ამოღების ხვედრითი წონა ნახშირის საერთო მოპოვებაში გაიზარდა 13,1%-დან 1932 წ. 15%-მდე 1937 წ.⁴ ადგილობრივი ნახშირის ამოღების ხვედრითი წონის ზრდა როდი არის საკმარისი.

ადგილობრივი სათბობის მოპოვების განვითარების წინააღმდეგ ილაშქრებდნენ ხალხის უბოროტესი მტრები, კონტრრევოლუციონერი ტროცკისტები, რომელნიც მავნებლობას ეწეოდნენ სათბობ მრეწველობის სხვადასხვა დარგში. მავნებლების ძირგამომთხრელი მუშაობა მხილებულ იქნა და სათბობ მრეწველობის ყველა დარგში დასახულია კონკრეტული ღონისძიებანი მავნებლობის შედეგების ლიკვიდაციისათვის და ადგილობრივი სათბობის მოპოვების მკვეთრი გადიდებისათვის. მესამე სტალინური ხუთწლედის ითვალისწინებს ადგილობრივი ქვანახშირის ამოღების გაცილებით უფრო დიდის რაოდენობით გადიდებას, ვიდრე ნახშირის მოპოვების საშუალო ზრდა არის გათვალისწინებული.

ლენინურ-სტალინური ნაციონალური პოლიტიკის განუხრელი განხორციელების საფუძველზე გატარებულმა ინდუსტრიალიზაციამ გამოიწვია საქართველოში სათბობ მრეწველობის ორგანიზაციის საჭიროება. ძირეულად რეკონსტრუირებულ იქნა ტყიბულის მადაროები და ნახშირის მოპოვება უკვე 1939 წელს

¹ ი. სტალინი, ლენინიზმის საკითხები, მე-11 ქართ. გამოცემა, გვ. 555.

² საკ. კ. პ. (ბ) XVIII ყრილობის რეზოლუციები, ქართ. გამოც., გვ. 17.

³ იხ. Экономика социалистической промышленности под редакцией докторов экономических наук Грановского и Маркуса, 1940 г., ст. 310.

⁴ იხ. Энергетические ресурсы СССР, т. II, ст. 447.

აყვანილ იქნა 310 ათას ტონამდე. ახლად შექმნილია ტყეარჩელის ქვანახშირის მექანიზებული წარმოება. საფუძველი ჩაეყარა გელათისა და ახალციხის საბადოთა სამრეწველო ექსპლოატაციას. ნახშირის საერთო მოპოება საქართველოში 1939 წ. აყვანილ იქნა 547 ათას ტონამდე. აშენებული და ორგანიზებულია მთელი რიგი თბოტევადი მრეწველობის დარგები, რომელნიც საკმაოდ დიდის რაოდენობით მოიხმარენ ქვანახშირს. ამავე დროს საქართველოს სათბობმა (ქვანახშირის) მრეწველობამ უნდა დააკმაყოფილოს არა მარტო საქართველოს მეურნეობის საჭიროება, არამედ აკავასიის მეზობელ რესპუბლიკების მოთხოვნილებანიც.

სათბობი მრეწველობის განვითარების როგორც ოპერატიული, ისე პერსპექტიული დაგეგმვისათვის აუცილებელია სათბობის ბალანსის დამუშავება. სათბობის ბალანსის შედგენის საშუალებით უზრუნველყოფილ უნდა იქნას სწორი თანაშეფარდების დამყარება სათბობის მოპოებასა და მის მოხმარებას შორის. სათბობის შეჯამებითი ბალანსის დამუშავება გულისხმობს, რათა შედგენილ იქნას სათბობის ცალკეულ სახეობათა ბალანსები (ქვანახშირის, ნავთობის, ტორფის, შეშის და სხვ.).

სათბობის ბალანსის დამუშავება, გარდა იმისა, რომ უზრუნველყოფს სათბობის (სხვადასხვა სახის) მოპოებასა და მოხმარებას შორის სწორი თანაფარდობის დამყარების შესაძლებლობას, აგრეთვე მიზნად ისახავს განსაზღვრულ იქნას სათბობის წარმოებისა და მოხმარების სწორი სარაიონთაშორისო კავშირის დამყარება, ე. ი. გარკვეულ იქნას, თუ რა რაოდენობა სათბობისა (სახეობათა მიხედვით) შეიზიდება ამათუიმ რაიონში მეორე რაიონიდან და რა რაოდენობითაა შესაძლებელი და მიზანშეწონილი ამათუიმ რაიონიდან სათბობის გადაზიდვა მეორე რაიონში. ამავე დროს სათბობი ბალანსის დამუშავებით შესაძლებელი ხდება სათბობის მოხმარების გარკვეული პოლიტიკის გატარება, რომელიც მიმართული იქნება სათბობის ცალკეულ სახეობა მიზანშეწონილ შენაცვლებისაკენ, ე. ი. იქ, სადაც ეს შესაძლებელია, თხევადი სათბობის შენაცვლება ადგილობრივი მაგარი სათბობით, შორიდან მოტანილი სათბობის ადგილობრივი სათბობით, და ამავე დროს მტკიცედ განისაზღვროს სათბობის ხარჯვის ნორმები, სათბობის ხარჯვის რაციონალიზაციისა და მომჭირნეობის განხორციელების გატარების აღრიცხვის საჭიროებით. სათბობის ბალანსი, ისე, როგორც ელექტროენერჯის ბალანსი, ქვეყნის ერთიანი ენერგეტიკული ბალანსის შემადგენელი ნაწილია. სახალხო მეურნეობის ერთიანი ენერგეტიკული ბალანსი გვეძლევა საშუალება განვახორციელოთ ცვლილებანი ენერგეტიკული ბალანსის მოხმარების სტრუქტურაში, რასაც უაღრესად დიდი სახალხო-სამეურნეო მნიშვნელობა აქვს. სათბობი ენერგეტიკული ბალანსის ასეთი დიდი მნიშვნელობის მიუხედავად, საქართველოში სათბობი ბალანსი აქამდე არ არის დამუშავებული. სსრ კავშირში ამ მიმართულებით დიდ და ნაყოფიერ მუშაობას ეწევა სსრ კავშირის მეცნიერებათა აკადემიის ენერგეტიკული ინსტიტუტი, საქართველოში კი არავითარი მუშაობა ამ მიმართულებით არ წარმოებს.

ავტორმა ჩაატარა პირველი ცდა სათბობის სხვადასხვა სახეობის ხარჯვის

სტრუქტურის ანალიზისა, რომლის საფუძველზედაც დასახულია საქართველოს სათბობ მრეწველობის განვითარების ძირითადი ამოცანები და მოცემულია საერთო ხასიათის დასკვნები.

საქართველოს სათბობი რესურსები

საქართველოს მოებობება სათბობის თითქმის ყველა სახის რესურსები: ქვანახშირი, მურანახშირი, ნავთი, ბუნებრივი საწვავი გაზი, შემის მერქანი.

სათბობი რესურსების ამჟამინდელი სტრუქტურა პირობითი ხასიათს ატარებს, რადგანაც სათბობი რესურსები ინტენსიური შესწავლის პროცესში იმყოფება და ყოველწლიურად ირკვევა ახალი, დამატებითი შესაძლებლობანი მარაგის გადიდების მიმართულებით.

საქართველოში სათბობი რესურსების გეგმაშეწონილი გამოკვლევა-შესწავლა დაიწყო მხოლოდ საბჭოთა ხელისუფლების დამყარების შემდეგ.

მიუხედავად იმისა, რომ ცნობები საქართველოს ქვანახშირის საბადოთა შესახებ (ტყიბული, ტყვარჩელი) ჯერ კიდევ გასული საუკუნის ოთხმოცდაათიან წლებიდან მოიპოებოდა, არავითარი სერიოზული მუშაობა მათი შესწავლისა და გამოკვლევის მიმართულებით არ წარმოებდა.

საქართველოში სოციალისტური ინდუსტრიალიზაციის ლენინურ-სტალინური ნაციონალური პოლიტიკის განუხრელი გატარების საფუძველზე გაჩნდა სათბობ რესურსების გეგმაშეწონილი შესწავლისა და გამოვლენის საჭიროება. ჩატარებულ გეოლოგიურ საძიებელ-საკვლევო მუშაობათა შედეგად გამოვლინებულია სათბობი რესურსების როგორც მარაგი, ისე სათბობის ქიმიური და ფიზიკური თვისებები. რა თქმა უნდა, ეს მუშაობა ჯერ დასრულებული არ არის და კიდევ დიდი მუშაობაა საჭირო ჩვენი სათბობი რესურსების შესწავლისათვის.

საქართველოში სათბობი რესურსების გარდა დიდის რაოდენობით მოიპოება „თეთრი ნახშირი“—ჰიდროენერგეტიკული რესურსები. სათბობ-ენერგეტიკული რესურსების საერთო მარაგში ჰიდროენერგეტიკული რესურსების ხვედრითი წონა 89%-ს უდრის, სსრ კავშირში კი მთლიანად იგი 10—11 პროც. არ აღემატება.

საქართველოს სათბობის პოტენციურ რესურსთა სტრუქტურაში ქვანახშირის მხოლოდ 31,9% ეკუთვნის, მაშინ როდესაც სსრ კავშირში—94,3%, ამიტომ საქართველოში ქვანახშირი გამოყენებულ უნდა იქნას ტექნოლოგიურ მიზნებისათვის (ძირითადად).

ენერგეტიკული რესურსების სხვადასხვაობა მეტად ხელსაყრელ პირობებს ჰქმნის მათი კომბინირებული გამოყენებისათვის.

ენერჯის სხვადასხვა წყაროს კომბინირებული გამოყენება მნიშვნელოვნად აუმჯობესებს ენერგოდანადგარების მუშაობის ტექნიკურ-ეკონომიურ მაჩვენებლებს. ამ გარემოებას დიდი სახალხო-სამეურნეო მნიშვნელობა აქვს, რადგანაც იგი შესაძლებლად ხდის საქართველოში ენერგოტევად და თბოტევად მრეწველობის დარგების ორგანიზაციასა და განვითარებას.

საქართველოს სათბობი პოტენციური რესურსების სტრუქტურა და მისი დელი შესწავლის დონის მიხედვით, შემდეგი შეფარდებით ხასიათდება:

საქართველოს სათბობის პოტენციური რესურსების სტრუქტურა:

რესურსების სახეები	საზომი ერთეული	მარაგი ნატურ. ერთეულში	პირობით სათბობი მილ. ტონ.	ხვედრითი წონა %-ბით
1. ქვანახშირი	მილ. ტონა	265,0	185,4	31,9
2. ნახშირიანი ფიქალბე . . .	"	74,2	41,6	7,1
3. ნავთობი	"	176,2	264,0	45,4
4. ბუნებრივი საწვავი გაზი .	მილ. კ/მ.	25038	—	—
5. შეშის მერქანი	მილ. ტონა	—	37,0	6,4
	მილ. კ/მ.	200,3	—	—
	მილ. ტონა	—	54,0	9,2
სულ სათბობი რესურსები	მილ. ტონა	—	582,0	100,0

I. ქვანახშირის საერთო მარაგი 265,0 მილ. ტონის რაოდენობით შესდგება შემდეგ საბადოთა ნახშირისაგან: ტყიბულის საბადო. ამ საბადოს მარაგი დაამტკიცა მარაგთა ცენტრალურმა კომისიამ 1936 წ. 48.245 ათასი ტონის რაოდენობით, აქედან: A₂—21.568 ათასი ტონა, B—9.047 ათასი ტონა და C—17.630 ათასი ტონა.

ტყვარჩელის კოქსვალი ნახშირის საბადო. მარაგთა ცენტრალურმა კომისიამ 1936 წ. ტყვარჩელის საბადოს მარაგი დაამტკიცა მხოლოდ II ფართობზე 50.410 ათასი ტონის რაოდენობით, აქედან A₂—31.710 ათასი ტონა, B—18.700 ათასი ტონა. გარდა ამისა, ტყვარჩელის საბადოს ექვსივე ფართობზე გამოთვლილ ქვანახშირის რაოდენობა განისაზღვრება 69.500 ათასი ტონით.

გელათის საბადო სრულად ჯერ შესწავლილი არ არის. მარაგთა რაიონული კომისიის მიერ 1934 წ. გელათის საბადოს მარაგი დამტკიცებულია 1.008 ათასი ტონის რაოდენობით, აქედან B კატეგორიით—599 ათასი ტონა; C₁—409 ათასი ტონა.

ბზიბის კოქსვალი ქვანახშირის საბადოს მარაგი გამოკვლეულია მხოლოდ ნაწილობრივ; სახელდობრ: 1934 წ. ა/კ. სარაიონო მარაგთა კომისიამ დაამტკიცა მარაგი კოჯერბუის ფართობზე C₁ კატეგორიით 343 ათასი ტონის რაოდენობით. ჯიხვის ფართობზე ფენების სამუშაო ნაწილებში მარაგი შეადგენს 250 ათას ტონას.

მაგანის კოქსეადი ქვანახშირის მარაგი დამტკიცებული არ არის; რეზერვული ზოგადი გამოკვლევის საფუძველზე გამოთვლილი მარაგის ოდენობა განისაზღვრება 718 ათასი ტონის რაოდენობით.

გარდა ამისა, ჩვენს მიერ ანგარიშში არის მიღებული მურანახშირის საბადოები.

ახალციხის მურანახშირის საბადო. ამ საბადოს სრული შესწავლა აქამდე არ არის დამთავრებული. მარაგთა ა/კ. სარაიონო კომისიის მიერ 1935 წ. მარტო ვალეპამაჟის უბნისათვის-მარაგი დამტკიცებულია: A₂ კატეგ.—1.695 ათასი ტონა, B კატეგ.—3.500 ათ. ტონა, C₁ კატეგ.—7.132 ათ. ტ. და C₂ კატეგ.—18.558 ათ. ტონა, სულ—30.945 ათასი ტონა.

სამხრეთ უბნისათვის მარაგი გამოთვლილია 1935 წ. C₁ კატეგ.—3.600 ათასი ტონა, C₂ კატეგორიით—60.000 ათ. ტნ. სულ 63.600 ათ. ტნ. ეს მარაგი ჯერ დამტკიცებული არ არის. სულ ორივე უბანზე მარაგი ნანგარიშევი 94.545 ათასი ტონის რაოდენობით.

საქართველოში მოიპოვება მურანახშირის მთელი რიგი საბადოები, ჯერ-ჯერობით შეუსწავლელი და გამოუკვლეველი.

სათბობის პოტენციური რესურსების საერთო ოდენობის განსაზღვრის დროს საჭიროდ ვცანით მხედველობაში მიგველო სამხრეთ-კახეთის ნახშირის საბადო.

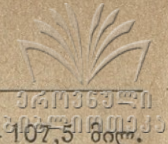
ეს საბადო შესწავლილი არ არის. საბადოს პერსპექტიული მარაგი მარტო I, III, და IV ფენებში (მხოლოდ საბადოს ცენტრალურ ნაწილში კიდურმისა და ალანდრის-ხევის შორის) გამოთვლილია 22.080 ათასი ტონ. რაოდენობით.

II. ნახშირიანი ფიქალების მარაგი დამტკიცებულია მარაგთა კომისიის მიერ ტყვარჩელისა და ტყიბულის საბადოებში შემდეგი რაოდენობით:

(ათას. ტონ.)	A ₂	B	C	სულ
ტყვარჩელი (ნახშირიანი ფიქალები) . .	13.640	18.440	—	32.080
ტყიბული (ბიტუმიანი, ნახშირიანი და ნახშირ კირიანი ფიქალები)	18.678	8.077	15.332	42.087
	32.318	26.517	15.332	74.167

პირობით სათბობზე გადაყვანისას ჩვენ ვსარგებლობდით სათბობის კოლორიული ეკვივალენტებით, რომელნიც დამტკიცებულია სსრ კავშირის სახკომსახ-კოსთან არსებული საგეგმო კომისიის მიერ 1939 წ. 27 ივლისს.

III. ნავთობის მიმართ ჩვენ ვღებულობთ მარაგს იმ რაოდენობით, რომელიც გამოქვეყნებულია სსრ კავშირის მეცნიერებათა აკადემიის საკავშირო ენერგეტიკული ინსტიტუტის მიერ—176,2 ათასი ტონის რაოდენობით, მათ შო-

რის კატეგორია A—2,6 მილ. ტონა, B—34,6 მილ. ტონა, C₁—107,5 მილ. ტონა¹.

მარაგის ეს რაოდენობა როდი ამოსწურავს ჩვენი ნავთობის რაიონების სრულ შესაძლებლობას, რადგანაც ისინი გეოლოგიური შესწავლის პერიოდში იმყოფებიან და ყოველწლიურად წარმოებს გამოძიებულ მარაგთა ვადიდება.

ჩატარებული ბურღვის შედეგად უკვე მოპოებული ნავთის ანალიზიდან ჩანს, რომ საქართველოს ნავთი მაღალხარისხოვანია. ასე, მაგალითად, ნათელი პროდუქტების რაოდენობა ნორიოს ნავთში 40%-ს უდრის, ხოლო მირზაანისა და შირაქის ნავთში 30%-ზე მეტია.

IV. ბუნებრივი საწვავი გაზის გამოყენებას უაღრესად დიდი მნიშვნელობა აქვს. საგულისხმოა, რომ ამერიკის შეერთებულ შტატებში ბუნებრივი გაზის ხვედრითი წონა სათბობ ენერგეტიკულ ბალანსში 10—11 პროცენტით განიზომება. საქართველოს ბუნებრივი გაზის სამრეწველო გამოყენების პირობები მოითხოვენ დაწვრილებით შესწავლას. დღეისათვის ბუნებრივი გაზების მარაგი საქართველოში განისაზღვრება პირობით სათბობში 37 მილ. ტონის რაოდენობით². „სათბობ-ენერგეტიკულ ბალანსში დიდ რეზერვს წარმოადგენს გაზის მრეწველობა. ეს მრეწველობის ახალი დარგია, რომელსაც დიდი მომავალი აქვს. იგი, თუ ასე შეიძლება ითქვას, კომუნისტური საზოგადოების მრეწველობაა“³.

V. შეშის მერქნის საერთო მარაგი განსაზღვრულია იმ ანგარიშიდან, რომ ტყით დაფარული ფართობი შეადგენს 1.996,6 ათას ჰექტარს, ხოლო შეშის საწვავი მერქნის საერთო მარაგი 200,3 მილ. კუბ. მეტრს, აქედან შეშის მერქანი—184,8 მილ. კუბ. მეტ. და ნარჩენები—15,5 მილ. კუბ. მეტ.

სათბობის აღნიშნულ სახეობათა გარდა საქართველოში მოიპოება აგრეთვე ტორფის ჭაობები, სადაც შესაძლებელია ტორფის სამრეწველო მოპოების ორგანიზაცია.

ტორფით მდიდარი ძირითადი ჭაობები მდებარეობს შავი ზღვის სანაპირო რაიონებში, ასეთია: ფოთის, რედუტ-კალეს, ხობის, სუხუმის, ნატანების, ოჩხამურის, გონიოს, მერიის, დიდიჭყონის, ანაკლიის და სხვ.⁴ განსაკუთრებით საინტერესო რაიონს წარმოადგენს ფოთისა და რედუტ-კალეს საბადოები.

ფოთის საბადო (სამი უბანი საერთო სივრცით 8.400 ჰექტარი) მხოლოდ ნაწილობრივ არის შესწავლილი; ნეკლი ტორფის საერთო მარაგი გან-

¹ იხ. Энергетические ресурсы СССР. Академия Наук СССР. Энергетический Институт. т. II, ст. 529.

² Там же.

³ ლ. მ. კავანოვიჩი, სიტყვა საქ. კ. ბ. (ბ) XVII ყრილობაზე. სახელგამის გამოცემა, 1939 წ., გვ. 32.

⁴ იხ. Минеральные ресурсы Грузии. изд. „Техника და შრომა“, ст. геологов И. Кахадзе и Акентьева.

საზღვრულია 450 მილ. კუბ. მეტ. რაოდენობით, აქედან გამოკვლეულია ლოდ 169,8 მილ. კუბ. მეტრი.

რედუტ-კალეს საბადო (სივრცით 3.360 ჰექტარი). მარაგი საორიენტაციო მონაცემებით განისაზღვრება 201,6 მილ. კუბ. მეტრის რაოდენობით.

დანარჩენ საბადოთა ნაწილის მარაგი ან არ არის გამოკვლეული, საორიენტაციო მონაცემებითაც კი, ან ნაანგარიშვგია მეტად მცირე რაოდენობით.

დასავლეთ-საქართველოს ტორფის ჭაობები ძირითადად ეკუთვნიან დაბლობიან ჭაობების ჯგუფს და მცირე დაშლილ ტორფს წარმოადგენენ, რომლის დაშლის ხასიათი იზრდება ქვედა ფენებში. კოლხიდის ტორფის ზედა ფენები გამოუსადეგია სათბობისათვის და სავსებით გამოსაყენებელია სხვა მიზნებისათვის.

ვინაიდან ტორფის მარაგი მთლიანად საორიენტაციო მონაცემთა საფუძველზედაც კი არ არის შესწავლილი, არ არის აგრეთვე განსაზღვრული მისი სამრეწველო დამუშავების წესიც და განსაკუთრებით ქვედა ფენებისა სათბობად გამოყენების სამრეწველო შესაძლებლობა, ჩვენ შესაძლებლად არ ვცანით სათბობის საერთო პოტენციური მარაგის გაანგარიშების დროს მხედველობაში მიგველო ტორფი, როგორც სათბობის რეალური რესურსი. მეორე მხრით, მიზანშეწონილად უნდა იქნას მიჩნეული დასავლეთ-საქართველოს ტორფის გამოყენება პირველ რიგში როგორც ნიადაგის გამანოყიერებელი, მასალისა (სასუქი). ჩაისა და ციტრუსების პლანტაციების მოსავლიანობის ზრდა აუცილებლად ხდის მინერალურ სასუქთა (აზოტი, ფოსფორი, კალიუმი) გარდა, ნიადაგში ორგანული სასუქის შეტანის საჭიროებას, რომელიც ასე ესაჭიროება საქართველოს სოფლის მეურნეობას. ამჟამად ორგანული სასუქი (ნაკელი) აზერბაიჯანიდან და სომხეთიდან გადაგვაქვს დას. საქართველოში 400—500 კილმ. მანძილზე რკინიგზით, რის გამოც ვერ ვაკმაყოფილებთ სრულად მოთხოვნილებას.

ამ გარემოებამ გამოიწვია ტორფის გამოყენების საჭიროება ორგანულ სასუქად ჩაისა და ციტრუსების პლანტაციებისათვის. უკანასკნელი 3—4 წლის განმავლობაში „საქართველოს ჩაის საბჭოთა მეურნეობათა“ ტრესტი ფართოდ იყენებს ტორფს (ტორფო-ფოსფორიანი კომპოსტები), რომლის ნიადაგში შეტანა გათვალისწინებულია სავალდებულო აგრომინიმუმით.

წინასწარი ანგარიშით ტორფის სასუქის საჭიროება ჩაის პლანტაციებისათვის ნაანგარიშვგია 700 ათ. ტ. რაოდენობით (ნორმა საშუალოდ—50 ტონა 1 ჰექტარზე, სინესტე—60%), ციტრუსების პლანტაციებისათვის კი 350 ათ. ტ.

აღნიშნული გარემოება აქტუალურად სვამს საკითხს ტორფის ჭაობების დამუშავებისა და მის საფუძველზე ნიადაგის გამანოყიერებელი სასუქების წარმოების შესახებ. რათა სავსებით იქნას დაკმაყოფილებული ჩაისა და ციტრუსოვან პლანტაციების საჭიროება-მოთხოვნილებანი.

საფუძვლიანად უნდა იქნას შესწავლილი ტორფის დამუშავების პირობები, მისი ფიზიკური და ქიმიური თვისებები, ტორფის მოპოვების მხრივ მეტად ეფექტიური რაიონების შერჩევით. მხოლოდ ამ სამუშაოთა ჩატარების შემდეგ გვექნება ჩვენ შესაძლებლობა გამოვიმუშავოთ სწორი აზრი და შეხედულება

ტორფის გამოყენების ეკონომიური მიზანშეწონილობის შესახებ. მანამდე, როდესაც ჩვენს მიერ ზემოთ გამოთქმული აზრი ტორფის სასუქების წარმოებისათვის გამოყენების შესახებ პირობითს ხასიათს ატარებს და სავსებით დამოკიდებულია სამეცნიერო-საგამოკვლევო მუშაობის შედეგებისაგან.

საქართველოს სათბობის პოტენციური რესურსების სტრუქტურა, სათბობის მოპოვებისა და დამზადების სტრუქტურასთან დაპირისპირებით, შესაძლებლობას გვაძლევს გამოვავაშკარავოთ მნიშვნელოვანი სხვაობა მოპოვებასა და რესურსების სტრუქტურას შორის.

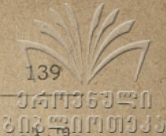
სათბობის პოტენციური რესურსებისა და მოპოვების სტრუქტურა სსრ კავშირში და საქართველოს სსრ-ში შემდეგი ციფრებით ხასიათდება:

სათბობის სახეები	სსრ კავშირი ¹		საქართველოს სსრ	
	სათბობის პოტენციური რესურსების ხვედრითი წონა	სათბობის მოპოვების ხვედრითი წონა 1935 წ.	სათბობის პოტენციური რესურსების ხვედრითი წონა	სათბობის მოპოვების ხვედრითი წონა 1938 წ.
1. ქვანახშირი	94,3	45,2	31,9	52,2
2. საწვავი ფიქალები	1,4	0,0	7,1	—
3. ტორფი	3,3	3,6	—	—
4. ბუნებრივი გაზი	0,1	1,1	6,4	—
5. ნავთობი	0,4	17,6	45,4	4,0
6. შეშის მერქანი	0,5	32,5	9,2	37,8
	100,0	100,0	100,0	100,0

ამგვარად, თხევადი სათბობის მოპოვებას საქართველოში ჯერჯერობით არ ეკუთვნის ის ადგილი, რომელიც მას უკავია სათბობის პოტენციური რესურსების სტრუქტურაში. უახლოესი წლების ამოცანაა, რათა საქართველოში მკვეთრად იქნას გაზრდილი ნავთის მოპოვება როგორც უკვე სამრეწველო მნიშვნელობის ფართობებზე, ისე ახალ ნავთობიან რაიონებში.

მეორე მხრით, შეშის მერქნის დამზადება სათბობის საერთო მოპოვებაში 37,8%-ით განისაზღვრება, მაშინ როდესაც სათბობი რესურსების მარაგში შეშის მერქნის ხვედრითი წონა 9% არ აღემატება. სათბობ-ენერგეტიკული მეურნეობის რაციონალიზაციის ერთერთ აქტუალურ ამოცანას შეადგენს შემცირე-

¹ Энергетические ресурсы СССР, т. II, ст. 450, изд. А. Н. Инст. энергетики: Вейц, Золотарев, Пробст, Руссаковский, Топливный баланс народного хозяйства.

ბულ იქნას შეშის დამზადება და მისი მოცულობა სათბობის საერთო დამზადებაში დაყვანილ იქნას იმ ხვედრითი წონაზე, რომელიც მას (შეშას) ეკუთვნის სათბობის პოტენციურ მარაგთა საერთო სტრუქტურაში.

სათბობის მოხმარების სტრუქტურა

სათბობის სხვადასხვა სახეობის ხარჯვა საქართველოს საბჭოთა სოციალისტური რესპუბლიკის სახალხო მეურნეობის მიერ 1938 წ. წინასწარი სავარაუდო გაანგარიშებით შემდეგ ციფრებში გამოიხატება¹:

სათბობის სახეები	საზომი ერთეული	ნატურალური გამოხატულებით	პირობით სათბობში (ათას ტონა)	%-ით ჯამის მიმართ
1. ქვანახშირი	ათასი ტონა	302,0	246,7	23,1
2. ნავთობი	"	423,8	635,7	59,5
3. შეშის მერქანი	ათასი კუბ. მეტრი	1,000	186,0	17,4
სულ	—	—	1068,7	100,0

I. ქვანახშირი ქვანახშირის ძირითად მომხმარებელს წარმოადგენს მრეწველობა; იგი მოიხმარს ქვანახშირის საერთო რაოდენობის 70—77%¹; მრეწველობა ქვანახშირს უმთავრესად გამოიყენებს როგორც ტექნოლოგიურ საწვავს (თერმიული მიზნებისათვის).

ქვანახშირის მოხმარების სტრუქტურა საქართველოს სსრ-ში შემდეგი ციფრებით ხასიათდება (ცხრილი იხ. 140 გვ.):

საქართველოში მოპოებული ნახშირის მოხმარების სტრუქტურისათვის დამახასიათებელია ორი სპეციფიკური მომენტი:

პირველი — საბჭოთა კავშირის სხვა რაიონებში ტრანსპორტის ხვედრითი წონა ქვანახშირის საერთო მოხმარების სტრუქტურაში 70 პროც. შეადგენს, ხოლო ა/კავკასიის რესპუბლიკების ქვანახშირის მოხმარების სტრუქტურაში

¹ ჩვენ არ მოგვეპოება საანგარიშო მონაცემები სახალხო მეურნეობის სხვადასხვა დარგის სათბობის ხარჯვისა, ამიტომ ვსარგებლობთ სათბობის რეალიზაციის გეგმების შესრულების მონაცემებით; ქვანახშირის მიმართ „გლავუგლესბიტის“ თბილისის კანტორის 1938 წ. ანგარიშით, თხევადი სათბობის მიმართ „ნფუთესბიტის“ თბილისის კანტორის მონაცემებით, ხოლო შეშის დარგში დამზადების გეგმათა შესრულების ცნობებით.

მ ი მ მ ა რ ე ბ ლ ე ბ ი	ქვანახშირის მოხმარების სტრუქტურა %/ბით 1937 წ.
ტრანსპორტი	6,5
ენერგეტიკა	2,8
მრეწველობა	76,9
დანარჩენი მომხმარებლები	13,8
ს უ ლ	100,0

რაში იგი 6—10 პროცენტს არ აღემატება. ეს გარემოება აიხსნება იმით, რომ ლ. პ. ბერიას სახელობის ამიერკავკასიის რკინიგზა, რომლის მახლობლად მდებარეობს ბაქოს ნავთის მრეწველობის რაიონი, იმთავითვე ძირითადად თხევად სათბობზე (მაზუთი) მუშაობდა, ხოლო უკანასკნელ ხანებში, საქართველოს ფარგლებში, ელექტრონის გამწვევ ძალაზე. ლ. პ. ბერიას სახელობის ა/კავკასიის რკინიგზა ნახშირს მოიხმარს მხოლოდ შენობებისა და წყლის გასათბობად და არა როგორც სათბობს ორთქლმავლებისათვის, სსრ კავშირის სხვა რაიონებში კი რკინიგზის ტრანსპორტი ძირითადად მაგარ მინერალურ სათბობზე—ქვანახშირზე მუშაობს. საქ. კ. პ. (ბ) XVIII ყრილობაზე ლ. მ. კავანოვიჩი აღნიშნავდა: „რკინიგზის ტრანსპორტი დღელამეში ხარჯავს 110—120 ათას ტონა ქვანახშირს. იგი ქვანახშირის ერთერთი უდიდესი მომხმარებელია“¹.

მეორე სპეციფიკური თავისებურება ა/კავკასიის ქვანახშირის ბალანსისა ისაა, რომ 1939 წლამდე თითქმის სრულად გამოირიცხულია ჩვეულებრივად ისეთი მძლავრი მომხმარებლები, როგორცაა ელექტროსადგურები. ეს გარემოება აიხსნება იმით, რომ საქართველოს ელექტრომეთურნობა ძირითადად ეყრდნობა „თეთრი ნახშირის“ გამოყენებას. მხოლოდ 1939 წ. ექსპლოატაციაში გადავიდა ტყვარჩელის თბოელექტროსადგური, სიმძლავრით 74 ათასი კვტ. (პირველი რიგი). ამ სადგურმა უნდა იმუშაოს ნახშირის გამდიდრების ნარჩენებზე; მისი მოთხოვნილება ნახშირისა შეადგენს 120 ათას ტონას. ამიტომ უკვე 1939 წ. ელექტროენერგეტიკული მიზნებისათვის ქვანახშირის მოხმარების ხვედრითი წონა გაიზარდა 20 პროცენტამდე, მიუხედავად ამისა, ელექტროსადგურების მოხმარების ხვედრითი წონა ქვანახშირის მოხმარებაში საქართველოში უფრო დაბალია, ვიდრე სსრ კავშირის სხვა რაიონებში.

¹ ლ. მ. კავანოვიჩის სიტყვა საქ. კ. პ. (ბ) XVIII ყრილობაზე. სახელგამის გამოცემა, 1939 წ. გვ. 26.

საქართველოში მოპოვებული ნახშირის მოხმარება რესპუბლიკების მიხედ-
ვით 1938 წ. შემდეგნაირად ნაწილდება:

	ხვედრითი წონა %/ობით
საქართველოს საბჭოთა სოც. რესპუბლიკა	66,8
სომხეთის " " "	28,5
აზერბაიჯანის " " "	2,0
ა/კავკასიის რკინიგზა	2,7
	100,0

საქართველოში ქვანახშირის მთავარ მომხმარებელს წარმოადგენს მრეწვე-
ლობა. მრეწველობის მიერ მოხმარებულ ქვანახშირის 65⁰/₀-ს მძიმე მრეწველობა
მოიხმარს. მძიმე მრეწველობის დარგთა შორის ძირითადი მომხმარებელია საამ-
შენებლო მასალათა მრეწველობა—კასპის ცემენტის ქარხანა (50—52 ათასი ტონა),
აგურისა და კირის ქარხნები და სხვ. მრეწველობის ეს დარგები აწარმოებენ
გამოწვის პროცესს, რომელიც თერმიული მიზნებისათვის მასობრივად საჭი-
როებს სათბობს.

მეორე ადგილი ეკუთვნის კვების მრეწველობას. ნახშირის მსხვილ მომხმა-
რებლებს წარმოადგენენ: ქუთაისისა და გორის საკონსერვო ქარხნები (6,3 ათასი
ტონა საქვაზე მეურნეობისათვის), შაქრის ქარხანა აგარაში (18 ათასი ტონა),
მარგარიტის ქარხანა თბილისში (1,5 ათასი ტონა საქვაზე მეურნეობისათვის),
თბილისის პურის საცხობი მექანიზებული ქარხნები (2,6 ათასი ტონა), სა-
ფერმენტაციო ქარხნები (2 ათასი ტონა). მსუბუქი მრეწველობის ხაზით: აბრე-
შუმის ძაფსაღები ფაბრიკები მახარაძეში, სამტრედიაში, წულუკიძეში, თე-
ლაში (საერთო მოხმარება 8,3 ათასი ტონა), თბილისის აბრეშუმის საქსოვი
ფაბრიკა (3,2 ათასი ტონა), ქუთაისის აბრეშუმის კომბინატი (2,9 ათასი ტონა),
თბილისისა და ქუთაისის მაუდის ფაბრიკები (10,9 ათასი ტონა), თბილისის
ლ. პ. ბერიას სახელობის ფეხსაცმლის ფაბრიკა „გიგანტი“ (17 ათასი ტონა
საქვაზე მეურნეობისათვის, რომელიც აწვდის ორთქლს თბილისის ქალაქის
ფაბრიკას).

ხე-ტყის მრეწველობის ხაზით ქვანახშირის მსხვილ მომხმარებელს
უკვე 1939 წლიდან წარმოადგენს ენგურის ქალაქის კომბინატი (13 ათასი
ტონა).

სომხეთის საბჭოთა სოციალისტურ რესპუბლიკაში საქართველოში
მოპოვებული ნახშირის მთავარი მომხმარებლები არიან: დავაღუს ცემენტის
ქარხანა, ალავერდის შაბიანის წარმოება და სხვა სამრეწველო საწარმონი.

საქართველოს ინდუსტრიალიზაციის პროცესის შემდგომი განვითარება
ადიდებს ქვანახშირის საჭიროებას, რაც განსაკუთრებით აქტუალურს ხდის.

ქვანახშირის მოპოვების მკვეთრ გადიდებას, როგორც უკვე მოქმედებაში მყოფი საწარმოთა განვითარების ხაზით (ტყიბულში ახალი საშახტო მშენებლობის დამთავრება, ტყვარჩელში მაღაროს საპროექტო სიმძლავრის სრული ათვისება), ისე ნახშირის ახალ საბადოთა სამრეწველო ექსპლოატაციის ორგანიზაციის მიმართულებით. პირველ რიგში სამრეწველო ექსპლოატაციის საკითხი ისმება ისეთი მნიშვნელოვანი ობიექტის მიმართ, როგორცაა ახალციხის საბადო.

სათბობის პერსპექტიულ ბალანსში არ უნდა იქნას გადიდებული ქვანახშირის გამოყენება ენერგეტიკულ მიზნებისათვის, რადგან, როგორც ზემოთ დავინახეთ, მისი მარაგი განსაზღვრულია და იგი ძირითადად გამოყენებულ უნდა იქნას მრეწველობის მიერ ტექნოლოგიურ მიზნებისათვის, ელექტროენერგეტიკა კი ძირითადად უნდა დაემყაროს ჩვენი ქვეყნის მდიდარ ჰიდროენერგეტიკული რესურსების გამოყენებას; ეს ძირითადი მოსაზრება სახელმძღვანელო ხასიათს უნდა ატარებდეს საქართველოს ელექტროსადგურების მშენებლობის პერსპექტიული გეგმების დამუშავების დროს.

II. სათბობის მთავარ სახეს, რომელიც მოიხმარება საქართველოში, წარმოადგენს თხევადი სათბობი (ნავთი, მაზუთი, კეროსინი, ბენზინი, მოტორული ნავთი), რომელიც გამოიყენება როგორც ენერგეტიკული მიზნებისა, ისე ტექნოლოგიური პროცესებისათვის. სათბობის საერთო ხარჯში თხევადი სათბობის ხარჯვის მაღალი ხვედრითი წონა (59,5%) აიხსნება შემდეგი გარემოებით:

ა) რკინიგზის ტრანსპორტი (გარდა ელექტროფიცირებული უბნებისა) მუშაობს მაზუთით, რომლის მიერ დახარჯული თხევადი სათბობი საერთო ხარჯის თითქმის ნახევარს შეადგენს; ელექტროფიცირებული უბნები ზამთარ-შემოდგომის პერიოდში, ელექტროენერჯის სიმციროს გამო, გამოითიშებიან ელექტრომომარაგებიდან და გადადიან ორთქლის წვეახზე;

ბ) მთელი რიგი საფაბრიკო-საქარხნო ელექტროსადგურები მუშაობს თხევად სათბობზე; გარდა ამისა, 1939 წ. მოქმედებაშია გადაცემული თბილისის თბოპროექტის სადგური (პირველი რიგის სიმძლავრე 4.0 ათასი კვტ.);

გ) თხევადი სათბობის მსხვილ მომხმარებელს წარმოადგენს საავტომობილო მეურნეობა და სოფლის მეურნეობის მექანიზაცია (ტრაქტორები, კომბაინები და სხვ.).

მეურნეობის მექანიზაციასთან დაკავშირებით ყოველწლიურად იზრდება ავტომობილებისა და ტრაქტორების პარკი, რაც ზრდის თხევადი სათბობის ხარჯვის ოდენობას და ადიდებს თხევადი სათბობის ხვედრითს წონას.

ჩვენი ამოცანა მდგომარეობს იმაში, რომ ყოველმხრივ შევამციროთ თხევადი სათბობის ხარჯვის ნორმები მისი მოხმარების რაციონალიზაციისა, ზუსტი აღრიცხვისა და ყაირათიანი ხარჯვის დანერგვის საფუძველზე, „თეთრი ნახშირის“ ფართოდ გამოყენების საფუძველზე გავადილოთ ელექტროენერჯის გამოყენება იქ, სადაც ეს შესაძლებელია და შევცვალოთ თხევადი სათბობის ხარჯვა ჰიდროელექტროენერგიით.

რკინიგზის მთლიანად ელექტროენერჯის გამწვევ ძალაზე გადაყვანით ჩვენ მივიღებთ რამდენიმე ასეული ტონა თხევადი სათბობის ეკონომიას; საქმარისია აღვნიშნოთ, რომ რკინიგზის მხოლოდ თბილისი — ხაშურის უბანზე ელექტროფიკაცია ყოველწლიურად უზრუნველყოფს 40.150 ტონა თხევადი სათბობის ეკონომიას, რომლის ღირებულება 4,5 მილ. მანეთს აღემატება.

ჰიდროელექტროსადგურების მშენებლობა (მცირე და საშუალო სიმძლავრისა) მნიშვნელოვნად შეუწყობს ხელს ელექტროენერჯის ფართოდ დანერგვას მრეწველობის სხვადასხვა დარგში, როგორც ძალოვან მეურნეობაში, ისე ტექნოლოგიური მიზნებისათვის; მთელი რიგი სამრეწველო დარგი, რომელიც დღეს ელექტროენერჯის ღებულობს თხევად სათბობზე მომუშავე ელექტროსადგურებიდან, გადაყვანილ იქნება ჰიდროელსადგურების ძალაზე; მაგალითად, 25 ქარხანა ელექტროენერჯით მარაგდება საფაბრიკო-საქარხნო დანადგარებიდან, რომელიც თხევად სათბობზე მუშაობს (დიზელები); მათი გადაყვანა ჰიდროელექტროსადგურებიდან მიღებულ ელექტროენერჯით მომარაგებაზე შეგინარჩუნებს თხედავი სათბობის რამდენიმე ათეულ ათას ტონას. საქმარისია აღვნიშნოთ, რომ მახარადის რაიონში მდ. ბჟუჟაზე დაპროექტებული საშუალო სიმძლავრის ჰიდროსადგური ჩაის ფაბრიკების მოთხოვნილებათა დასაფარავად ყოველწლიურად მოგვცემს 20—25 ათას ტონა თხევადი სათბობის ეკონომიას.

ჰიდროელექტრომშენებლობის გაფართოება უზრუნველყოფს ელექტროენერჯის გამოყენებას საყოფაცხოვრებო მიზნებისათვისაც, რის შედეგად შემცირდება თხევადი სათბობის ხარჯვაც.

III. შეშის მერქნის გამოყენება სახალხო მეურნეობაში სათბობი მიზნებისათვის მოითხოვს მკვეთრ შემცირებას. აუცილებელია ბინებისა და შენობების გათბობა ძირითად საქალაქო ცენტრებში ქვანახშირზე იქნას გადაყვანილი, რათა არ წარმოებდეს ჩვენი ტყეების განადგურება. მით უმეტეს, რომ საქართველოს ტყეები ძირითადად მაღალხარისხოვან მერქნის ჯიშებისაა (წიფელა). ამავე დროს საქართველოს ტყეებს ნიადაგისა და ჰაერის დასაცავად დიდი მნიშვნელობა აქვთ.

საქ. კ. პ. (ბ) XVIII ყრილობის მიერ დსახული მთელი რიგი ღონისძიება, მიმართული სათბობის ხარჯვის რაციონალიზაციისაკენ. ამ ღონისძიებათა შორის განსაკუთრებით აღსანიშნავია ქვანახშირის მიწისქვეშა გაზიფიკაცია.

ნახშირის მიწისქვეშა გაზიფიკაცია უზრუნველყოფს ქვანახშირის ენერჯის საწვავი გაზების ენერჯიად გადაქცევას უშუალოდ ქვანახშირის ფენის ჩაწოლის ბუნებრივ პირობებში. ამით მოიხსნება საჭიროება ადამიანის მიერ მიწის ქვეშ მძიმე საშუაოს გაწვეისა. საჭირო აღარ იქნება უდიდესი შრომის დანახარჯები ნახშირის მოპოვებაზე, საწვავი გაზი მიღებით მიეწოდება მომხმარებელს. საქართველოს პირობებში ქვანახშირის საბადოთა მიწისქვეშა გაზიფიკაციის შესაძლებლობანი და დანერგვის პერსპექტივები სპეციალურ შესწავლასა და გამოკვლევას მოითხოვს.

И р. М и к е л а д з е

К анализу топливного баланса Грузинской ССР

(Резюме)

Одной из первоочередных задач социалистического строительства в СССР является всемерное развитие и расширение производства местного топлива во всех известных районах страны, в целях создания благоприятных условий для дальнейшей индустриализации этих районов и ликвидации уродливого и противоречивого топливного хозяйства довоенной России.

В Грузинской ССР, в связи с осуществляемой советской властью социалистической индустриализацией, проведена большая работа по организации каменноугольной и нефтяной промышленности.

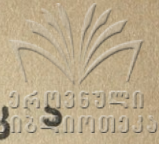
На основе сопоставления структуры топливных ресурсов Грузии со структурой фактического потребления топлива в республике, устанавливается несоответствие между наличием ресурсов отдельных видов топлива и их объемом потребления в народном хозяйстве.

В связи с этим намечается задача всемерного форсирования расширения добычи угля и нефти и сокращения расходования древесного топлива.

Ограниченность запасов каменного угля в Грузинской ССР ставит задачу широкого использования богатых гидроэнергетических ресурсов и строительства гидроэлектростанций, в целях экономии каменноугольного топлива для технологических нужд промышленности.

Создание бездефицитного баланса угля в ближайшие годы и обеспечение дальнейшего роста народного хозяйства республик Закавказья не представляется возможным без форсирования работ по строительству, связанному с освоением проектных мощностей шахт Ткибули и Ткварчели, а также без включения в действие новых дополнительных мощностей шахт на уже выявленных угольных месторождениях в Грузии.

Первоочередным объектом, подлежащим освоению, является Ахалцихское месторождение бурых углей.

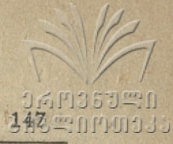

დისერტაციების დაცვა სამეცნიერო ხარისხის მოსაპოვებლად

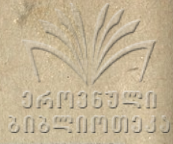
1940 წლის თებერვლიდან 1 ივლისამდე (აკადემიური წლის დასასრულამდე) სტალინის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტში დისერტაციები დაიცვეს და სათანადო სამეცნიერო ხარისხი მიიღეს შემდეგმა პირებმა:

დისერტანტის გვარი, სახელი და მამის სახელი	სამეცნიერო წოდება	დისერტაციის თემა
1. ჩახვაშვილი ნიკოლოზ ალექსანდრეს-ძე	ისტ. მეცნ. კანდ.	„კახეთის აჯანყება 1812 წელს“
2. ყუბანეიშვილი სოლომონ ივლიანეს-ძე	ფილოლოგ. მეცნ. კანდ.	„ნარკვევი მეექვსე საუკუნის ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან (ვესტატი მცხეთელი).“
3. მალრაძე პეტრე გიორგის-ძე	ბიოლოგ. მეცნ. კანდ.	„Проявление эхинококкоза при искусственном заражении собак и при естественной инвазии у промежуточного хозяина.“
4. კალინიჩენკო ანდრია იაკობის-ძე	ეკონ. მეცნ. კანდ.	„Основные вопросы единого государственного бюджета СССР“
5. ბრეგაძე ალექსანდრე ნიკოლოზის-ძე	ბიოლ. მეცნ. დოქტ.	„ძაღლის უნარი რიგობითი «თვლისა» და მისი ბუნება“
6. მელიხოვი ალექსი ნიკოლოზის-ძე	ისტ. მეცნ. კანდ.	„Ленин и революция 1905 года в Закавказье“
7. ვლადიმეროვი ვლადიმერ ივანეს-ძე	ბიოლ. მეცნ. კანდ.	„Севанская храмуля“
8. პავლოვი პეტრე იოსების-ძე	„ „ „	„Биология севанских форелей и освоение их промыслом“
9. კახნიაშვილი ალექსანდრე ილარიონის-ძე	ქიმიის მეცნ. კანდ.	„კოლოიდური პლატინის მოწამვლის დამოკიდებულება მორფინი-ჯგუფის ალკალოიდების სტრუქტურასთან“
10. ასათიანი დავით ყაფლანის-ძე	პედაგოგ. მეცნ. კანდ. (ფსიქოლ.)	„მეხსიერების პირველი ფაზის შესახებ“

დისერტანტის გვარი, სახელი და მამის სახელი	სამეცნიერო წოდება	დისერტაციის თემა
11. კაკაბაძე აკაკი ილიას-ძე . . .	ეკონ. მეცნ. კანდ.	„სსრ კავშირის და მოკავშირე რეს-პუბლიკათა საბიუჯეტო უფლებების საფუძვლები“
12. ციბა ვიქტორ თომას-ძე . . .	ისტ. მეცნ. კანდ.	„Крестьянские движения и ре-форма 1861 г. в России“
13. ხალილოვი ზაიდ ისმაილ-ოღლი	ფიზ.-მათ. მეცნ. კანდ.	„Задача Клебша и ее обобщение“
14. ჩიქოვანი მიხეილ იასონის-ძე	ფილოლ. მეცნ. კანდ.	„ქართული ხალხური ზღაპრები“
15. კალანტარლი ხუდოვერდ შახ-ბაზ-ოღლი	ქიმიის მეცნ. კანდ.	„Получение карбоновых кислот путем окисления воздухом углеводородов, выделенных селективными сольвентами из нефтяных дестиллатов“
16. კულიზაძე სალმან ნარიმან-ოღლი	ქიმიის მეცნ. კანდ.	„Алкимирование нафталина при помощи изоамилбромиды, нормального гентил-бромиды, децил-бромиды (третичн.), додецилхлорида (третичн.) и эйкозилхлорида (третичн.) под влиянием безводного хлористого алюминия“
17. ყავერიშვილი ბესარიონ ივანეს-ძე	გეოგრაფ. მეცნ. დოქტორი	„Ландшафтно - гидрологические зоны Грузии“
18. დაინი ალექსანდრე ივანეს-ძე	ეკონ. მეცნ. კანდ.	„Анализ хозяйственной деятельности строительных организаций“
19. აბულაძე ვალერიან ივანეს-ძე	ეკონ. მეცნ. კანდ.	„საქონლის გატარების ძირითადი საკითხები სსრ კავშირში“
20. ბეჟიაშვილი ვლადიმერ დავითის-ძე	პედაგ. მეცნ. კანდ.	„სილუეტების აღქმა უსინათლო ბავშვთა მიერ“
21. ლომსაძე ნიკოლოზ სერგოის-ძე	ოურიდ. მეცნ. კანდ.	„საკოლმეურნეო საკუთრება როგორც ფორმა სოციალისტური საკუთრებისა“
22. გორგაძე ალექსანდრე ვასილის-ძე	პედაგ. მეცნ. კანდ.	„თვალსაჩინოება სამოქალაქო ისტორიის სწავლებაში“
23. არენც არმო ბაგრატიის-ძე . . .	ისტ. მეცნ. კანდ.	„Сталин и революционное движение в Армении в 1906—07 гг.“
24. ძიმისტარიშვილი სოკრატ ივანეს-ძე	ისტ. მეცნ. კანდ.	„ცარიზმის გამარჯვებელი პოლიტიკა საქართველოში“
25. ვობლი ვადიმ კონსტანტინეს-ძე	ეკონომ. მეცნ. კანდ.	„Переписи населения в капиталистических странах“

დისერტანტის გვარი, სახელი და მამის სახელი	სამეცნიერო წოდება	დისერტაციის თემა
26. ჭილაია სერგო ესტატეს-ძე .	ფილოლ. მეცნ. კანდ.	„შიო არაგვისპირელი“ (ლიტერატურული უანრი და თემატიკა)
27. ჭადეიშვილი ნინო ვასილის ასული	ისტორ. მეცნ. კანდ.	„Грузия в период Закавказского комиссариата и Сейма“ (ноябрь 1917 г.—май 1918 г.)
28. ჭეიშვილი ნიკოლოზ ივლიანეს-ძე	ისტორ. მეცნ. კანდ.	„ცარიზმის კოლონიური პოლიტიკა დასავლეთ-საქართველოში XVIII საუკ.“
29. სამსონია აპოლონ გიტოს-ძე .	ფილოლ. მეცნ. კანდ.	„ალ. გრიბოედოვი ქართულ ენაზე“
30. ესებუა გრიგოლ გრიგოლის-ძე	ფილოლ მეცნ. კანდ.	„სოფრომ მგალობლიშვილის შემოქმედება“
31. ფანცხავა არჩილ იაკობის-ძე .	ეკონომ. მეცნ. კანდ.	„Противоположность между городом и деревней и ее уничтожение“
32. კარბელაშვილი ლუარსაბ ანდრეას-ძე	ეკონომ. მეცნ. კანდ.	„მეხილეობა შიდა ქართლში და სამხრეთ-ოსეთის ავტ. ოლქში“
33. გამყრელიძე გიორგი სამსონის-ძე	ეკონომ. მეცნ. კანდ.	„ხელოსნური მრეწველობა და ამქრული წყობილება საქართველოში“
34. ერისთავი მიხეილ სამსონის-ძე	მინერ.-გეოლ. მეცნ. კანდ.	„ქუთაისის მიდამოების ცარცის შუანაწილის სტრატეგრაფია“
35. ცაგარელი არჩილ ლუკას-ძე .	მინერ.-გეოლ. მეცნ. კანდ.	„დასავლეთ-საქართველოს ცარცული ინოცერამები“
36. კობერიძე ალექსანდრე ვარლამის-ძე	ბიოლოგ. მეცნ. კანდ.	„გამოკვლევები ზრდის ნივთიერებათა მოქმედებაზე კალმების დაფესვიანების დროს“
37. ანელი ნიკოლოზ ანტონის-ძე	„ „ „	„ფერადი სინათლის გავლენა თესლების გალივებაზე და მცენარის შემდგომ განვითარებაზე“
38. ბერიძე ვანტანგ ვუკოლის-ძე	ხელოვნებათმც. მეცნ. კანდ.	„სავანე, XI საუკუნის ქართული ხუროთმოძღვრების ძეგლი“
39. ფაფრეშტეინი სამუილ მოსეს-ძე	ისტორ. მეცნ. კანდ.	„Социально - политические и экономические воззрения декабристов. П. И. Пестель“
40. მეგრელიშვილი გაბრიელ ივანეს-ძე	ეკონომ. მეცნ. კანდ.	„კლასიკური პოლიტიკური ეკონომიის ღირებულების თეორია“
41. კირვალიძე ირაკლი დიანოსის-ძე	ფიზ.-მათ. მეცნ. კანდ.	„К вопросу заряжения поверхности диэлектриков“
42. კორძაია მიტროფანე ოტიას-ძე	ფიზ.-მათ. მეცნ. კანდ. (გეოფიზ.)	„ნალექები დასავლეთ-საქართველოში“

დისერტანტის გვარი, სახელი და მამის სახელი	სამეცნიერო წოდება	დისერტაციის თემა
43. კანდიევი ბოგდან ივანეს-ძე .	ფილოლოგ. მეცნ. კანდ.	„Чечено-ингушский фольклор как исторический источник“
44. ჯანელიძე პროკოფი ივანეს-ძე	პედაგოგ. მეცნ კანდ.	„მასწავლებლის ავტორიტეტი“
45. სიგუა სერგო ნოეს-ძე	პედაგ. მეცნ. კანდ.	„საერთო განათლების ფაქტა საშუალო სკოლა საქართველოში“
46. გადიევი პეტრე იურის-ძე	პედაგ. მეცნ. კანდ.	„Школы в Южной Осетии в XIX и XX вв. до ее советизации“
47. ციციშვილი გიორგი იოსების-ძე	ქიმიის მეცნ. კანდ.	„თბილისის გოგირდის წყლების ბუნება“
48. ჩხენკელი არკადი ზაქარიას-ძე	„ „ „	„Кристалло-алкоголяты мангано-хлорида“
49. შეინ-ზადე ისმაილ აღის-ძე	ფიზ. გეოგრაფ. მეცნ. კანდ.	„Географический очерк озер Аншеронского полуострова“
50. გუგუშვილი პაატა ბესარიონის-ძე	ეკონ. მეცნ. დოქტორი	„საქართველოსა და ამიერკავკასიის კოლონიზაცია XIX საუკ. (რეფორმამდელი პერიოდი)“.

ამათ გარდა, უნივერსიტეტის სამეცნიერო საბჭომ შუამდგომლობა აღძრა სსრკ-ის სახკომსაბჭოსთან არსებული უმაღლესი სკოლის საქმეთა კომიტეტის წინაშე, რათა დაუტყველად მიენიჭოთ: ფილოლოგიის მეცნიერებათა დოქტორის ხარისხი ს. დანელიას, გეოგრაფიის მეცნიერებათა დოქტორისა—გ. გეხტმანს და გეოლოგია-მინერალოგიის მეცნიერებათა დოქტორისა—აღ. თვალკრელიძეს.

ტექნოდაქტორი გ. ბოლქვაძე
 კორექტორი ი. ანდრონიკაშვილი
 გადაეცა წარმ. 24/VII 40
 გამომც. შეგვ. № 83
 სტამბის შეკვეთა № 460

ტირაჟი 500
 ანაწყ. ზომა 7×11
 ქაღალ. ზომა 72×105
 უფ 1360
 ხელმ. დასაბეჭ. 25/IX 40

სტალინის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის შრომების განყოფილება

1. „შრომები“ წარმოადგენს სტალინის სახელობის თბილისის უნივერსიტეტის პერიოდულ სამეცნიერო ბეჭდვითს ორგანოს, რომელშიც იბეჭდება უნივერსიტეტის მეცნიერი მუშაკებისა და, ცალკეულ შემთხვევებში, სხვა მეცნიერთა სამეცნიერო შრომები.

2. „შრომები“ იბეჭდება ქართულ ან რუსულ ენაზე, ხოლო ცალკეულ შემთხვევებში საბჭოთა კავშირის ხალხთა სხვა ენებზეც და აგრეთვე გერმანულ, ფრანგულ ან ინგლისურ ენებზე. ქართულ შრომებს აუცილებლად უნდა დაერთოს რეზუმე რუსულ ენაზე; ამას გარდა, ქართულ და რუსულ შრომებს შესაძლებელია დაერთოს რეზუმე ერთერთ ზემოდასახელებულ უცხო ენაზე, ხოლო საბჭოთა კავშირის სხვა ხალხთა და გერმანულ, ფრანგულ და ინგლისურ ენებზე დაბეჭდილ სამეცნიერო შრომებს აუცილებლად უნდა დაერთოს რეზუმე ქართულ ან რუსულ ენაზე.

შენიშვნა: შინაარსი, ნაშრომთა ავტორების და სათაურების დასახელებით, დაერთვის ქართულ, რუსულ და ფრანგულ ენებზე.

3. თითოეული დასაბეჭდი ნაშრომის მოცულობა, რეზუმეს ჩათვლით, როგორც წესი არ უნდა აღემატებოდეს 1,5—2,0 საავტორო თაბახს.

4. „შრომები“ ქვეყნდება ყოველთვიურად (გარდა ზაფხულის ორი თვისა) ცალკე ტომებად, თითოეული ტომი 10 საავტორო თაბახის მოცულობით. წლიურად, ამრიგად, გამოდის 10 ტომი.

5. დასაბეჭდად წარდგენილი სამეცნიერო ნაშრომი, რეზუმესთან ერთად, უკეთუ იგი ნაშრომს ერთის, უნდა იყოს სავსებით გამზადებული დასაბეჭდად: ა) საბეჭდ მანქანაზე გადაბეჭდილი და შესწორებული, ანდა სუფთად ხელით გადაწერილი, აუცილებლად ცალ გვერდზე; ბ) ფორმულები და საკუთარ სახელთა ან სხვა უცნაური დასახელებანი მკაფიოდ უნდა იყოს ხელით ჩაწერილი ტექსტში; გ) ციტირებული ლიტერატურის დასახელება უნდა იყოს სრული: ავტორის, წიგნის ან პერიოდული გამოცემის სრული სახელწოდების, წერილის სრული სათაურის, პერიოდული გამოცემის ტომის, გამოცემის ადგილისა და დროის აღნიშვნით.

6. დასაბეჭდ ნაშრომზე აღინიშნება კათედრა, ლაბორატორია და სხვ., საიდანაც იგი წარმოსდგა.

7. ნაშრომის დასაბეჭდად მიღების შემდეგ ტექსტი არავითარი შესწორებისა და დამატების შეტანა არ შეიძლება. უკეთუ დასაბეჭდად მიღების შემდეგ ან აწყობა-ბეჭდვის პროცესში გამოირკვა, რომ მასში შესწორება-დამატებათა შეტანა აუცილებელი, ნაშრომი ბეჭდვიდან ამოიღება.

8. დასაბეჭდი ნაშრომი უნდა გადაეცეს „შრომების“ პასუხისმგებელ მდივანს, რომელიც, წინასწარი გაცნობის შემდეგ, პასუხისმგებელ რედაქტორთან შეთანხმებით, უზახანის მას სათანადო განყოფილების რედაქტორს სარედაქციოდ და დასკვნისათვის.

9. რედაქციის პასუხისმგებელი მდივანი რედაქტორთა მიერ შემოწმებულ და დასკვნამიცემულ ნაშრომებს, „შრომების“ მორიგი ტომის შინაარსის პროექტთან ერთად, წარუდგენს სარედაქციო კოლეგიას.

10. სარედაქციო კოლეგია განიხილავს წარმოდგენილ ნაშრომებს, რედაქტორთან შენიშვნებისა და დასკვნების საფუძველზე, და დამტკიცებს „შრომების“ მორიგი ტომის შინაარსს, რომელშიც ცვლილებების შეტანა, კოლეგიის დადგენილების გარეშე, არ დაიშვება.

11. „შრომების“ მორიგ ტომში შესულ ნაშრომთა საბოლოო რედაქციას, როგორც სტილისტურს, ისე შინაარსის მხრივ, აწარმოებს რედაქტორი, რომელიც მასალას სასტამბოდ ამზადებს.

12. რედაქტორივე ამოწმებს აწყობილ და გვერდებად შეკრული ანაბეჭდის ბოლო კორექტურას, რომელიც საბოლოოდ შესამოწმებლად და ხელმოსაწერად გადაეცემა პასუხისმგებელ რედაქტორს.

13. პასუხისმგებელი რედაქტორის ხელმოწერის შემდეგ აწყობილი თაბახი იბეჭდება.

14. ავტორს ეძლევა ერთერთი საკორექტურო ანაბეჭდი ერთი დღის ვადით მარტოდენ საკორექტურო შესწორებათა შესატანად.

15. ავტორს უფასოდ ეძლევა მისი ნაშრომის 50 ამონაბეჭდი და ერთი ცალი „შრომების“ იმ ტომისა, რომელშიც მისი ნაშრომი მოთავსებული.

ფანის მანეთი

ქართული
ანტიკობათმცოდნეობის
ინსტიტუტი

